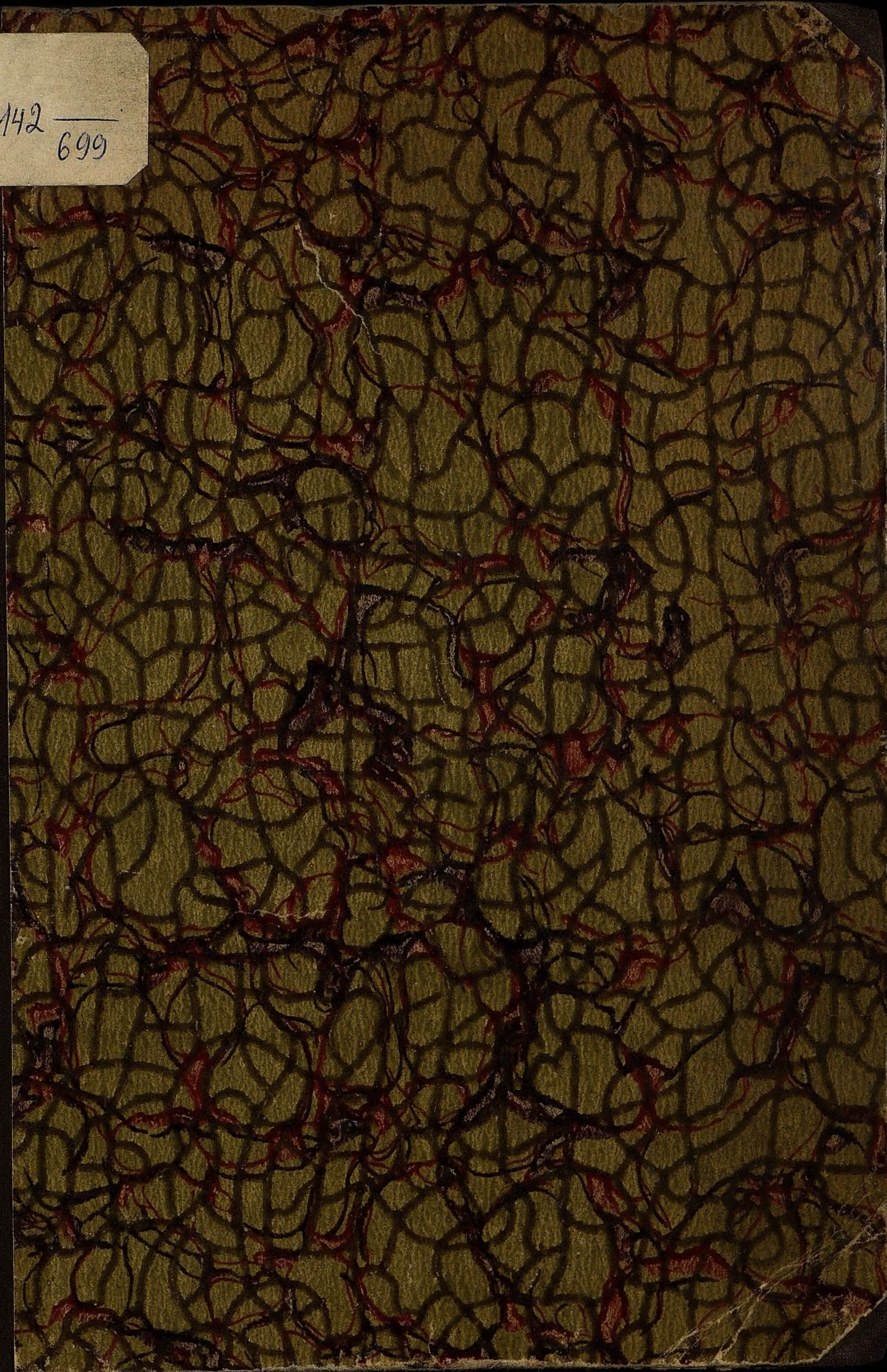
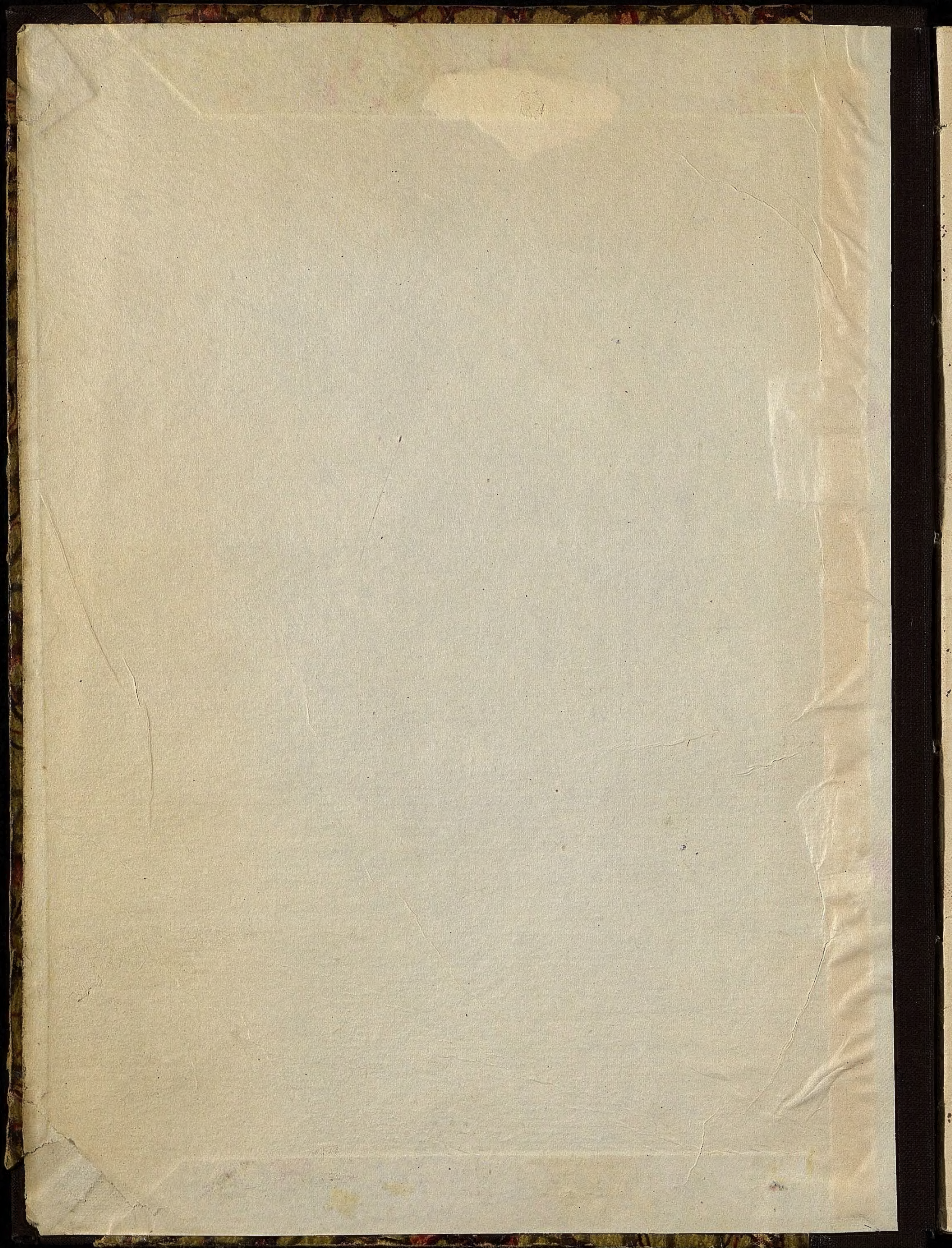

ОЛАФЪ БРОКЪ.

ГОВОРЫ

КЪ ЗАПАДУ ОТЪ МОСАЛЬСКА.

(Съ картой).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1916.

ОЛАФЪ БРОКЪ.

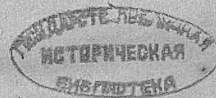
ГОВОРЫ

КЪ ЗАПАДУ ОТЪ МОСАЛЬСКА.

(Съ картой).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1916.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
Іюнь 1916 года.
Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

Содержанiе.

V. Спасъ-Деминское.

Предисловіе.

Настоящій трудъ представляетъ вторую часть того матеріала, который я собралъ во время путешествія, предпринятаго по приглашенію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ лѣтомъ 1902 г. Первая часть, «Описаніе одного говора изъ югозападной части Тотемскаго уѣзда», появилась въ 1907 г. Обработка настоящей, второй части сильно замедлилась разными обстоятельствами, главнымъ образомъ моимъ участіемъ въ Энциклопедіи славянской филологіи, для которой я, по желанію Академіи-же, составилъ «Очеркъ физіологіи славянской рѣчи». Замедленіе обработки въ пользу «Очерка» выгодно, впрочемъ, въ томъ отношеніи, что можно теперь ссылаться на физіологическія объясненія «Очерка», и этимъ не мало сократить мое изложеніе. Тамъ же указаны причины перемѣнъ, впрочемъ незначительныхъ, въ моей транскрипціи, сравнительно съ прежними моими описаніями говоровъ, какъ то употребленія въ извѣстныхъ случаяхъ удвоеннаго согласнаго вмѣсто знака долготы, u̯- на мѣстѣ u̥-, [u̥]-.

О главной цѣли моей поѣздки, о базисѣ, съ котораго я взялся за задачу, о точкѣ зрѣнія, съ которой справедливая критика должна смотрѣть на мой трудъ и на мои результаты, сказано въ предисловіи къ «Описанію одного говора Тотемскаго уѣзда» и въ предварительномъ отчетѣ о поѣздкѣ (Отч. о дѣятельности Отд. Русск. Яз. и Слов. за 1902 г.). Необходимо лишній разъ подчеркнуть относительно нижеслѣдующихъ моихъ описаній, что главною стороной моей задачи надо было считать освѣщеніе звуковыхъ особенностей въ живомъ произношеніи. Съ этой цѣлью вообще собранъ мой матеріалъ. Способы собиранія были различны, смотря по индивидуальности источниковъ и тому времени, которое я могъ удѣлить; распоряжаясь иногда хорошими «объектами» для моихъ наблюденій и достаточнымъ временемъ, чтобы ознакомиться съ говоромъ раціональнымъ и удовлетворительнымъ образомъ, я въ другихъ случаяхъ долженъ былъ довольствоваться меньшимъ. Отсюда различія и неровности въ матеріалѣ. Однако, для освѣщенія звуковыхъ особенностей, ихъ условій въ нынѣшнемъ произношеніи, взаимнаго отношенія говоровъ и общаго направленія лингвистическаго развитія данныхъ мѣстностей, моего матеріала достаточно. Зато недостаетъ, конечно,

очень многаго для полнаго, подробнаго описанія говоровъ, со всѣхъ сторонъ, м. пр. ихъ лексикальнаго состава. Такое углубленіе въ предметъ нужно предоставить урожденнымъ русскимъ.

Изъ предварительнаго отчета припомнимъ слѣдующія подробности. Мои изслѣдованія въ Мосальскомъ уѣздѣ должны были охватить болѣе широкій кругъ говоровъ, къ западу отъ Мосальска. Свои наблюденія я началъ разсмотрѣніемъ говора подмосальскаго села *Ивонина*. Вынужденный вслѣдствіе болѣзни отложить на время поѣздку далѣе на западъ, я пользовался временемъ для ознакомленія въ Мосальской тюрьмѣ съ говоромъ села *Кобылья Спасскаго* къ юго-западу отъ Мосальска, и для наблюденій надъ произношеніемъ уроженцевъ дальнѣйшихъ мѣстностей уѣзда, на границѣ Жиздринскаго. Переселившись въ Сильковичи, я познакомился по возможности съ говоромъ *Сильковичской волости*, а потомъ, въ *Спасъ-Деминскомъ*, съ главными чертами говоровъ около этого мѣстечка, пограничныхъ уже съ Ельнинскимъ уѣздомъ Смоленской губерніи. Жаль, что времени для наблюденій здѣсь оставалось немного, вслѣдствіе указанной выше неудачи. Надѣюсь, однако, что главныя черты произношенія выйдутъ и для этой мѣстности достаточно ясно для характеристики говоровъ.

Указанному ходу изслѣдованій соотвѣтствуетъ вообще и порядокъ слѣдующаго ниже матеріала. Исходной точкой беру говоръ села Ивонина, сравнивая явленія слѣдующихъ говоровъ съ результатами, выведенными изъ него. При томъ, для контроля и лучшаго выясненія наблюденій надъ Ивонинскимъ говоромъ, описаніе Кобыльскаго говора излагаетъ отчасти тѣ-же самыя подробности; для прочихъ говоровъ можемъ довольствоваться болѣе сжатыми указаніями.

Сокращенія.

Научныя работы: «Очеркъ» — Очеркъ физіологіи славянской рѣчи, Вып. 5, 2 Энциклопедіи славянской филологіи, СПб. 1910.

«Описаніе» — Описаніе одного говора изъ юго-западной части Тотемскаго уѣзда, СПб. 1907.

«Прогр(амма)» — Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ, СПб. 1900.

Говоры: Дем.: Спасъ-Деминское, Спасъ-Деминскій говоръ.

Ив.: Ивонино, Ивонинскій говоръ.

Коб.: Кобылье-Спасское, говоръ Кобылья и Котова.

Сильк.: Сильковичи, говоръ Сильковичъ съ окрестностью.

Студ.: Студеново.

I. Ивонино.

1. Оріентирующія замѣтки. Какъ сказано въ предварительномъ отчетѣ, для Ивонина, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ города Мосальска, нужно предположить сильное вліяніе на говоръ извнѣ, тѣмъ болѣе что мужское населеніе этихъ мѣстностей находится т. е. постоянно на отхожихъ промыслахъ. Вліяніе извнѣ дѣйствуетъ съ особенной силой съ востока, скрывая старую подкладку все болѣе подъ московскую окраску. Это вліяніе, конечно, особенно замѣтно у молодого поколѣнія, но оно часто рисуется ясно и въ произношеніи старшаго. Однако, оно не мѣшаетъ возстановленію главныхъ особенностей въ произношеніи старшаго поколѣнія; иногда напротивъ борьба произношеній болѣе ранняго съ новымъ выставляетъ принципіальную разницу даже ярче на глаза наблюдателя.

Для оріентировки въ звуковомъ составѣ говора начну съ передачи краткой сказки, записанной у 72-хъ-лѣтней старушки Ольги Ахремовны («xwaḿiľi̯a páwłowa»). Передаю сказку по возможности близко къ слышанному, безъ стилизаціи колебаній или варіантовъ, даже такихъ, которыя не имѣютъ особаго значенія для нашей цѣли.

žyłá ńekъi̯a starúškà, zavúť i̯ei̯á (-i̯é) márxwъi̯. žyv́éť aná, i stárъi̯ä starúška.

i nъpáľi na i̯ei̯é ďäŕéu̯ńú[1]) dъ-i-uźáľi sýnъ (-na), ъddáľi[2]) u-sъłdáty. i ъtstáłъs adná márxwa, γóŕi γoŕivát[3]), i skъzáľi márxvy štъ-búďiť caŕ i̯exъd-daróγъi̯[4]).

ъx, pai̯ lú i̯a, nъ-caŕóčka pъγľäžú! tóľḱъ-ná vyxóďit is-kaľítki, i-caŕók wót-ъn, pŕii̯éxъł.

---

1) Я слышалъ также -ńii̯u; ä перваго слога склоняется къ e.

2) Другая версія: zdáľi.

3) Вѣроятно изъ заимствованныхъ формулъ; ср. ниже γóŕe γaŕúi̯ú.

4) Медленно: i̯éxъť daróγъi̯.

ox, bábuška, kudý ty-i̯d́ôš?

i̯a xačú nъ-cаŕḱá pъγl̆äd́ét́.

nu — a-i̯ón i̯êi̯ i γъvaŕîť: atapŕî kal̆îtku svai̯ú, i̯a x-ťibé pai̯dú, u-xátu-u̯-twai̯ú, — i γl̆äd́î[5]) na ḿiná.

i śeł i̯on na-kóńiku i γъvaŕîť: ty adná γъvaŕiť, žyv́óš? aná i γъvaŕîť dá báťuška, adná žyvú, γóŕe γaŕúi̯ü[3]). što-š ty bábuška, adná-i̯ žyłá v́ek svoi̯? ńet báťuška, γъvaŕiť, był u ḿińé synók, ъddál̆i mъi̯avó synká u sъłdáty.

a-i̯ón i γъvaŕîť: bábuška, ty ḿina ńabóś ruγá[i̯]iš šu (što) sýna uźáł u sъłdáty?

ńed báťuška, ńε-ruγái̯ü i̯a ťibé, a i̯á zъ-ťibé-u̯śö-bóγu mal̆ûś.

a i̯on i γъvaŕîť, caŕ: a štó bábuška, ṕrisyłáiť on ťibé ṕiśmy?

ṕrisyłáiť, báťuška.

nu što-š on ťibé beŕétsa za-słúžbu?

o báťuška, ṕišyť xъrašó, ńi-tužý γъvaŕîť mátuška aba-mné; i̯a wóčiń xъrašó pъńimái̯u.

a pazvól̆, γъvaŕîť, pъkažý mńe ṕiśḿäcó i̯ávó! nu, aná pъšłá, ṕiśḿącó i̯amú nъšłá, ṕŕińisłá, ъddъłá caŕú-u̯ ŕúki: nu-wó báťuška, pъγl̆äd́î na ṕiśḿecó!

i̯on uźáł, výtъššył γrámъtku i zъṕisáł kak i̯awó zawúť, i̯kakói̯ róťi słúžyť, uśo zъṕisáł. i-nu-wót, bábuški[6]), ťibé ṕiśmó, pъsyłái̯ sýnu pakłón, a i̯a skažú pakłón aťťibé, dá. nu bábuška, pazwól̆ mńe bel̆i̯ó ṕirḿeńîť[7]). ṕir-ḿéńîł[8]) bel̆i̯ó, nu i wźał výtъššył ṕiťεŕičók i γъvaŕîť: prъššái̯ bábuška, prъššái̯.

nu prasťîl̆śi śi̯éi̯u i pъbłaγъdaŕîł[8]) i̯eie, i skъzáł: nu bábuška, ťêṕéŕ dъžydái̯ synóčka svai̯vó[9]) — a štó i̯on ťibe, bábuška, dúžä[10]) tabé nádъ? káγ-žə[10]) mńé ńe nádo, kъl̆i ḿińe kaŕḿîť ńékъmu!

ṕriižžáid-damói̯[11]) caŕ, sъbrál "śéx sъłdát, u šaŕónki pъstъnavîł, śičás i̯étъvъ sýna ḿáŕxẃina vykl̆iká[i̯]iť i γъvaŕîť: nú brát, taṕéŕ[12]) i̯a u tvai̯éi̯ máťiŕi pabýł u-γъsťáx, ťibé pakłón ṕrisłáła (-łъ). ťêṕéŕ[12]) ty bráťec, ubirái̯śä

---

5) Или же, лучше можетъ быть, съ ä.

6) Ослышка или описка вм. -ka?

7) e коренного слога я отмѣтилъ какъ близкое къ ä.

8) Я слышалъ также, и чаще, pъbl̆ъγъdaŕîł.

9) Или svъi̯awó.

10) Или скорѣе «ə», dúžə? Ср. -žə для -же.

11) Медленнѣе: ṕriižžáiť damói̯.

12) Ср. выше, и ниже, ťêṕéŕ; послѣднее вѣроятно форма заимствованная.

(-śe) damói̯. póĺnъ ťiбé słužýť, máťːŕu kaŕmíť ńékamu̯. śi̯éi̯u žyví pъładńéi̯, kaŕmí, ńe zъrńíčái̯.

i̯étъ u̯śá, kóńčiĺъśä (-śe).

Въ данной маленькой пробѣ дѣлается намёкъ и на ту извѣстную черту живой рѣчи, что слова соединяются болѣе или менѣе ясно въ группы, построенныя вѣроятно на выдыхательныхъ отношеніяхъ (adná-i̯ žyĺá, štъ-búďiť caŕ... и др.); такое обозначеніе можно было бы провести и нѣсколько дальше, напр. при слабовѣсныхъ предлогахъ. Но сколько я слышалъ, эта несомнѣнная группировка, початокъ «тактовъ», здѣсь не построена на ритмическомъ принципѣ, потому и не ведетъ къ опредѣленнымъ фонетическимъ выводамъ. Я не былъ въ состояніи вывести, напримѣръ, опредѣленное заключеніе о природѣ такихъ «тактовъ», бываютъ ли они въ большинствѣ случаевъ, въ данномъ, разсказывающемъ стилѣ, падающаго или восходящаго характера (трохаическо-дактилическими или ямбическо-анапестическими). Пробы показываютъ смѣсь всякихъ типовъ, а также группы съ *двумя* приблизительно равновѣсными для моего слуха напорами (напр. tóĺkъná только она, zъ-ťiбé-u̯śö-bóγu maĺúś за тебя все Богу молюсь). Поэтому я отказался отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій этого вопроса.

Не обозначенными остаются въ маленькой пробѣ отношеніе интонаціонныхъ движеній къ экспираторному ударенію и зависящія отъ мѣста послѣдняго оттѣненія въ долготѣ и вѣсѣ разныхъ слоговъ. Объ этомъ скажу въ 2.

Но и безъ обозначенія этихъ свойствъ, маленькая проба сейчасъ показываетъ мѣсто Ивонинскаго говора въ южновеликорусскомъ нарѣчіи. Мѣстоположеніе ударенія отдѣльныхъ словъ и согласный составъ не удаляется много, напр., отъ Московскаго произношенія. Въ консонантизмѣ привлекаютъ вниманіе главнымъ образомъ двѣ черты: γ (фрикативное) на мѣстѣ московскаго g (daróγъi̯ дорóгой, γъvaŕíť говоритъ и т. д.), и развитіе звука или звуковъ, извѣстныхъ въ Московскомъ произношеніи какъ «v» (напр. uśo все, sъbráĺ ᵘśex собралъ всѣхъ, съ редуцированнымъ u-, ďäŕeu̯nu деревню; ср. далѣе колебаніе v : w, напр. márxwa, i̯awó — svai̯ú, i̯avó, márxvy и др.).

Особенно же привлекаетъ вниманіе развитіе вокализма, въ сравненіи съ общерусскимъ составомъ. Въ ударяемыхъ слогахъ старшій составъ, вообще, сохраненъ. Изъ гласныхъ ѣ и е лишь послѣдній перешелъ въ ʼo въ твердомъ слогѣ (uśó все, beĺi̯ó бѣлье; ty-i̯ďóš, žyvóš — вѣроятно, впрочемъ, чужія формы —; но séĺ vek ńet и др.); въ слогѣ мягкомъ они совпали, и здѣсь оба выговариваются съ закрытымъ оттѣнкомъ, žyvéť живетъ,

ťapéŕ теперь, ḭéḭu ею, pъγľäďéť поглядѣть и т. д.); къ e: ê ср. напр. московскія это: эти. — Въ слогахъ неударяемыхъ первоначальныя i, u и y вообще сохранились. Иначе со старшими а и о, а съ другой стороны е, ѣ и я. На мѣстѣ первыхъ двухъ видимъ частью а, частью «ъ», о природѣ котораго ниже въ 5 и 7. Это ъ — продуктъ редукціи. Его мѣсто вообще, какъ и напр. въ Московскомъ произношеніи, въ слабѣйшихъ слогахъ, т. е. въ слогахъ неударяемыхъ съ исключеніемъ слога непосредственно передъ ударяемымъ; ср. напр. pъγľäžú погляжу, хъгаšó, ďъžydáḭ дожидай, pólъ полно, ḭéхъť ѣхать, γrámъtku, ḭéťъvъ этого. Но и въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ находимъ ъ, а именно передъ слогомъ съ а (á, ä), ср. ťwaḭú, kaŕmiť, damóḭ съ sъldáty, pъšlá пошла, ъddáľi отдали. Параллель представляетъ развитіе старшихъ е ѣ я въ болѣе или менѣе чистое i (i, ɛ), наблюдаемое во первыхъ въ слабѣйшихъ слогахъ (см. выше): máťiŕi матери, máťɛŕu (вин. мать), píťɛŕićok пятеричокъ, а далѣе и въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ а: pŕińiśľa принеслá, pŕiižžáiť пріѣзжаетъ, — между тѣмъ какъ передъ другимъ ударяемымъ гласнымъ, не а, они выступаютъ вообще какъ болѣе или менѣе ясное ’а (’ä, ’e): ńabóś небось, ďaŕéḭṅa, ḭamú ему, pirḿeńiť перемѣнить, pismäcó или pismecó и др.

Даже въ приведенной маленькой пробѣ легко найти не мало отклоненій отъ указанныхъ принципіальныхъ линій; отклоненія объясняются различно, о чемъ скажемъ ниже. А эти исключенія не скрываютъ правильное звуковое развитіе. И прежде всего указанный вокализмъ слога непосредственно передъ ударяемымъ сейчасъ опредѣляетъ характеръ Ивонинскаго говора среди южновеликорусскихъ. Для сравненія съ болѣе западными говорами отмѣтимъ здѣсь же примѣръ какъ beľḭó, съ -ľḭ-, а не съ долгимъ (удвоеннымъ) ľ.

2. Темпъ рѣчи. Характеръ ударенія. Долготныя и интонаціонныя отношенія. Въ предварительномъ отчетѣ я уже указалъ на то, что темпъ рѣчи описываемаго говора переходитъ въ наше время въ новыя, заимствованныя формы. Старинный образъ рѣчи гораздо медленнѣе, чѣмъ новый, проникающій извнѣ, особенно изъ столичнаго произношенія. А новомодный образъ рѣчи не только ускоряетъ произношеніе слоговъ; онъ измѣняетъ при томъ замѣтно также взаимное отношеніе отдѣльныхъ слоговъ, ихъ «относительный вѣсъ».

Удареніе нужно какъ въ старинномъ, такъ и въ новомъ образѣ рѣчи характеризовать какъ экспираторное; отмѣтимъ на счетъ этой стороны произношенія лишь то, что новомодный образъ рѣчи, при ускоренномъ темпѣ,

очевидно склоняется также къ болѣе рѣзкому экспираторному выдвиженію ударяемаго слога за счетъ прочихъ слоговъ слова; въ старинномъ образѣ произношенія ударяемый и неударяемые слоги въ экспираторной силѣ стоятъ другъ къ другу какъ будто ближе; произношеніе происходитъ какъ будто больше «по слогамъ»; новомодный образъ связываетъ слоги неударяемые съ ударяемыми какъ будто тѣснѣе, выговаривая больше т. с. «по слоговымъ группамъ».

Отмѣтимъ, впрочемъ, въ этой связи, что новомодный, приблизительно московскій образъ рѣчи согласуется со стариннымъ въ одной главной чертѣ произношенія. Говорю объ извѣстномъ болѣе или менѣе осязательномъ выдвиженіи кромѣ ударяемаго еще и слога непосредственно передъ ударяемымъ. Это выдвиженіе состоитъ, какъ и для ударяемаго слога, и въ большей экспираторной силѣ и въ извѣстномъ удлиненіи гласнаго слога; объ исключеніи для «ъ» скажу ниже. Старинный образъ рѣчи выдвигаетъ предударный слогъ вообще гораздо сильнѣе, но и новомодный образъ сохраняетъ хоть склонность придавать слогу предударному извѣстный бо̀льшій, чѣмъ прочимъ неударяемымъ относительный вѣсъ (оставляю пока въ сторонѣ побочныя ударенія, о которыхъ ниже). Однако, судя по общему комплекту описываемыхъ говоровъ, мы въ правѣ спросить, не исчезаетъ ли эта склонность; а именно, встрѣчается и такой типъ произношенія, при которомъ, по моему, слогъ предударный, не выдвигается замѣтно передъ прочими неударяемыми, но принадлежитъ съ ними одной общей группѣ «слабовѣсныхъ» слоговъ.

По моимъ наблюденіямъ, вообще съ новымъ, скорѣйшимъ темпомъ соединяется рѣзкая перемѣна въ интонаціонныхъ отношеніяхъ. Я коснулся этого явленія уже въ предварительномъ отчетѣ. Интонація новаго образа рѣчи согласуется болѣе или менѣе съ московской: въ спокойной, особенно въ сообщающей рѣчи, безъ особеннаго аффекта, неударяемые слоги держатся въ довольно ровномъ тонѣ, а ударяемые выдвигаются обыкновенно болѣе высокимъ тономъ, склоняющимся внутри слога къ дальнѣйшему слабому повышенію. Что ударяемый слогъ нерѣдко, особенно при подтверждающемъ смыслѣ или около окончательной паузы, вмѣсто повышенія выдвигается явнымъ пониженіемъ тона, не разстраиваетъ, конечно, указаннаго общаго хода и впечатлѣнія, — оно опять согласуется съ общеизвѣстными чертами, напр. московскаго произношенія. Схематически эта интонація (слова, понятія) даетъ, напр., такія условныя картины: ˝ . (пр. mórda морда), . . ˝ (пр. skъvarót сковородъ, γъvaŕíť говоритъ), . ˝ (пр. xaďíł ходилъ, skažú), . ˝ . (пр. xudájä). *Старинный* же образъ рѣчи соединяется съ своеобразной

интонацiей, ярко характеризующiй говоръ, и, вообще, рѣчь всей окрестности. Ударенiе, падающее на первый слогъ слова, можно назвать высокотоннымъ и нисходящимъ; оно довольно похоже на сербское ^, почему и пользуюсь этимъ знакомъ: «dȏm» «xl̑ěp» «xtȏ» «mȏrda» «l̑ȃdnъ» «pšȏnnyx» (krup) «skȏwrъdy» скбвороды; нисходящее движенiе продолжается также послѣ гласнаго, въ слѣдующемъ сонорномъ звукѣ, напр. въ l̑ слова xȏl̑st. А если ударенiе лежитъ не на первомъ слогѣ, — типичная форма интонацiи такая, что слогъ *передъ* ударяемымъ имѣетъ высокiй тонъ, между тѣмъ какъ ударяемый слогъ выговаривается на значительный интервалъ ниже. Схематическiе картины этой интонацiи получаютъ такой видъ ¯ ⩗ (пр. xudȏį, pšänó пшено, skvaŕéc, xad́ı́ľ, skažú; при этомъ образѣ рѣчи удлиненiе слога предударнаго очень сильно, ср. ниже), ᵕ ¯ ⩗ (пр. ńičaγó ничего, skъvaŕót, γъvaŕı́ť, kъbaḱı́), ˘ ˘ ⩗ (skъwrъdáx), ¯ ⩗ ˘ (пр. xudáįä, kartóxa, paxl̑ópka, na-póšťi на почтѣ), — и т. д. Интонацiонныя отношенiя отдѣльныхъ словъ подвергаются, конечно, и при этомъ образѣ рѣчи всяческимъ измѣненiямъ въ связи рѣчи, въ пользу интонацiи предложенiя. Нерѣдко интонацiя слова, маловѣснаго, изглаживается въ болѣе или менѣе ровный тонъ (Очеркъ, отд. «Интонацiя»); или интонацiя предложенiя требуетъ перемѣны повышенiя на пониженiе, или обратно. Однако, спокойное, сообщающее произношенiе позволяетъ и въ связныхъ предложенiяхъ отчетливо узнавать указанную, старинную интонацiю слова; она проявляется ярко въ тѣхъ частяхъ предложенiя, которыя выступаютъ логически; особенно часто, пожалуй, въ концѣ выраженiя, передъ паузой; ср. отмѣтки какъ «što ty nam dȃš?» «nu daį-nam tȏ što...» «što taб́é xȏca (-tca?)?» что тебѣ хочется; или движенiе интонацiи въ выраженiи какъ (aná xъźáįkä) u-dvaŕé.

(¯ ⩗ ᵕ ⩗ ᵕ) ˘ ¯ ⩗

Послѣднюю, столь характерную интонацiю слова можно сравнить съ движенiемъ тона, напр., въ московскомъ подтвердительномъ «была» (˙ .) какъ отвѣтъ на вопросъ «она у васъ была?», или «не могу» (. ˙ . или ˙ ˙ . въ отвѣтъ на «не можете?», «во дворѣ» въ отвѣтъ на «гдѣ онъ?», и под. Дѣйствительно, разсказъ въ старомодномъ, спокойномъ, «поющемъ» образѣ произношенiя описываемаго говора, и всей окрестности, съ сильной склонностью повышать тонъ предударнаго и понижать тонъ ударяемаго слога, невольно наводилъ мою мысль на рядъ — скажемъ осторожно подтверждающихъ отвѣтовъ на подразумѣваемые вопросы; вотъ приблизительная иллюстрацiя моего, конечно чисто-субъективнаго впечатлѣнiя. Эта старомодная интонацiя — вмѣстѣ съ сильнымъ удлиненiемъ извѣстныхъ предударныхъ слоговъ, см. ниже — сохраняется особенно у старыхъ людей. Однако, въ

обыденной рѣчи она еще сильно замѣтна у молодыхъ, очень сильно напримѣръ у дѣтей. Она замѣтна даже у дѣтей образованныхъ семей, вслѣдствіе вліянія мѣстной прислуги. Но, какъ сказано, она борется съ вторгающимся типомъ интонаціи столичнаго говора, и повидимому все болѣе уступаетъ свое мѣсто послѣднему.

Перейдемъ къ вопросу о долготѣ. Ивонинскій говоръ не знаетъ долготы кромѣ связанной съ удареніемъ[1]). Удлиняется слогъ ударяемый; можно сравнить московскую «полудолготу» (Очеркъ 227). Но какъ мы намекнули выше, кромѣ ударяемаго удлиняется также слогъ предударный; въ старомодномъ произношеніи удлиненіе гласнаго въ слогѣ предударномъ очень сильно; получается два условно длинныхъ слога, ср. выше напр. ńičaγó: ‿ – ⏗, xudój – ⏗ и т. д. Интересное исключеніе представляетъ предударное ъ; хотя склонность придавать слогу предударному извѣстный бо̀льшій вѣсъ (экспираторно и долготно) можетъ усилить въ извѣстной слабой степени и ъ въ такомъ положеніи, но очевидно нужно считать его краткимъ, т. е. skъwrъdáx, tъrγъwáł даетъ фигуру ‿ ‿ ⏗; склонность къ усиленію дѣйствуетъ въ примѣрѣ какъ xъłstá холста скорѣе на ł: «xъł̄ста̄» (оно наводитъ потому иногда мысль на «xъḷstá»). Съ этимъ исключеніемъ гласные въ слогѣ предударномъ замѣтно удлиняются, достигая, по моимъ наблюденіямъ, приблизительно, долготы гласнаго ударяемаго слога, если не превышаютъ ея.

Припоминая при этомъ высокій тонъ предударнаго слога, въ противоположность низкому тону ударяемаго, нетрудно понять, что наблюдатель иногда невольно спрашиваетъ себя, не говорятъ ли теперь скорѣе, напр., «ńičáγo» «u-dváŕe» «γъváŕiť» «skážu», сохраняя слѣдъ стариннаго ударенія лишь въ извѣстной силѣ и долготѣ слоговъ -γo -ŕe -ŕiť -žu? Однако, обыкновенное произношеніе сохраняетъ еще динамическій перевѣсъ за изстари ударяемымъ слогомъ (-γó -ŕé и т. д.); т. е., мѣсто «ударенія» все еще соотвѣтствуетъ прочимъ южновеликорусскимъ говорамъ. Прямое доказательство этого мы имѣемъ м. пр. въ томъ, что если интонація предложенія одолѣваетъ интонацію слова, выдвигая носитель «ударенія», т. е. самый сильный слогъ слова, высокотонностью, то сильнѣйшимъ слогомъ является изстари ударяемый, напр. въ выше названныхъ словахъ -γó -ŕé -ŕiť -žú.

---

1) Оставимъ въ сторонѣ не касающееся насъ здѣсь эмфатическое удлиненіе, измѣняющее иногда и неударяемые слоги, особенно въ концѣ слова.

Кромѣ главнаго ударенія, нерѣдко замѣчается второстепенное, побочное, зависящее тоже отъ экспираторнаго усиленія, и связанное обыкновенно съ извѣстнымъ удлиненіемъ. Разница въ экспираторной силѣ неударяемыхъ слоговъ, въ зависимости отъ разстоянія отъ ударяемаго, видна уже изъ выпаденія гласнаго элемента въ примѣрахъ какъ skъwrъdáx вм. skъwъrъdáx, ṕirv́äźiťe вм. ṕiŕi- перевезите (но ср. ṕiŕavóššik перевозчикъ); изъ этого понятно, что второй слогъ передъ главноударяемымъ имѣетъ относительно самый слабый вѣсъ; предшествующій ему, третій отъ ударяемаго уже «вѣсистѣе», экспираторно сильнѣе; это придаетъ его гласному элементу бо̀льшую стойкость. Для слоговъ, стоящихъ еще дальше отъ ударяемыхъ, не имѣю примѣровъ. Ярче выступаетъ такая разница экспираторной силы въ послѣударной части слова. Вообще слогъ непосредственно послѣ ударяемаго очевидно обозначаетъ, при отсутствіи особыхъ факторовъ, экспираторный минимумъ (выпаденіе гласнаго видимъ, напр., въ týšša тысяча); въ дальнѣйшемъ слогѣ замѣчается новое усиленіе: ˈwuźiṅˌkъį узенькій ˈworъ ˌnowy вороновы и др. Но это явленіе не выступаетъ всегда съ равной ясностью; оно иногда мало замѣтно, такъ что было бы неправильнымъ говорить о постоянномъ побочномъ удареніи для такого слога. Напротивъ, дѣйствительное побочное удареніе зависитъ очевидно отъ особыхъ факторовъ у говорящаго; оно явленіе не только ритмическое; соображенія о его появленіи слѣдуютъ ниже. Замѣчательно то, что настоящее побочное удареніе повидимому принадлежитъ лишь слогамъ послѣ ударяемаго. Оно слышится съ особой ясностью — это свойство всѣхъ описываемыхъ говоровъ — если падаетъ на открытый конечный слогъ: ˈťoťiṅˌkä тетенька, raˈṅošuṅˌkä ранешенько, ˈsołnušˌka, ˈźêŕkъˌła, γ-ˈdoxtoˌru, pъˈkłaďiˌna и т. д. (ˈпередъ главноударяемымъ, ˌпередъ побочноударяемымъ слогомъ — ср. также написанія какъ sółnuškà и под.); встрѣчаются случаи такого яснаго побочнаго ударенія въ открытомъ конечномъ слогѣ также тамъ, гдѣ этотъ слогъ слѣдуетъ непосредственно послѣ главноударяемаго, напр. staˈrušˌka. Сильное развитіе побочнаго ударенія именно на этомъ мѣстѣ слова ставитъ вопросъ о его причинѣ. Случаи вродѣ starúškà затрудняютъ объясненіе на основаніи ритмическомъ; скорѣе это побочное удареніе открытаго конца связано, хотя отчасти, съ разсказывающимъ стилемъ, съ «удареніемъ предложенія» (ср. Коб., § 12). Отчасти же оно, можетъ быть, связывается также съ явленіемъ морфологіи, — со склонностью ввести на мѣсто ожидаемыхъ по звуковымъ правиламъ и нерѣдко встрѣчаемыхъ слабѣйшихъ («ирраціональныхъ») гласныхъ полныя флексійныя окончанія, сохраняемыя при ударяемомъ концѣ слова. Объ этомъ скажемъ еще ниже. Понятно, однако, что такіе незвуковые фак-

торы, которые, по моему, нужно предполагать для сильнаго развитія побочнаго ударенія въ концѣ слова, нерѣдко совпадаютъ еще и съ звуковымъ принципомъ, со склонностью къ перемѣнѣ между самыми слабыми и не столь слабыми слогами, т. е. съ ритмическимъ принципомъ, на которомъ покоится, напр., и строй литературнаго русскаго стиха.

Итакъ: по относительному вѣсу второе мѣсто внутри слова (такта) принадлежитъ вообще слогу предударному. Передъ послѣднимъ и непосредственно послѣ главноударяемаго мы имѣемъ правильно слабѣйшіе слоги слова. Третій же слогъ передъ и второй слогъ послѣ главноударяемаго, хотя относительно слабовѣсны, но сами по себѣ не изъ самыхъ слабыхъ слоговъ. Въ какомъ-нибудь umaŕiľъśa уморилась можно обозначить отношеніе вѣса приблизительно такъ: umaŕiľъśa. Сильное же побочное удареніе (сте-
6 2 1 6 5(4)
пень 3 или даже 2), выступающее нерѣдко послѣ главнаго ударенія, особенно осязательно въ открытомъ конечномъ слогѣ, иногда замѣтное даже если такой слогъ слѣдуетъ непосредственно послѣ ударяемаго (starúškà и под.), вызывается факторами, не объяснимыми изъ ритмическаго строя самаго слова (такта), и вообще мнѣ не ясными.

3. Замѣтки къ консонантизму. Приведенная сказка показываетъ общую близость консонантизма Ивонинскаго говора, напр., къ московскому. Объ особенномъ отношеніи u: w: v скажу въ 4; въ остальномъ ограничимся слѣдующими замѣтками.

Московскому взрывному г (g) соотвѣтствуетъ длительное γ. Новомодное произношеніе изрѣдка вводитъ g. И γ и соотвѣтствующее безголосное x произносятся съ явственнымъ фрикативнымъ звукомъ; ихъ образованіе, повидимому, энергичнѣе, чѣмъ въ моск. x, лежитъ притомъ, пожалуй, немножко болѣе впереди, чѣмъ послѣднее, соотвѣтствуя по мѣсту артикуляціи приблизительно k.—x или xv на мѣстѣ ф напр. въ kartóxa saraxván xvamiľija.

c (ц) во всѣхъ этихъ говорахъ «твердо», č «мягко» («č́»); о значеніи этихъ понятій достаточно указать на Очеркъ. По своему образованію č — сужу по наблюденіямъ изъ сосѣднихъ говоровъ, приложимымъ очевидно ко всей окрестности — принадлежитъ къ дорсальнымъ шипящимъ, какъ и то ś, которое нерѣдко замѣняетъ его; предпочитаю однако, изъ практическихъ соображеній, остаться при данномъ обозначеніи. Въ č взрывный элементъ выступаетъ болѣе или менѣе слабо; онъ по всей окрестности часто исчезаетъ, оставляя лишь «ś», ср. выше.—š и ž, корональнаго образованія (Очеркъ 42), «тверды»; ср. обыкновенный переходъ слѣдующаго i, старшаго и новѣй-

шаго происхожденія, въ y (и отсюда иногда дальше въ ъ): žywú žyť жить, stářšy старше, šypták шептать и пр.[1])

Образованія j (фрикативное) i i̯ не разграничены (Очеркъ 21); даже напр. въ ихъ, имъ звучитъ то j, то i̯; избрано обозначеніе i̯, какъ въ прежнихъ работахъ. О значеніи [i̯], напр. γŕé[i̯]iš грѣешь ku[i̯]éť куетъ (при kui̯éš куешь) ср. Очеркъ 214 и приведенную тамъ литературу. О случаяхъ какъ zďéšņi[i̯] здѣшній, šaséďi[i̯] сосѣдей припомнимъ, что въ такомъ положеніи [i̯] проявляется какъ удлиненіе i: zďéšńī, šašéďī. Обращаю вниманіе на случай какъ (медленнѣе) bŕīi̯üť: (быстрѣе) bŕī[i̯]üť, съ параллельнымъ явленіемъ у другихъ славянъ (ср. Die Dial. des südl. Serb. § 9, стр. 22).

Долгія — двойныя — согласныя образованія (Очеркъ 218—219) нерѣдки. Отмѣтимъ s̱ (šš) на мѣстѣ московскаго щ: s̱úka s̱áviľ щавель s̱éľ щель s̱u при što, iššú (iskáť) ръłaššú (ръłъskáť полоскать) i̯áššó еще prъššái̯ прощай wýtъššył вытащилъ; но щи: čťi, род. čťéi̯. Къ šš ср. žž въ род. dóžžu (но Им. doš дождь отмѣченъ съ краткимъ š), уменьш. dažžók, drôžžy дрожди, род. dražžéi̯. Такъ какъ собственный звукъ š, ž не особенно низокъ, то я въ началѣ колебался, выбрать ли š ž или ś ź; ср. однако переходъ i послѣ нихъ въ y. Мягкое s̱ (śś) появилось изъ s + č: s̱ityŕmá съ четырьмя, týśśä тыс(я)ча, ṕiŕävóśśiki перевозчики; ср. iśśäwó изъ чего, s̱em съ чѣмъ.—Для освѣщенія уподобленія въ долгіе (двойные) согласные достаточно добавить нѣсколько примѣровъ. Про себя стоитъ aľľanói̯, при aľńanói̯, льняный (но напр. sóľnuška, съ ľn); приведемъ далѣе búťťe будьте, s̄érkowi̯u съ церковью, s̄erkwáḿi, ťŕäšóśśä трясешся xóčεz͡złáta хочешь злата, áγ͡γъwaŕiť ахъ говоритъ. Замѣтной разницы отъ принциповъ уподобленій въ бѣглой московской рѣчи врядъ ли можно подъискать. Добавимъ здѣсь же, что даже передъ удвоенными согласными говоръ, по моимъ наблюденіямъ, не знаетъ твердаго примыканія согласныхъ (Очеркъ 217); развѣ оно замѣчено иногда въ búťťe. Отсутствіе такого твердаго примыканія и затрудняетъ опредѣленіе произношенія т + с въ возвратномъ глаголѣ; напр., -тьс- неопр. накл. купаться я опредѣлилъ то какъ ts: kupátsъ, то скорѣе какъ tc, то просто какъ c; такъ какъ новый напоръ придыханія начинается повидимому чаще съ образованія «s», а не внутри образованія «t», то предпочитаю вообще обозначеніе ts (vaźḿétsα возьмется — вниманія заслуживаетъ оттѣнокъ e,

---

1) e, напр. въ šépčiš шепчешь, приближается иногда замѣтно къ «ö». Повидимому неправильно приписать это округленію губъ, оно основывается на «твердости» š, въ значеніи сильнаго отодвиженія конца языка взадъ, для образованія большаго «котла» съ низкимъ собственнымъ звукомъ (Очеркъ 37).

не ê —, karówa bъdá[i̯]itsα), колеблясь однако сильно, особенно въ сторону «с».

śť склонно терять t. Въ концѣ слова вполнѣ: ńêś несть γoś гость koś кость šêś шесть; я слышалъ также, напр., pŕivéśť привесть (въ сказкѣ), даже у старыхъ, но считаю такое произношеніе чужымъ; -ś вм. -śť представляетъ явленіе общее для говоровъ всего округа. Внутри слова произношеніе колеблется въ Ивонинскомъ говорѣ; отмѣчено, напр., мн. ч. γъśťi̯á («γъśťii̯á») гости, р. γaśťéi̯; чаще же t склоняется исчезать, развивая на своемъ мѣстѣ болѣе или менѣе ясное i̯: ;ńεś[ť]ї или «ńεś[ť]i̯ї нести, šεś[ť]i̯ї шести; полный переходъ въ i̯, напр., въ р. ед. γóśi̯a гостя; ср. парадигмы гость и шесть ниже, въ отмѣткахъ къ морфологіи.

Отмѣчены единичные случаи отсутствія взрыва согласныхъ въ концѣ слова («имплосивы»), особенно часто въ -ть неопр. наклоненія, напр. пъčivát. Въ такомъ случаѣ теряется мягкость ť.

Регрессивныя уподобленія голосности, въ томъ числѣ и потеря голоса въ несонорныхъ согласныхъ передъ паузой (Очеркъ 197—199), согласуются съ общими правилами въ великорусскомъ; зубъ звучитъ zup, молодежь mъłaďóš, князь kńäś, зажегъ zažóx (ср. γ на мѣстѣ моск. g); при ъtstáłъś отсталось ср. ъddáłї отдали; «ѣхать дорогой» сливается въ i̯éxъdda-góγъi̯, «выходитъ жена» въ wyxóďid-žená, «ахъ говоритъ» въ áγ-γъvaŕїť; ср. γ-zádńii̯ śastrý къ послѣдней сестрѣ, при ďéńix ńétu (денегъ нѣтъ) ďéńiγ dám (денегъ дамъ), и т. д. Случай какъ duχ вм. дуй, мн. ч. dúχťe, съ χ образуемымъ въ области j, стоитъ въ моихъ запискахъ особнякомъ; въ случаяхъ какъ poi̯, péi̯ (пой) лишь въ самомъ концѣ звучитъ χ (т. е. = i̯χ), а во мн. ч. péi̯ťä пойте i̯ сохранялъ голосность вполнѣ. w въ концѣ слова, напр. sow совъ, по моимъ наблюденіямъ, сохраняетъ голосность; впрочемъ, въ такомъ положеніи обыкновенно говорятъ u̯: pałóu̯ половъ и под.

k передъ k t c даетъ x: ľóxkъi̯ легкій, x-ťibé къ тебѣ, xto, x-caŕú, x-céŕkwi. š въ póšta — чужое; ср. сохраненіе č въ pačťї pŕiwýčпъ kańéčпъ pъšańíčпъi̯a muká, — хотя со слабымъ, исчезающимъ элементомъ t, см. выше. dn сохраняется, напр. въ ľádnъ víďnъ b́édnъ и др.

4. Отношеніе v: w: u̯ (u). Ивонинскій говоръ, какъ и прочіе здѣсь описанные, принадлежитъ къ такимъ, гдѣ нѣтъ яснаго разграниченія между v и w, т. е. фрикативными лабіо-дентальнымъ и лабіо-лабіальнымъ (съ болѣе или менѣе высказаннымъ участьемъ верхней губы въ артикуляціи), а далѣе между этими спирантами и u̯, гласнымъ u въ согласномъ употребленіи. О всемъ этомъ явленіи см. Очеркъ 14. — Хотя v встрѣчается

часто, но его очевидно мало энергическое образованіе уже приближаетъ его по звуку къ губно-губному w, стушевывая границу; артикуляція w повидимому обыкновеннѣе; не могу указать ни одного положенія, гдѣ бы произносилось только v, а не также и w. Можно было бы поэтому довольствоваться однимъ знакомъ, w, сохраняя при томъ u̯, гдѣ артикулируется дѣйствительно гласный u. Но встрѣчаются и такіе переходные оттѣнки, гдѣ наблюдатель затрудняется въ выборѣ между w и u̯; мало энергичное w переходитъ, какъ всякому легко убѣдиться, черезъ неуловимые переходы въ артикуляцію «u». При томъ стóитъ указать на очевидную не только въ Ивонинскомъ говорѣ склонность предпочитать артикуляцію «v» при палатализаціи (v́). Вотъ почему я не рѣшился собрать эти разные знаки въ одинъ общій; пестрота въ этомъ отношеніи соотвѣтствуетъ звуковому характеру Ивонинскаго говора и произношенію всей мѣстности.

До извѣстной степени можно указать склонность распредѣлить оттѣнки w(v) и u̯ въ зависимости отъ положенія въ слогѣ. Непосредственно передъ гласнымъ того же слога слышимъ чаще w(v); ср. напр. wóśin осень (при новомъ óśiń, óśêń) wóčiṇ очень wъkъłá около wúźińkii̯ (-kъi̯) узенькій wúγъl᾽ уголь waγóṇ огонь (новѣе aγóń; ср. род. at-ъγńá iz-ъγńá, тв. aγńóm, в. u-waγóṇ въ огонь, м. u-waγńé — или скорѣе u-u̯aγńé?—; во мн. ч. я слышалъ то aγṇí, то waγńí); далѣе напр. р. мѣстоименій на -wo, при старшемъ и еще сохраненномъ -γó; v́erx śt́érwa čiŕv́ák (червякъ) śv́akrówa (свекровь); cérkwa (и ćéŕkwa, р. ćéŕkẃi) kẃérxu̯ xwamíĺii̯a. Послѣ гласнаго того же слога склонность идетъ обратно въ пользу u̯: d́áŕeu̯ńú γadóu̯ au̯sá (овса) cérkъu̯ (рѣдко вм. cérkwa, см. выше) śv́akróu̯ záu̯tri (-wútrom) завтра; р. мн. напр. ŕeḿéńóu̯ ремней и под.; такое u̯, какъ и полный гласный u, перенимаетъ переднюю артикуляцію отъ мягкаго сосѣдства: d́éŕéu̯i̯a (ср. 5). Но ни та ни другая склонность не развились въ правило; при wýrył можно слышать u̯ýryt́ вырыть, особенно, пожалуй, послѣ u: priď́í i̯ámu u̯ýryt́, въ концѣ слога, хотя рѣдко, но можно слышать болѣе или менѣе ясное w: krow кровь, śv́akrówi̯u свекровью. Употребленіе w главнымъ образомъ передъ сонантомъ, т. е. въ началѣ слога, а u̯ послѣ него, т. е. въ концѣ слога, указываетъ на извѣстную роль энергіи при образованіи того или другого оттѣнка.

Особый интересъ представляетъ старинное vъ-, vь- передъ согласнымъ въ началѣ слова (такта); приведемъ нѣсколько примѣровъ: u-xátu-u̯-twai̯ú въ хату въ твою, dъ-i̯-uźáĺi да и взяли, i-u̯-tai̯ét́ и встаетъ, ustai̯ét́ встаетъ, uźi̯éxъł возъѣхалъ; къ указанному виду предлога «въ» присоединяются также случаи какъ uu̯izbúški въ избушкѣ, u-wuγłú въ углу; ср. далѣе при

waźmú, waźḿí прош. uźáĺ uźiĺá, неопр. uźáť (взять), при wêś весь напр. kuśém kykóнam pŕiĺažýĺъśa ко всѣмъ къ иконамъ приложилась, saṷśém со всѣмъ, aṷśom о всемъ, zъ-ťiḃé-ṷśō-bóγu maĺuś за тебя все... Чаще всего такое u- — неслоговое; или оно сливается съ предшествующимъ гласнымъ въ дифтонгъ; или же, если это невозможно, оно присоединяется къ слѣдующему какъ несамостоятельный, краткій «побочный слогъ» (Очеркъ 205 сл.), редуцированный нерѣдко до безголосности, и тогда склонный исчезать: ṷśo śaĺó все село, iz ṷśawó изо всего, ṷnow вновь, ṷtóŕnik вторникъ, pŕixóďiť [ṷ]ĺé-. Съ другой стороны оно однако часто представляетъ полный, нормальный слогъ, ср. выше kuśém... ко всѣмъ и др., а въ положеніи передъ гласнымъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ въ uṷ: uṷizbúški. Совпаденіе «въ» съ «у» дается само собой; ср. uḙ̂ȋ у нея, uḙ̂ťъwa u сьга, и т. д. Параллельное развитіе я описалъ въ свое время въ малорусскомъ (угрорусскомъ). Но вліяніе извнѣ даетъ себя чувствовать въ замѣщеніи u- ясными, энергическими v, f, подобно московскому произношенію: f-kavó вм. ṷkawó (kaγó) и под.

5. Гласные говора. Употребляемые мною знаки для гласныхъ столь знакомы изъ прежнихъ моихъ работъ, что не надо распространяться объ ихъ значеніи или систематизаціи; достаточно, напр., указать на Очеркъ. Употребляю α для переходнаго звука между а и ъ; подобнымъ образомъ ẹ̈ обозначаетъ «не то е, не то i». Для тѣхъ, которые предпочитаютъ опредѣленія «экспериментальнаго» направленія, добавлю, что насчетъ моихъ a e (ê) i o u у ударяемыхъ слоговъ можно, повидимому, указать на добытые Щербой результаты, изложенные въ его «Русскіе гласные» СПб. 1912; а именно, Ивонинскій, какъ и всѣ описываемые здѣсь говоры, оперирують съ тѣми же гласными величинами, не представляя осязательной принципіальной разницы, ни артикуляціонной, ни акустической, отъ великорусскихъ нарѣчій вообще, насколько я ихъ знаю. А гдѣ эти же упомянутые знаки употребляются безъ оговорки въ неударяемомъ положеніи, прошу считаться съ тѣми же качественными величинами: для нашихъ цѣлей такое опредѣленіе пока достаточно, если принять въ соображеніе замѣтки о напряженности ниже, въ 6.

При a o u употребляю ȧ ȯ u̇, ä ö ü, также извѣстныя изъ прежнихъ моихъ работъ, ср. м. пр. Очеркъ. Условія ихъ появленія на мѣстѣ «нормальныхъ» a o u совпадають съ московскимъ произношеніемъ. Въ ударяемомъ слогѣ для передвиженія а въ ä (передній рядъ, положеніи низкаго) нужно обыкновенно положеніе между двумя мягкими артикуляціями: źäť зять γrъźäť грозятъ ipäť (ḭpäť) опять wъĺäť валять и т. д. Съ этимъ согла-

суется переходъ u въ ủ, о въ ö: nаčủi̯ủ (-i̯u) ночую, ďiťói̯ủ дитятемъ, ťŕäśóśśä трясешься; при особенно медленномъ произношеніи «ядро» ударяемаго гласнаго задняго ряда можетъ, впрочемъ, двигаться не столь сильно впередъ (пр. ťóťińḱä тетенька), или даже удержать приблизительно артикуляцію обыкновенныхъ а о u; т. е., категорической границы между тѣми и другими оттѣнками нѣтъ. При мягкомъ звукѣ лишь съ одной стороны, ударяемыя а о u вообще удерживаютъ, хоть приблизительно, нормальную заднюю артикуляцію, исключая переходную часть между «ядромъ» гласнаго и мягкимъ сосѣдомъ. Въ слогахъ неударяемыхъ достаточно передненебной артикуляціи передъ гласнымъ для развитія а въ ȧ, ä, u въ ủ, о въ ȯ (ö); ср. напр. х-krái̯ủ къ краю (но na krai̯ú), sýṕủ сыплю (но dŕεḿú дремлю); kaḿéńöu̯ (камней). Движеніе ведетъ иногда дальше, приближая ä къ е, ủ къ ü; ср. при ṕiśḿacó письмецо иногда скорѣе ṕiśḿecó, частое колебаніе -i̯a и -i̯e въ конечномъ слогѣ, и др. При мягкомъ звукѣ съ обѣихъ сторонъ этотъ переходъ въ неударяемомъ слогѣ представляетъ явленіе совсѣмъ обыкновенное; ср. ṕŕadú пряду съ ṕŕeďéš прядешь и пов. ṕŕeďí, и мн. др. — явленіе, затрудняющее нерѣдко надежное сознаніе историческаго развитія вокализма этихъ говоровъ. Для ü ср. примѣры какъ uspóŕüť, ťŕéṕüť треплютъ и мн. под. Однако, и въ неударяемомъ положеніи ясное произношеніе нерѣдко сохраняетъ болѣе или менѣе «нормальныя» а о u, не смотря на мягкое сосѣдство; дальше извѣстной «склонности» развитіе и здѣсь не повело, категорическаго разграниченія а о u отъ ä ȯ ủ и т. д. не существуетъ.

Отъ живого звуковаго принципа зависитъ мѣна е : ê, ср. выше въ 1 и ниже въ 8. Эта мѣна, вообще, приняла опредѣленный видъ, хотя не безъ колебаній и отступленій, заслуживающихъ вниманія.

Послѣ š ž старинное і перешло въ «у», какъ мы уже коснулись въ 3: šyrókъi̯ žywú žyť ṕišyť пишетъ šyptáť xúžy хуже и т. д. Исключенія вродѣ пов. ńe tuží, при -žý, объясняются аналогіей; другіе случаи можно считать, вѣроятно, заимствованными, какъ напр. ľäṕéšička, уменьш. къ ľäṕéška лепешка, žiľézъm при (старшемъ) žaľézъm желѣзомъ, «ръkarḿómši» (въ сказкѣ) и др. — у послѣ š ž можно по моему отождествить съ у старымъ (ы), не только акустически, но болѣе или менѣе также въ артикуляторномъ отношеніи. Въ обоихъ случаяхъ артикуляціонный поясъ замѣтно колеблется въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ; передъ мягкимъ звукомъ того-же слога (напр. žyť) у приближается сильно къ і, принадлежа, пожалуй, скорѣе переднему ряду гласныхъ образованій; передъ твердымъ оно лежитъ сзади,

въ среднемъ, иногда пожалуй въ заднемъ ряду, а приближается въ ослабленныхъ оттѣнкахъ болѣе или менѣе къ ъ (7)[1].

О «ъ» скажу здѣсь лишь то, что считаю его въ «нормальномъ» видѣ гласнымъ задняго ряда, при положеніи языка опущенно-высокомъ до средняго, т. е. гласной величиной, колеблющейся въ довольно широкихъ рамкахъ въ зависимости отъ окружающихъ условій, и принципіально тождественной съ московскимъ «ъ» («заднимъ ирраціональнымъ гласнымъ», Очеркъ стр. 135), напр. — по Коршу — pъɫatnó daŕóɣъ skúšnъį̯. Вернемся къ ъ въ 6, поговоривъ о вопросѣ напряженности.

Встрѣчаются иногда гласные безъ голоса; особенно въ концѣ слова послѣ глухого согласнаго: ďivanóst̬ъ девяносто sъbák̬ъ noč̬i; но иногда и внутри слова: wuč̬it́ɛĺá учителя́. При благопріятствующихъ условіяхъ весь длинный конецъ слова принимаетъ глухой видъ: karób̬yčk̬a; ср. Очеркъ 201. Значительной роли въ фонетикѣ говора (и всѣхъ этихъ говоровъ) это явленіе однако не играетъ.

6. Къ вопросу о «напряженности» гласныхъ. Гласный ъ можно несомнѣнно характеризовать какъ «ненапряженный» (Очеркъ 13, стр. 21—22). При прочихъ же гласныхъ говора вопросъ о напряженности не рѣшается такъ просто. Закрытое ê я привыкъ считать напряженнымъ гласнымъ, въ противоположность открытому е; очень можетъ быть, что слѣдуетъ держаться такого опредѣленія и для описываемаго говора; указываю, однако, кромѣ своихъ же замѣчаній въ Очеркѣ, особенно стр. 22, на соображенія Щербы въ «Русскіе гласные» § 46, къ тому о гласныхъ е и ê тамъ же §§ 40 и 50. Но хотя мы и остались бы при томъ мнѣніи, что «ê», встрѣчающееся правильно лишь въ ударяемомъ положеніи, нужно вообще считать образованіемъ «напряженнымъ», это далеко еще не помогаетъ намъ. По моимъ наблюденіямъ, тѣ гласные, въ которыхъ различія по степени напряженности бываютъ обыкновенно ясно осязательными, гласные съ высокимъ положеніемъ языка: i u y, въ описываемомъ говорѣ выказываютъ въ данномъ отношеніи странныя, мнѣ непонятныя колебанія. Отмѣчая, напр., въ одномъ случаѣ śemí̆ семи съ несомнѣнно «ненапряженнымъ», даже ослабленнымъ í̆ — и такъ часто въ í̆ и ú въ открытомъ концѣ слова: ďiťmí̆ дѣтьми, adnú одну — я въ другое время слышалъ параллельное waśmí̆ восьми съ явственнымъ узкимъ и напряженнымъ «î». Изолируя какое-то muš мужъ, я не смѣлъ рѣшить, стоимъ ли передъ «u» или «û» — и т. д.

---

1) Объ е послѣ š ž см. прим. къ 3.

Я вывелъ изъ своихъ наблюденій такое общее заключеніе, что качество извѣстной степени «напряженности» или «ненапряженности» въ описываемомъ говорѣ (и въ сосѣднихъ) не представляетъ постояннаго свойства отдѣльныхъ гласныхъ, какъ таковыхъ; тѣ различія въ степени напряженія, которыя несомнѣнно существуютъ и иногда выступаютъ ясно, скорѣе зависятъ, главнымъ образомъ, отъ разныхъ условій, при которыхъ выговаривается гласный. Мнѣ не ясны тѣ разные моменты, которые играютъ роль при этомъ (ср. выше примѣръ -ї: -í, не смотря на одинаковое положеніе). Однако изъ моихъ наблюденій выводится одно принципіальное заключеніе. Въ какомъ-нибудь ïḿińi имени ударяемое і несомнѣнно напряженнѣе двухъ неударяемыхъ; въ ńíwa имѣемъ «î», если сравнить съ «і» въ krówi; въ wýrył первое у явно напряженнѣе втораго; подобная разница выступаетъ въ był (ŷ): byłá, и очень ясно въ iššú ищу: ïššyš (î). Даже въ открытомъ концѣ звучало «скорѣе î», если слово — напр. waźḿï возьми — выговаривалось сильно; при сравненіи двухъ ŭ въ x-caŕŭ zḿéįŭ, второе оказывается несомнѣнно болѣе ненапряженнымъ, чѣмъ первое. Итакъ, удареніе обусловливаетъ болѣе отчеканенное, напряженное произношеніе гласнаго, особенно внутри слова; то есть, вмѣстѣ съ относительнымъ вѣсомъ (2) отстепеняется вообще и относительное напряженіе артикуляціи гласныхъ. И не только гласныхъ — это выходитъ изъ явленій палатализаціи, о чемъ скажу въ 8. Несомнѣнно, что слѣды такого принципа замѣтны и въ московскомъ (ср. хоть у въ ужé: ýже), и, пожалуй, повсюду въ русскомъ; ср. напр. наблюденія Шахматова надъ Лѣкинскимъ говоромъ (Изв. XVIII 4, 1913). Косвенное подтвержденіе важной роли этого принципа въ произношеніи всѣхъ описываемыхъ и массы другихъ говоровъ даютъ такія спорадическія перемѣны гласныхъ въ слогахъ легковѣсныхъ, какъ напр. ṁъžuḱï; объ этомъ ср. ниже въ 9.

7. **Отношеніе ъ: у. Индифферентныя гласныя положенія («ирраціональные гласные»).** Относительный вѣсъ слоговъ обусловливаетъ по 6 не опредѣленныя категоріи «напряженныхъ» и «ненапряженныхъ» гласныхъ, но въ сущности цѣлые ряды близкихъ другъ къ другу, не разграниченныхъ оттѣнковъ внутри того, что считается «гласнымъ», гласной единицей («u» «о» «у» и т. д.). Уже это придаетъ вокализму извѣстный «скользящій» характеръ. Но и при удаленіи труднаго вопроса о напряженности, попытка подвести гласные Ивонинскаго и окружающихъ говоровъ подъ систему общеизвѣстнаго вида (напр. Sweet-Sievers) встрѣчается отчасти съ затрудненіями. Я уже намекнулъ на это въ предварительномъ отчетѣ;

оно зависитъ частью отъ ступени историческаго развитія этихъ говоровъ (см. въ 9), частью же отъ самаго характера иныхъ гласныхъ. Послѣднее особенно видно изъ отношенія гласнаго понятія «ъ» къ прочимъ гласнымъ болѣе или менѣе задняго образованія, особенно къ у.

Каждый гласный, въ принятомъ практическомъ смыслѣ, «охватываетъ бо́льшую или меньшую группу близкихъ другъ къ другу гласныхъ оттѣнковъ, въ рамкахъ, возстановленныхъ традиціей отдѣльнаго языка» (Очеркъ 10). Эти рамки подчасъ привлекаютъ вниманіе наблюдателя своей шириной и позволяютъ различать группы оттѣнковъ, интересныя для нашего сознанія. Такъ, а а̊ ä, и ӥ въ русскихъ говорахъ, напр. и въ здѣсь описываемыхъ, въ сознаніи говорящихъ представляютъ по одному гласному. Московское «у» двигается между довольно различными артикуляціями въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ, какъ я указалъ въ прежнихъ работахъ; параллельно относится «у» Ивонинскаго говора; послѣ зубнаго передъ мягкимъ звукомъ (напр. tý̌ššä тысяча) оно представляетъ гласный почти-что, иногда даже рѣшительно «передняго ряда», а задніе оттѣнки (напр. był) лежать уже скорѣе не въ среднемъ (syn), а въ заднемъ ряду. А подъ ъ описатель долженъ собирать артикуляціи, охватывающія область даже пошире. Средоточіемъ можемъ (ср. 5) считать артикуляцію задняго ряда, съ высокимъ, но опущеннымъ и явственно ненапряженнымъ положеніемъ языка, ср. приблизительно разокругленное u нѣм. Hund, русск. «тутъ», и «умъ»; часто-же положеніе языка опускается до высоты средней, особенно между губными (напр. второе ъ šъmъwár), ср. прибл. разокругленное о, — но съ другой стороны можетъ также притягиваться окружающими звуками сильно впередъ, въ образованіе уже средняго ряда («ъ», примѣры ниже). Такимъ образомъ зоны образованія у и ъ отчасти перекрещиваются, приблизительно такимъ образомъ (отверстіе рта на право): ъ у; т. е. передніе и высшіе оттѣнки ъ могутъ сливаться съ у, а задніе, опущенные (ослабленные) оттѣнки у могутъ принадлежать уже области «ъ», области «задняго индифферентнаго гласнаго положенія». Большею частью тотъ и другой еще различаются даже при совпадающей зонѣ образованія [1]); поверхность языка при у вообще держится выше, т. е. образованіе у еще-таки вообще у́же ъ. Но легкое повышеніе артикуляціи при ъ или опусканіе при у достаточны для потери разницы, что дѣйствительно имѣемъ случаи наблюдать.

---

1) Въ значеніи наибольшаго приближенія языка къ нёбу.

То положенiе, въ которомъ этимологическое ъ (ср. ниже въ 9) особенно легко и сильно притягивается впередъ (и вверхъ), приближаясь къ у, иногда съ явнымъ переходомъ въ него и даже въ переднiй оттѣнокъ его, по моимъ наблюденiямъ—это положенiе передъ мягкимъ звукомъ, особенно если предшествуетъ ъ согласный зубной. Это тѣже условiя, которыя по вышесказанному вызываютъ переднiе оттѣнки у («tyššä»). Въ такомъ положенiи встрѣчается на мѣстѣ историческаго ъ иногда прямо переднее (короткое) у, даже въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ: «dyčká» дочка; это впрочемъ рѣдкiе случаи[1]); вообще сохраняется «ъ», хотя въ переднемъ оттѣнкѣ («ъ̇», напр. «γrъ̇źáť» грозятъ). Не такъ уже рѣдко отмѣчены такiя «у» въ слогахъ вполнѣ слабовѣсныхъ, гдѣ окружающiе согласные естественно влiяютъ сильнѣе на гласный элементъ: «ná-nyč» на ночь, «karóbyčka» коробочка, им. ж. р. «bъγátyi̯ä» при -tъi̯a богатая, «na i̯éty̯ řäkĭ (řekĭ)» на этой рѣкѣ (въ сказкѣ). Обратно, старинное у въ такихъ слабовѣсныхъ слогахъ[2]) развивается отчасти въ несомнѣнное ъ, задняго оттѣнка; ср. напр. i̯a paγib-bъ я погибъ бы, иногда bárъna вм. báryna барина. Изъ переходныхъ ступеней между у и ъ объясняются частыя колебанiя наблюдателя, особенно въ началѣ; ср. ниже, въ замѣткахъ къ морфологiи.

Въ связи съ этимъ стòитъ упомянуть и о томъ наблюденiи, которое иногда можно дѣлать въ этихъ говорахъ, что усиленiе слога съ ъ — изъ а, о —, развиваетъ ъ въ явственное у, независимо отъ характера окружающихъ звуковъ. Такъ я объясняю, напр., изъ Ивонинскаго говора случаи какъ «bydáť» при ожидаемомъ bъdáť бодать, «byryńá» при bъryńá (мн. ч.); подобные разбросанные примѣры встрѣчаются во всѣхъ этихъ говорахъ; ср. замѣтки по поводу «sȳ śvičáḿi» въ § 35. Близкое родство, иногда дѣйствительное совпаденiе ъ и у въ нарѣчiи этихъ мѣстностей подтверждается вѣроятно и употребленiемъ «ы» у русскаго наблюдателя сосѣднихъ говоровъ Мещовскаго уѣзда, Чернышева. Но для описываемыхъ у меня говоровъ передача «у» и «ъ» слабовѣсныхъ слоговъ общимъ знакомъ

---

1) Не безъ интереса, напр., сопоставленiе «dyčká» съ nъčám ночамъ, постоянно слышаннымъ мною съ несомнѣннымъ ъ; очевидно, что тавтосиллабическое č дѣйствуетъ иначе чѣмъ č, принадлежащее слѣдующему слогу. Ср. ниже «ná-nyč» и др. Иное объясненiе у въ dyčká и под. даетъ Шахматовъ стр. 70 въ статьѣ «Аканiе», Сборникъ... Фортунатову, Варшава 1902.

2) Очень рѣдко въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ; напр. я колебался между «pĺywú» и «pĺъwú» (плыву). Ср. обзоръ ниже, 9.

дала бы невѣрное понятіе объ ихъ звуковомъ строѣ. Я, напр., никогда не слыхалъ *sъnъwjá̧ на мѣстѣ synъwjá̧ сыновья, или *wýгъł вм. wýгуł, ни обратно *pysyłá̧i̯ вм. pъsyłá̧i̯ посылай. Конечно, родственныя слова съ другимъ положеніемъ ударенія могутъ объяснить многіе изъ такихъ примѣровъ, хотя бы они и были противны звуковымъ законамъ нашихъ говоровъ; sýn, гýł могли бы вызвать synъwjá̧, wýгуł вм. sъ-, -гъł; но изъ сказаннаго выше видно, что, по моимъ наблюденіямъ, общее сохраненіе разницы ъ: у въ слабыхъ слогахъ покоится въ Ивонинскомъ говорѣ и на артикуляціонной подкладкѣ.

У послѣ š ž (5) выказываетъ тѣже черты, какъ у первоначальное. Въ примѣрѣ какъ wýtъššуł вытащилъ, въ -у падежнаго окончанія, какъ напр. dróžžу, я не слыхалъ -šъł, -ъ; но «нашего» колеблется въ моихъ записках между nášуwа и nášъwа; и такъ вообще послѣ š въ naša имѣю то у, то ъ, то склонялся къ употребленію ə (ср. нѣм. е въ Gabe). Впрочемъ, въ формѣ какъ «нашего» можно спросить: исходить ли изъ «і» («ɛ»), т. е. передняго «ирраціональнаго гласнаго», происшедшаго изъ е («нашего»), или же изъ задняго ирраціональнаго, происшедшаго изъ о («нашого»)? Мой матеріалъ не позволяетъ рѣшить этотъ вопросъ (ср. ниже въ 9). Произношеніе žená несомнѣно заимствовано, в. žanú опять не позволяетъ видѣть, произошелъ онъ изъ žený или изъ žonú, и то и другое дало бы žanú. Окончанія -šу -žу и -ša -ža въ формахъ срав. степени также ничего не объясняютъ. Сопоставленіе šарčú (шепчу, 2. л. šérčiš) съ неопр. накл. šурťáť указываетъ скорѣе на сохраненіе šе- безъ перехода въ šо, откуда далѣе (передъ á, см. 9) ši, давшее потомъ šу; изъ *šо мы бы имѣли скорѣе šъ; но такой отдѣльный примѣръ не допускаетъ надежныхъ заключеній, особенно послѣ приведенныхъ выше соображеній, по которымъ возможно даже šу < šъ < šо.

Изъ опредѣленія артикуляціи ъ слѣдуетъ, что округленіе губъ передѣлываетъ его въ гласный характера u или о. Легкое же сдвиженіе задняго языка внизъ измѣняетъ его въ α-а. Обратно, потеря округленія въ о, чуть замѣтное повышеніе заднихъ и среднихъ частей языка въ а, ведутъ къ гласному ъ. Это ъ, «задній ирраціональный гласный», какъ и соотвѣтствующая, довольно движимая гласная величина въ московскомъ (Очеркъ 149 сл.), и есть именно то относительное «индифферентное гласное положеніе», въ которое стремятся редуцироваться въ описываемыхъ говорахъ гласные задняго образованія въ слогахъ слабаго вѣса. Разныя гласныя образованія имѣютъ разную стойкость, о чемъ больше въ 9. — Заднему ирраціональному соотвѣтствуетъ «передній ирраціональный гласный», т. е. относительно

индифферентное положеніе для гласныхъ передняго образованія (скорѣе: для гласныхъ послѣ мягкихъ согласныхъ) въ слабовѣсномъ слогѣ. Такимъ индифферентнымъ положеніемъ выступаетъ въ нашихъ говорахъ чаще всего ненапряженное і, съ нерѣдкимъ приближеніемъ къ е, довольно закрытаго оттѣнка (ср. мое ɛ). Объ этомъ скажемъ больше въ 9.

8. Замѣтки къ палатализаціи и лабіо-веляризаціи. О самыхъ понятіяхъ «палатализація» и «лабіо-веляризація» укажу на изложеніе Очерка 124—188 и 190—196.— Вліяніе мягкихъ звуковъ на сосѣдніе гласные (a > ȧ ä, u > u̇ ü, o > ȯ ö, e > ê, ъ > «ѣ» «у», и др.) упомянуто выше; остается коснуться вліянія палатализаціи на согласные; начнемъ со «степени палатализаціи».

По извѣстнымъ признакамъ можно заключить, что палатализація согласнаго передъ «мягкимъ гласнымъ», въ Ивонинскомъ и вообще въ описываемыхъ здѣсь говорахъ, сильнѣе развита въ ударяемомъ, чѣмъ въ неударяемыхъ слогахъ — конечно, въ связи съ большей артикуляціонной энергіей ударяемаго слога, ср. выше 6. О самомъ понятіи «степень палатализаціи» и о пути опредѣленія ея см. въ Очеркѣ, 179 сл. Тамъ же я уже указалъ на интересную разницу въ степени палатализаціи между сѣверновеликорусскимъ произношеніемъ Тотемскаго уѣзда (Описаніе § 12) и здѣсь описываемыми южновеликорусскими говорами: въ первомъ имѣемъ «е-овую» степень (исключая передъ старымъ ѣ), послѣдніе же выказываютъ вообще «ê-овую» степень; т. е., по переходному звуку, напр. отъ ḃ къ слѣдующему е въ ḃédnъ бѣдно, t́iḃé или taḃé тебѣ, констатируемъ, что языкъ внутри самаго ḃ занимаетъ положеніе закрытаго ê, иногда столь закрытаго, что степень палатализаціи приближается, пожалуй, къ і'овой; при tḱeš тчешь переходный звукъ отъ k къ е показываетъ, что «собственный тонъ» ḱ—выше слѣдующаго е, между тѣмъ какъ въ tḱêt́ тчетъ (и въ пов. tḱi) переходнаго звука не замѣтно, т. е. ḱ смягчено именно до степени ê'овой. Это наблюденіе о степени требуетъ, однако, извѣстнаго ограниченія: степень ê'овая несомнѣнна для слоговъ ударяемыхъ; въ неударяемыхъ же, съ меньшей энергіей артикуляціи, степень склонна понижаться и становится вообще скорѣе «е'овой». Это слышно, напримѣръ, въ ḃ слова «ḃel̯ĭó» бѣлье; положеніе языка внутри ḃ — не выше слѣдующаго е; такъ же, напр., съ w слова «pówek» (wy ḿińé pówek ńi-v́idál̓ip вы бы меня никогда не видали), съ m слова «meššańĭn» (при ḿaššańĭn мѣщанинъ). Добавимъ, однако, что описанное явленіе въ степени палатализаціи даетъ себя чувствовать различно при различныхъ согласныхъ; при «зубныхъ» оно, хотя иногда за-

мѣтно, но не выступаетъ всегда столь ясно для слуха, такъ какъ эта группа согласныхъ удерживаетъ-таки и въ неударяемомъ положенiи «палатализованную» артикуляцiю, ярко разграниченную отъ «твердой» артикуляцiи зубныхъ (ср. ľ: ɫ, ť : t и т. д.[1]); а для велярныхъ согласныхъ вообще трудно подъискать удобные примѣры, прямо сравниваемые съ положенiемъ въ ударяемомъ слогѣ. Однако, и съ такими ограниченiями указанное наблюденiе о разницѣ въ степени палатализацiи для разныхъ слоговъ имѣетъ свою цѣну, особенно въ связи со сказаннымъ въ 6 объ относительной большей «напряженности» въ ударяемыхъ слогахъ.

Переходные звуки характера «i» между гласнымъ, особенно изъ заднихъ и широкихъ, и слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ, напр. между o и γ́ въ nóγ́i, — довольно замѣтны, но не настолько, чтобы заслужить особое вниманiе. Переходные звуки фрикативнаго характера послѣ мягкихъ затворныхъ согласныхъ (Очеркъ 187) не даютъ себя сильно чувствовать. Послѣ ť ď, напр. въ xaďïľ ходилъ, или въ концѣ слова, слышится обыкновенно переходное «χ», но не сильное; «дзеканiе», что-то вродѣ польскаго развитiя ť ď въ ç̌ ǯ, я не слыхалъ (отдѣльная форма какъ xuć хоть очевидно заимствована съ запада); ассибиляцiя зубныхъ, по моимъ наблюденiямъ, напротивъ, скорѣе слабѣе московскаго. О ť добавимъ еще, что въ концѣ слова оно склонно нерѣдко терять мягкость, переходя иногда вполнѣ въ -t; кромѣ 3 л. ед. и мн. чиселъ (ľisťït при -ïť льститъ, γъvъŕát—NB ä!—при -äť), гдѣ можно бы предположить влiянiе извнѣ, я замѣчалъ это также въ неопр. наклоненiи (nъčivát при -áť — иногда при томъ съ потерей взрыва), и независимо отъ качества слѣдующаго въ предложенiи звука.

Для u̯ w v часто трудно рѣшить, мягки они или нѣтъ. u̯ слѣдуетъ, конечно, гласнымъ: палатализацiя для него обозначаетъ движенiе впередъ (ср. u > u̇, ü), иногда мало замѣтное (сильнѣе въ положенiи какъ ďäŕéu̯ńä, см. ниже); а такъ же въ w, съ его мало энергическимъ, полу-вокалическимъ образованiемъ, палатализацiя какъ то мало замѣтна, особенно, конечно, въ

---

1) Извѣстную роль можетъ играть, повидимому, еще и характеръ слѣдующаго гласнаго; напр., ś въ śiꜱtrá можетъ звучать скорѣе коронально, придавая слѣдующему i оттѣнокъ «y», между тѣмъ какъ ś въ śastrý — несомнѣнно «палатализованное»; ср. то, что въ произношенiи «tŕépüť» (треплютъ) не замѣтно переходнаго элемента отъ p къ ü, между тѣмъ какъ видъ «tŕépüť» даетъ такому элементу выступить ясно. Передъ i, ɛ даже звукъ «χ» послѣ мягкаго t (см. ниже) можетъ исчезать въ неударяемомъ положенiи, напр. въ ṕiťɛŕičók пятеричокъ.

неударяемомъ слогѣ. Яснѣе смягченіе при образованіи «v», въ вычеканенномъ губно-зубномъ видѣ. Ср. еще замѣтки по этому вопросу ниже, Коб., § 13.

Къ вопросу о мягкости группъ согласныхъ укажу на свои наблюденія въ Описаніи § 12 (стр. 84 сл.). Ивонинскій говоръ выказываетъ тѣже самыя общія правила.

Смягчается «зубной»[1]) передъ «зубнымъ»: dwóŕńik u̯tóŕńik v́iŕt́ét́ вертѣть; aďńí axóťńik ďńom (безъ врыва ť ď). Мягкость, впрочемъ, можетъ проявляться слабо (особенно въ неударяемомъ слогѣ, ср. выше); такъ, въ sťŕiľát́ стрѣлять, sťŕiγú, sъsťŕíčá[i̯]it́ встрѣчаетъ не только s, но и t сочетанія sťŕi весьма слабо смягчены (въ ударяемомъ слогѣ sťŕix стригъ мягкость t уже замѣтнѣе), а относительно d въ ръłaďńéi̯ можно сомнѣваться, мягко оно, или нѣтъ. Общаго принципа упоминаемой ассимиляціи такія колебанія въ степени однако не измѣняютъ. Считаясь съ этимъ принципомъ, можно въ такихъ сочетаніяхъ — какъ и въ ниже приведенныхъ — довольствоваться знакомъ мягкости при послѣднемъ согласномъ группы. — Ассимиляцію въ подобной группѣ, но съ обратнымъ результатомъ, представляютъ случаи какъ i̯éxъd-daróγъi̯ ѣхать дорогой. Добавимъ, что -ť въ глаголахъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ отмѣчено то -t́śa (b́eŕét́śa), то -tsa (-ca), -tsъ (kupátsъ); считаю послѣднее законнымъ развитіемъ всѣхъ этихъ говоровъ.

Смягчается правильно зубной передъ мягкимъ губнымъ: ďv́éŕ ďv́e źḿéi̯ú śḿét́ śv́idátsa śv́íčá свѣча źv́ińét́ звенѣть kaŕḿít́ кормить ťiŕṕét́ терпѣть и т. д.; еще дальше идетъ ассимиляція въ случаяхъ какъ róśťv́ińńik родственникъ, kax́ťḿi когтями (о x́ ср. ниже).

Губной же передъ мягкимъ зубнымъ, какъ будто, колеблется; такъ, при ṕ въ łáṕťi отмѣчено m въ źamľú землю, mńeš мнешь. Повидимому, положеніе относительно ударенія играетъ роль; ср. съ m въ źamľú kamńéi̯ kъmńám и др., ḿ въ м. ед. káḿńi, и. мн. káḿńi (при kamńá), и ṕ въ łáṕťi. Объ u̯ см. выше; ясное u̯ является, повидимому, лишь при положеніи между двумя переднeнебными артикуляціями, напр. ďaŕéu̯ńá (ďe-), р. ďeŕéu̯ńi и под.; обращаю вниманіе на количество e (не ê) передъ этимъ u̯.

Смягчается обыкновенно велярный передъ мягкимъ зубнымъ: ax́ŕémowna Ефремовна, kax́ťéi̯ когтей; «легче» отмѣчено то какъ ľéx́či, то какъ ľéxčə — примѣръ неясный; γ передъ l' въ zaγľí я слышалъ твердымъ или

[1]) Исключая, конечно, ł.

полутвердымъ. Не появилось ли i̯, i въ iďe гдѣ (iďê-i̯ъn ƅyƚ) отъ мягкаго, сильно передняго γ? Или iďe отъ iγďé, ср. напр. Дем.?

Твердый зубной передъ мягкимъ велярнымъ напр. въ šaŕónki; по въ máŕx́ẃina Мареина ŕ мягко отъ x́, а это далѣе отъ ẃ. Твердый губной передъ мягкимъ велярнымъ отмѣченъ во мн. ч. kŕépkii крѣпкie, -iя (ср. e, не ê), далѣе въ ďe̯uki дѣвки. — Какъ видно, ассимиляцiонныя правила немало колеблются, соотвѣтственно съ моими наблюденiями надъ сѣверновеликорусскимъ (Описанiе § 12).

Ассимиляцiя въ обратномъ направленiи наблюдается при k: хъźái̯ka ṕińká пенька čái̯kú ťóťińka pastrói̯ka пъ-caŕká на царька ľäṕéšička лепешечка; но ср. съ другой стороны пъ-caŕóčka synóčka (и напр. ťótuška γaľú-ƅuška ľäṕéška); отмѣчено tóľka, по kóľkъ (-ко).

Добавимъ о ьr, нынѣ er, что нѣтъ правила: я слышалъ и cérkwa, cérkъw — и céŕkwa, P. céŕkẃi; и źérkъľα — и źéŕkъľa зеркало; отмѣчено ẃerx k-ẃerxu sḿerkłoś sťérwa — но ṕéŕwyi̯ četẃéŕx. Подобное колебанiе наблюдается и въ слѣдующихъ говорахъ.

— На явленiя *лабiо-велярuзацiu* я къ сожалѣнiю, какъ сказано въ Очеркѣ 194, не обратилъ должнаго вниманiя во время моихъ наблюденiй надъ русскими говорами. Я отмѣтилъ лишь спорадическiе случаи ея дѣйствiя, не замѣчая ихъ внутреннюю связь. Поэтому я не въ состоянiи опредѣлить теперь границы лабiо-велярuзацiи, въ техническомъ смыслѣ слова, для описываемаго говора. Сопровождающiй ее переходный звукъ «u» между согласнымъ и (ударяемымъ) о, по моимъ наблюденiямъ, ясно выступаетъ при x и γ; примѣръ какъ što taƅé x^{u}óca (-tsa) что тебѣ хочется — позволяетъ заключить, что x образуется со степенью лабiо-велярuзацiи u'-овой, какъ передъ u, напр. въ xuť хоть [1]); подобное заключаемъ для γ мѣстоименнаго окончанiя -γ^{u}ó, сохраняемаго при новомъ -wó, напр. въ ńičaγ^{u}ó ничего.

9. Вокализмъ, съ исторической точки зрѣнiя. Предварительный обзоръ въ 1 уже отмѣтилъ главныя особенности вокализма; вернемся теперь къ этой сторонѣ говора, нѣсколько подробнѣе.

Въ ударяемыхъ слогахъ старшiй, общерусскiй составъ гласныхъ, вообще, сохраненъ; примѣровъ не нужно. О ѣ: е припомнимъ, что лишь послѣднее (какъ первоначальное, такъ и развитое изъ ь) перешло въ 'о при отсутствiи слѣдующаго мягкаго звука: ƅéľjó, at-ymón отъ именъ, čom, ḿórznu мерзну — а оттуда далѣе ḿórzńiš и т. д. Въ наши дни такой пере-

1) У старушки xuć — заимствованiе съ запада.

ходъ вторгается, вѣроятно изъ столичнаго произношенія, также въ формы, гдѣ онъ не развился органически въ самомъ говорѣ; при старшемъ kłaďéš iďéš является iďóš žyvóš и под. (напр. въ сказкахъ). Къ развитію ѣ при подобныхъ условіяхъ ср. напр. ќem čem śeł ďéłъi̯u дѣлаю ńet, какъ вообще въ южновеликорусскомъ. é отражаетъ и ѣ и е (изъ е и изъ ь): žyvét живетъ ťapéŕ i̯éi̯u γasťéi̯ uḿéi̯u ṕéi̯ пой (см. въ § 31) ľéś лѣзть и т. д.

Вторымъ слогомъ слова по «вѣсу» нужно въ нынѣшнемъ произношеніи, по 2, считать слогъ непосредственно передъ ударяемымъ. Въ немъ гласные высокіе, i u y, сохранились. Такой переходъ y > u какъ въ umuwáji̯itsъ умывается — явленіе рѣдкое, вызванное м. пр. предшествующимъ u и окружающими губными, но связанное при томъ и съ ослабленіемъ въ слогѣ передъ á, о чемъ скажемъ ниже. Гласные же со среднимъ или низкимъ положеніями языка распались на двѣ группы, въ зависимости отъ положенія послѣ твердаго или мягкаго согласнаго. Нужно предположить, что разные гласные внутри каждой изъ этихъ группъ всѣ сливались въ свое время въ предударномъ слогѣ въ одну и ту же «редуцированную» гласную артикуляцію, послѣ твердаго согласнаго въ задній, а послѣ мягкаго согласнаго въ передній «ирраціональный» оттѣнокъ — т. е. въ какія-то «ъ» и «ь», представлявшія относительныя гласныя положенія безразличности. Первоначальная разница между гласными внутри этихъ группъ (а, о — 'е, 'ѣ, 'а, 'о) такимъ образомъ исчезла совсѣмъ; зато развилась новая разница внутри каждой группы, но уже въ зависимости отъ гласнаго слѣдующаго, ударяемаго слога; судя по нынѣшнему состоянію — въ зависимости отъ *качества* этого гласнаго, а по моимъ соображеніямъ скорѣе — въ зависимости отъ *количества* его; объ этомъ скажу нѣсколько словъ ниже (Коб., 17). Выросшее такимъ образомъ новое начало для вокализма предударнаго слога отчасти затемняется перекрещивающимися явленіями; главныя линіи однако ясны, ср. выше въ 1: передъ á предударный слогъ удержалъ ирраціональные гласные, отражающіеся въ нынѣшнемъ языкѣ какъ ъ послѣ твердаго, i (ɛ) послѣ мягкаго согласнаго (y послѣ š ž); передъ прочими же гласными ирраціональные гласные перемѣнились; изъ задняго выросло a, изъ передняго также гласный болѣе или менѣе широкаго образованія, стремившагося дойти, и въ типическомъ развитіи дѣйствительно дошедшаго до a; что это послѣднее a болѣе склонно терять качество полнаго a, зависитъ главнымъ образомъ отъ мягкости предшествующаго согласнаго, о чемъ скажемъ ниже.

Разсмотримъ нѣсколько подробностей подъ даннымъ общимъ правиломъ. Мѣна ъ : a является въ массѣ примѣровъ; sъwá сова: sawú, ṅъčám

ночамъ: načė̄j, brъńáť бранятъ: brańú, zъžγlá зажгла: zažóx zažγlí, iz-ъγńá изъ огня: u-waγóń въ огонь, γъγъtáť хохотать: γъγačú, kъmńám камнямъ: kamńė̄j, synъwjá: synawė̄j, и т. д.; много матеріала представляетъ морфологія, ср. § 10. ъ я слышалъ въ Ивонинскомъ говорѣ нерѣдко и въ абсолютномъ началѣ слова: ъddálí отдали, ъtstáłъś осталась. О произношеніи «ѣ» и даже у въ случаяхъ какъ dyčká дочка мы говорили въ 7. — Мы коснулись уже въ 2 той особенности, что обыкновенное для другихъ гласныхъ въ предударномъ слогѣ удлиненіе не замѣчается или же лишь очень слабо въ ъ; въ сочетаніяхъ ъ со слѣдующимъ сонорнымъ согласнымъ (хъłstá холста, tъlklá толкла, ъržáła ржала) склонность къ удлиненію, свойственное вообще предударному слогу, замѣтна скорѣе въ *согласномъ*: «tъl̄klá» и под., оставляя впечатлѣніе, будто бы слоговымъ звукомъ слога былъ этотъ согласный («ъḻ», «ъr̥» — но al, не al̥, напр. въ xałstína). Въ izъrtá изо рта и prъdáł я слышалъ притомъ izr̥tá, pr̥dáł, съ такимъ полнымъ исчезновеніемъ ъ, которое принадлежитъ самымъ слабовѣснымъ слогамъ. Эти явленія указываютъ на то, что ъ и въ предударномъ слогѣ сохраняетъ еще свой характеръ редуцированнаго, «ирраціональнаго» гласнаго.

Между тѣмъ, отъ правильнаго распредѣленія ъ : а въ предударномъ слогѣ видимъ много исключеній, а число ихъ, повидимому, все увеличивается. При trъwá слышится также trawá, при kъńá коня kańá; я слышалъ постоянно, также у старыхъ, naγá нога — можетъ быть, лишь случайно, ср. д. мн. ч. nъγám и др. — wadá вода tawár dawáj (но напр. dъłá дала) и мн. др.; морфологія даетъ не мало такихъ примѣровъ. Конечно, уже отношеніе ъ : а въ самомъ говорѣ можетъ объяснить много, даже большинство изъ этихъ новшествъ; м. pałú можетъ вызвать р. pałá вм. pъłá, в. trawú, и. trawá вм. trъwá, и т. д. Правильная мѣна въ предлогахъ, напр. nъbráłśa (-śi): napój, стушевывается, и является nabráłśe. Обратно štъ въ ..štъ-búďiť... что будетъ, можетъ явиться при ожидаемомъ ..što sýna.. въ болѣе ударяемомъ положеніи, а kъby кабы, kъlí коли, можно объяснить изъ неударяемости. Можно далѣе объяснить случай какъ kadá когда вліяніемъ параллельнаго слова tadý тогда. Однако, такой путь не ведетъ къ объясненію, напр., tawár вм. ожидаемаго tъwár: вѣдь здѣсь не имѣемъ формъ съ правильнымъ а въ первомъ слогѣ. И нужно, во вторыхъ, обратить вниманіе и на то обстоятельство, что общее направленіе такихъ перемѣнъ противъ собственнаго правила, сколько я могу судить, идетъ въ пользу а вм. ъ, а не обратно [1]).

---

1) Случаи неорганическаго ъ, впрочемъ, встрѣчаются; напр. štъ-búďiš (ср. выше), zъdúmałśi (-śa). Что образцы мѣны а : ъ еще имѣютъ живую силу, можно

Поэтому для меня нѣтъ сомнѣнія, что переходъ ъ > а въ слогѣ предударномъ совершается въ наши дни главнымъ образомъ подъ вліяніемъ извнѣ, всего больше со стороны московскаго произношенія. Въ иныхъ случаяхъ вліяетъ при томъ, можетъ быть, и склонность самаго говора; такъ я сужу о началѣ слова, гдѣ ожидаемое ъ- встрѣчается вообще рѣдко (ъtstáłъs, ъddáľi — но не *ъwcá, *ъdná), и гдѣ окружающіе говоры, какъ увидимъ, имѣютъ почти постоянное а-.

Перейдемъ къ предударному i : 'a. Можно привести массу примѣровъ мѣны по упомянутому правилу: mъįá śistrá: р. д. maįéį śästrý, в. śastrú, уменьш. śästŕica; ŕiká рѣка: ŕakú, na įétъį ŕäkí (ŕekí ср. ниже); ńi-dám: ńa-búdu, ná-xóčiť, ср. еще ńäďéľu недѣлю; kľiłá кляла: kľäńi кляни; ńisłá несла: ńasú несу; vizáť вязать: važú; ср. далѣе ḿińá ťibá iná (įna) она (т. е. отъ įoná ёна), но ƀäŕi бери ďäŕéuńü ľäpéška ръγľäďéť γľäďi piśḿäcó uľäťéł влетѣлъ, и даже ṕéŕäd-bóγъm передъ Богомъ; įna uźiłáś.. она взялась, ṕińká, stŕiľäť, sv́ičá свѣча, ръ-čisám по часамъ, vy[į]ižžáť выѣзжать, ръṡpi-šáįu поспѣшаю, но nъ-śiįäďéńä на съѣденіе — и т. д. и т. д.

Относительно того i, которое отражаетъ «передній ирраціональный гласный» передъ á, я не замѣчалъ той особенности, которая выше подчеркнута для ъ: неспособности къ удлиненію. Въ этомъ отношеніи желательны дальнѣйшія наблюденія. Судя по моему матеріалу, такое i не различается въ предударномъ слогѣ количественно отъ стараго i, т. е., оно въ этомъ отношеніи, какъ будто, присоединилось къ ряду обыкновенныхъ гласныхъ, съ однимъ изъ которыхъ оно, какъ мы видимъ, совпало качественно.

Изъ многочисленныхъ отклоненій отъ даннаго правила для мѣны i : 'a въ предударномъ слогѣ, иныя представляютъ очевидныя заимствованія; такъ, напр., aná на сторонѣ iná (įna). Собственно чужими можно вѣроятно считать и случаи какъ ťiƀé (а не *ťaƀé) при taƀé [1]), ťéṕéŕ при ťaṕéŕ (я слышалъ также ťiṕéŕa), žiľézъm (ži, не žу: см. въ 5) при повидимому старшемъ ža-ľézъm. Другія отклоненія объясняются вліяніемъ аналогіи; напр. śástrá при śistrá (ср. śastrú и др.), смѣшеніе ńi и ńä, т. dъčiŕḿi дочерьми (ср. и. dъčiŕá д. dъčiŕám и др. — по р. dъčaŕéį), р. maťiŕéį (ср. и. maťiŕá, д. maťiŕám), и др. Какъ при отношеніи ъ : а, такъ и здѣсь общее направленіе развитія

заключить, напр., изъ šъƀáš, вѣроятно заимствованія изъ очень позднихъ. Сюда принадлежитъ, м. б., и kъńá коня, такъ какъ koń повидимому не свое слово, а свойственно лишь сказкамъ.

1) Ср. однако ḿińé, трудно объяснимое какъ форма чужая.

наводитъ на мысль, что замѣщеніе 'а черезъ і происходитъ подъ вліяніемъ извнѣ, скорѣе чѣмъ на основаніи развитія внутри самаго говора; характерное для говора предударное 'а повидимому легче вытѣсняется въ пользу і или другого гласнаго передняго образованія, чѣмъ обратно, ср. произношеніе въ Москвѣ («śistrú» или «śɛstrú», Очеркъ 153 и др.).

Однако, такое движеніе и не безъ подпоры въ звуковомъ развитіи самаго говора и этихъ говоровъ вообще. По 5 замѣчается общая склонность замѣнять 'а неударяемаго слога оттѣнкомъ ä; а отмѣчены тамъ же примѣры, гдѣ это же движеніе ведетъ дальше, до (открытаго) е: при kľäńi говорятъ kľeńi, при i̯äďim ѣдимъ i̯eďim, при ŕäki ŕeki (рѣки), при ṕiśḿäcó ṕiśḿecó. Можно привести очень много такихъ е (NB открытыхъ), развитыхъ очевидно изъ «'а»; pľatú плету въ скоромъ разговорѣ звучитъ pľetú, ńä часто принимаетъ видъ ńe, при ďäŕéu̯ńä слышимъ ďeŕ-; этотъ звуковой принципъ вѣроятно и объясняетъ рядъ (открытыхъ) е, гдѣ параллельныхъ формъ съ оттѣнками 'ä, 'a (случайно?) не отмѣчено, напр. р. śeḿi семи, т. śeḿḿi или śeḿi̯ú, ľeγľá легла, ṕirḿeńiť перемѣнить, пов. накл. вродѣ pľeťi ƀŕeďi и др., и вообще много формъ такихъ глаголовъ въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ — хотя иногда и съ ä, напр. при v́eďi v́äďi, особенно у старыхъ и при болѣе отчетливомъ произношеніи. Дальнѣйшее развитіе по этой линіи можетъ, при менѣе отчеканенномъ выговорѣ, объяснить появленіе иныхъ «ɛ» (šɛśḿi шестью, отъ šêś, но ср. šastói̯), и даже, можетъ быть, иногда «і» ненапряженнаго, ослабленнаго образованія (ср. при ďɛv́äťi т. ďɛv́iti̯ú). Однако, мы здѣсь находимся уже на колеблющейся почвѣ, такъ какъ наблюденія и записанный матеріалъ заставляютъ спросить: не появлялось ли ɛ, і въ предударномъ слогѣ передъ гласнымъ не á уже изстари, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ? Дѣло въ томъ, что такое ɛ, і въ предударномъ слогѣ не передъ á является отчасти не въ отдѣльныхъ случаяхъ, а какъ будто въ категоріяхъ. Укажу во-первыхъ на частое его появленіе передъ é въ глагольныхъ формахъ какъ ńɛśéš (но ńasú) ḿɛťéš (ḿatú), хотя и не всегда (ṕŕeďéš ṕŕeďéť къ ṕŕadú); во-вторыхъ на і передъ é въ глаголахъ на -ѣть: zv́ińéť ťirṕéť γŕiḿéť съ прош. γŕiḿéľ, v́irťéť ľiťéť v́iľéť (велѣть; обыкновенно я слышалъ впрочемъ «v́êľéť», что̀, можетъ быть, заимствовано?) γľiďéť глядѣть, впрочемъ при γľäďéť; къ послѣднему ср. еще прош. u̯ľäťéľ, v́äľeľ велѣлъ. Въ этихъ глаголахъ рискованно искать объясненія і вмѣсто ожидаемаго 'а въ аналогичномъ введеніи изъ формъ, гдѣ і появилось передъ á, т. е. изъ одного 3 л. множ. числа. Съ другой стороны объясненіе вліяніемъ извнѣ не удовлетворяетъ, м. пр. потому что и ниже описываемые говоры выставляютъ подобныя отклоненія отъ предполагаемаго нами правила, отчасти

въ болѣе широкомъ объемѣ. Вернемся къ этому вопросу ниже, подъ Коб., въ § 17.

— Всѣ прочіе неударяемые слоги, какъ передъ, такъ и послѣ ударяемаго, соединяются относительно качественной редукціи старшихъ гласныхъ въ одну группу: тѣ редукціи, которыя въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ проведены правильно лишь передъ á, въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ представляются постояннымъ правиломъ. Старшія i и u, вообще, сохранили свою артикуляцію; встрѣчаются исключенія какъ dъraḱí при duraḱí, «γъvaŕíť na mъžuká» (говоритъ мужику) при mužuká [1]), žena mъžukówa; они лишь подчеркиваютъ общее стремленіе дойти въ такихъ слогахъ до «ирраціональнаго гласнаго», т. е. до относительнаго положенія безразличности. Старшее y выказываетъ несомнѣнные случаи перехода въ ъ, напр., ńé-bъło небыло, i̯a paγ'íb-bъ я погибъ бы; вообще же и y, повидимому, сохраняется безъ редукціи; такъ и y изъ i послѣ š ž, ср. напр. ясную разницу ъ : y въ послѣударныхъ слогахъ wýtъššył вытащилъ, несомнѣнное «y» въ ṕíšyť пишетъ, słúžyť служитъ, и мн. др.; припомнимъ однако изъ 7, что артикулярное отношеніе y : ъ нерѣдко затрудняетъ рѣшеніе, имѣемъ ли дѣло съ тѣмъ или другимъ. Для редукціи прочихъ старшихъ гласныхъ упоминаемыхъ слоговъ, съ одной стороны въ ъ, съ другой въ i (ε), можно привести сколько угодно примѣровъ: γъvaŕíť ъddъłá оддала ръstъnaví́ł dъžydái̯ daróγъi̯ дорогой ńékъmu; ṕiťεŕičók [i̯]istŕibók ястребокъ мн. ч. [i̯]istŕipḱí ruγái̯iš ругаешь krýĺími крыльями, и т. д. и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ не частыхъ, количественная редукція, которая болѣе или менѣе явственно сопутствуетъ уменьшенію «вѣса» слоговъ (2), доводитъ до полной потери гласнаго; напр. ṕirḿeńíť пер(е)мѣнить, ṕirváźíťe пер(е)везите, na kółkъł на кол(о)колъ. Въ связи съ такимъ выпаденіемъ укажемъ на выпаденіе слабовѣснаго гласнаго при встрѣчахъ какъ ńidnawó вм. ńi ъdnawó или ńi ad-, ńi-u̯sá вм. ńi au̯sá ни овса, tóĺḱъná, т. е. только она [2]), kóĺḱi xóčεš т. е. koĺḱъ i xó- сколько и хочешь.

---

1) Второе u какъ будто результатъ извѣстнаго рода гармонизаціи къ u перваго слога; ср. единичные случаи вродѣ kułužáńin вм. и при kъł- калужанинъ, kružuwá (и kryžuwá), umuwái̯itsъ умывается, и даже puzuŕók при puzyŕók. Такія формы, впрочемъ, легко переходятъ изъ одного говора въ другой.

2) Нѣсколько странный результатъ. Обыкновенная форма для «онъ» въ Ив:— i̯on («ёнъ»), напр. iďé-i̯ъn býł гдѣ онъ былъ; отмѣчено однако при томъ неударяемое ъn, напр. wót-ъn вотъ онъ. Можетъ быть, что такимъ же образомъ при iná, i̯na (изъ «ёна») существуетъ *ъna? Въ такомъ случаѣ предполагаемое *tóĺḱi (отъ

И въ группѣ самыхъ слабовѣсныхъ слоговъ встрѣчаемъ большое число отклоненій отъ указанной редукціи. Въ слогахъ передъ ударяемымъ такія исключенія объясняются вообще заимствованіемъ, изъ родственныхъ формъ или изъ столичнаго (литературнаго, церковнаго) произношенія: na-ḱuγú, при напр. nъ-raḱú, изъ сочетаній съ правильнымъ na, rъḃaγъďaŕiť, при rъḃъγъ-, вѣроятно изъ церковнаго произношенія, adnawó вм. ъd- изъ формъ какъ adnú, adńím; впрочемъ, добавимъ относительно абсолютнаго начала то, на что мы уже намекнули выше, что ъ- здѣсь, повидимому, вообще склонно исчезать въ пользу а-. Кромѣ приведенныхъ моментовъ, въ слогахъ послѣ ударяемаго надо сообразоваться съ вліяніемъ въ сильной степени также морфологическихъ категорій; флексійныя формы легко переводятся съ ударяемыхъ окончаній въ неударяемыя; это столь обычное и извѣстное дѣйствіе аналогіи, что не нужно приводить примѣровъ; оно обусловливаетъ сильную смѣсь въ звуковыхъ явленіяхъ флексійныхъ окончаній.

Однако, выступаютъ еще и такія отклоненія отъ общаго правила, для объясненія которыхъ нужно очевидно указать и на другіе моменты. Говорю о гласныхъ въ неударяемомъ открытомъ концѣ слова. Не трудно привести изъ связной рѣчи и для такого положенія примѣры обыкновенной редукціи въ-ъ, -i: mnóγъ (при mnaγó много); jétъwъ, jétъ daróγъ, trúdnъ, kъwáłъ ковала, maĺítwъ, напр. «at-mýša maĺítwъ jéś, at (т. е. а at) svírška [1]) ńétu maĺítwy» — u-póγŕiḃi въ погребѣ, sъbráłśi u-púť (при sъbráłśa, собрался въ путь), и т. д. Но съ другой стороны встрѣчаемъ, кромѣ частаго -а въ и. жен. рода, многочисленные примѣры съ другимъ развитіемъ конечнаго гласнаго, какъ то dwója trója páťira пятеро śémira и под., часто -śa въ возвратномъ -ся, далѣе -'а, а не -i, въ формахъ какъ ńá-tóńťä не тоньте, ḃáŕiťä и под.; ср. еще напр. rańóšuńkä ранешенько, dážä даже, napъjäďéńija и nъ-śjaďéńa на съѣденіе (въ сказкахъ); бокъ о бокъ -ja и -ъ въ выраженіи atódrъnъja škúrъ отодранная шкура. Какъ мы видимъ, такое развитіе конечнаго гласнаго въ -а, -'а, -'ä встрѣчается и непосредственно послѣ ударяемаго слога и подальше отъ него; поэтому мы отрѣзаны отъ объясненія его происхожденія на ритмическомъ основаніи. За то укажу на

---

*tóĺko) могло бы вести къ tóĺk-ъná, хотя бы скорѣе ожидалось tóĺkiná. Но для «только» я слышалъ здѣсь лишь tóĺka (-kä); ждемъ изъ этого *tóĺkaná. Можетъ быть, что появилось отсюда tóĺkъná помощью введенія, по звуковой аналогіи, ъ вм. а передъ á.

1) Р. отъ svíršók.

упомянутую въ 2 склонность къ относительно сильному экспираторному выдвиженію неударяемаго конечнаго слога, особенно открытаго, и на замѣтки по поводу этого явленія. Одна эта черта нынѣшняго произношенія не могла бы, однако, объяснить упоминаемое развитіе, особенно не -'а (-'ä, -'е) вмѣсто -i; усиленіе «передняго ирраціональнаго гласнаго» (i, ε) не ведетъ въ наши дни къ 'а. Поэтому нужно предположить уже давнее развитіе -'а въ концѣ слова, въ различіе отъ другихъ неударяемыхъ положеній, а также допустить, что редукція въ -i лишь вторгается сюда отчасти, при особенно маловѣскомъ произношеніи слога (напр. -ŝi при -ŝa, -ся), между тѣмъ какъ упомянутая склонность къ экспираторному выдвиженію (открытаго) конечнаго слога — будь она старымъ наслѣдствомъ или же новоразвитой чертой — все еще поддерживаетъ -'а (-'ä, -'е), болѣе или менѣе ясно, смотря по степени ея силы. — И въ конечномъ слогѣ закрытомъ имѣемъ въ Ивонинскомъ говорѣ случай безъ ожидаемой редукціи въ i; говорю объ окончаніи причастья страд. залога на -en въ рядѣ глаголовъ (ŝńéŝen, uv́éd́en и под.), при болѣе рѣдкомъ -in (-εn). Не берусь объяснить такой случай.

10. Замѣтки къ морфологіи. Матеріалъ, собранный большею частью у сельскаго учителя Ивана Богомолова, и пополненный указаніями старушки Ольги Ахремовны (1), прошу считать главнымъ образомъ освѣщеніемъ звукового строя говора. Какъ видно всякому, флексійная система не отличается сильно отъ общей великорусской. Но нужно сообразоваться съ изложенными выше звуковыми явленіями; они обусловливаютъ во многихъ случаяхъ колебанія въ вокализмѣ флексійныхъ окончаній, смотря по положенію ударенія. Настоящій видъ этого вокализма выясняется, конечно, изъ примѣровъ съ ударяемыми окончаніями; но тотъ же видъ переводится по 9 очень часто и на окончанія неударяемыя. Менѣе существенные звуковые оттѣнки въ морфологіи можемъ оставить безъ вниманія, указывая на изложеніе, данное выше (напр. ȃ, ů; ä считаю лучше удержать). Сильное вліяніе чужого (особенно московскаго) произношенія легко замѣчается и въ морфологическихъ образцахъ, въ замѣнѣ старшихъ формъ чужими (напр. syńḯá : synъv́ḯá). Конечно, я искалъ по возможности стариннаго, принадлежащаго самому говору. Формы, обозначаемыя какъ рѣдкія или сообщенныя съ сомнѣніемъ, приводятся въ [ ].

Съ этими общими замѣчаніями прошу считаться также при морфологическихъ замѣткахъ къ ниже описаннымъ говорамъ.

Существительныя.

Основы на -a, -ja.

Ед. ч. sъvá р. и д. savý с. savú т. savóju. Мн. ч. sówy р. sow д. sъvám т. sъvámi м. sъvách. Къ совпаденію д. и р. ср. примѣръ какъ «tot muš i γъvaŕiť žaný svajéj».

naγá (nъγá я не слыхалъ) р. д. м. naγ́i в. naγú (na-naγú и ná-nъγu) т. naγóju, -γój; въ м. при naγ́i также (новѣе?) naγ́é. Мн. ч. nóγ́i nox nъγám nъγámi nъγách; у одного старика я отмѣтилъ также nóγъm nóγъmi nóγъх.

źimľá р. д. м. źämľi (źemľi), źimľi (и źimľé, ср. выше naγ́é); мн. ч. źémľi.

Основы на -o, -u, jo.

a. *Мужской родъ.* Въ сущности имѣемъ, какъ въ литер. языкѣ, только одно склоненіе, распадающееся на основы «твердыя» и «мягкія». Остатки флексіи основъ на -u, образованія множ. числа на -a и на ja, н. мн. ч. изъ основъ на -i и др., создаютъ картину этого склоненія, съ исторической точки зрѣнія, очень «неправильной», такъ какъ традиція, какъ извѣстно, распредѣляетъ разнаго рода образованія по словамъ или группамъ словъ, не соотвѣтствующимъ первоначальной группировкѣ. Примѣры: voł р. vałá д. vałú (ср. лит. яз.) или vółъ vółu; мн. ч. vałý vałóu vъłám и т. д. (при vałám и т. д.). Ср. dom dóma dómu dómъm dómi, мн. ч. dъmá damóu dъmám и т. д. — syn sýna (-nъ) и т. д., м. sýńi или sýnu (мн. ч. sýnja при новомъ synъýá р. [synóu] synavéj д. syńjám synъvjám и т. д.). — Р. ед. ч. на -u напр. въ γarоxu. — koń kъńá и т. д., впрочемъ, принадлежитъ, повидимому, сказкамъ. При удареніи на корнѣ: źäť źäťa źäťu źäťim źäťi, мн. ч. (źiťjá) źäťóu źiťám źiťámi źiťách, д. также źiťóm. — kraj krája kráju krá[j]im, м. nъ-krajú. — muš múža múžu; въ т. и м. я отмѣтилъ «múźəm» «múźə», ср. нѣм. e въ Gabe; мн. ч. mužjá mužjóu mužjám и т. д. — Отмѣтимъ далѣе «гость», гдѣ колеблется śť : ś[ť]j : śj (3) и замѣчаются также другія особенности. Съ литер. формами ср. γoś γóśja γóśju γóśjem м. γóśťi; но притомъ отмѣчено р. (svajvó) γъś[ť]já д. (svamú) γaś[ť]jú т. (svaim) γaś[t]jóm; мн. ч. γъś[ť]já γaśťéj γъśťjám -ámi м. γaśťóx, послѣдняя же форма, кромѣ какъ м., отмѣчена и какъ р.: iz γasťóx, при iz γasťéj.—М. мн. ч. на -óx (γasťóx, kaxťóx отъ kóxъť, zvirox) повидимому все болѣе вытѣсняется окончаніемъ -áx. — Тв. мн. ч. на -mi напр. въ źvíŕmi (новѣе źviŕámi [1]).

1) Отмѣчены въ этомъ словѣ отчасти поражающія формы: zvéŕ, но р. в. zvíŕa [и zvéŕa, новѣе и рѣдко]; ср. выше zvíŕmi.

М. ед. ч. на -u мы видѣли безъ ударенія въ sýnu; съ -ú напр. na paɫú, na ɫuγú, u ľasú (при u ľési), u wuγɫú, пъ kraịú.

И. мн. ч. на -á (dъmá): poγŕibá, v́ɛčerá, [kraịá заимств.? ср. ъ въ М. krъịáx], γɫъzá (Р. γlazóu̯; въ М. я слышалъ и γɫazóx и γɫaźóx).

И. мн. въ видѣ собирательнаго встрѣчается часто. Приведены выше sýńịa (новѣе synъv́ịá) mužịá γъsťịá žiťịá, показывающія, что распредѣленіе формъ род. падежа не соотвѣтствуетъ правиламъ литер. языка. Далѣе напр. stúľịa súčịa ľisťịa (ср. литер. языкъ), kamńá[1]) при kámńi, р. -ńéị, д. kъmńám и т. д.) или, новѣе, kaḿéńä (-ńou̯ и т. д.), къ ед. ч. káḿiń (у старушки я слышалъ также káḿän); kaŕéńä (kóŕiń), aľéńä (aľéń олень), ŕɛḿéńä (ŕéḿän), приведенное также въ формѣ -ńịä[2]), stuṕéńịä (ед. ч. adna stuṕéń); къ báŕin (см. ниже) bъryńá.

Въ saśét saśéda, какъ въ литер. языкѣ, множ. число имѣетъ «мягкія» формы saśédi, -di[ị] и пр.

wučiťeɫ р. -ɫa: любопытно ɫ въ этой категоріи, и e, не i, въ неударяемомъ конечномъ слогѣ. Новѣе, по книжному, -ťéľ. Мн. ч. -ťɛľá -ťɛľéị и пр.

Слова на -инъ: kuɫužáńin (kъɫ-, калужанинъ) р. -ina и т. д.; мн. ч. kuɫužány -žán -žánъm и пр. ḿaššáńin (ḿe-) мн. ч. ḿaššány. báŕin [báryn] мн. ч. bъryńá -ńóu̯ и пр., ср. выше.

Слова на -енокъ принципіально согласуются съ лит. языкомъ, но и. мн. ч. звучитъ -áty: žyŕibáty γuśińáty (γuśónъk) wuťáty и wuťińáty (wuťónъk и wuťińónъk) pъrъśáty [pъrъśińáty] (pъraśónъk, pъraśińónъk рѣдкое); р. žyŕibát и пр. Ср. въ этомъ сочетаніи (mъịá) ďiťá; въ р. в. употребляется форма ďiťónka (-kъ), въ т. ďiťónkъm, но при томъ и (svaịéịu) diťóịu; мн. ч. ďéti ďiťéị ďiťám ďiťá i i или ďiťmi ďiťáx [ďiťóx].

б. *Средній родъ.* waknó wъkná waknú waknóm пъ-waknú или -ńé, мн. ч. wóknъ wakón wъknám -ámi -áx. Неударяемыя и. и р. ед. ч., конечно, совпадаютъ: ľétъ; м. безъ ударенія имѣетъ -i: ľéti (мн. ч. litá let ľitáx и пр.).—и. в. р. póľa д. póľu т. póľem (sic) м. póľi; мн. ч. pъľá paľéị pъľám и т. д.

Встрѣчается и. в. мн. ч. на -ẙ, напр. ṕísmy. Слово ńóbъ (небо), повидимому, колеблется между среднимъ и женскимъ родами, ср. «kakóịe ịásnъịe ńóbα» и «kakáịa ịásnъịa ńóbα; при томъ припомнимъ звуковое сов-

---

1) Вѣроятно ослышка вм. kъmńá, kαmńá.

2) Вѣроятно, произношенія съ ị и безъ ị не разграничены; ср. слышанное мною въ сказкѣ «ďaŕéu̯ńịịú» при ďaŕéu̯ńú деревню.

паденіе въ и. ед. ч., при неударяемомъ концѣ, какъ въ существительныхъ, такъ и въ прилагательныхъ (-а и -о > -ъ, -аi̯а и -оi̯е > -ъi̯ä, -ъi̯е).

wúxъ, ухо, мн. ч.: wúxъ или wúxi р. wux или wuxóu̯ д. wuxám т. wuxámi м. wuxáx. [óči: рѣдкая форма изъ книжнаго языка].

Основы на -і и на согласномъ.

-śt́ въ концѣ слово > ś: kоś maś straś skórъs скорость и т. д. Внутри слова слышимъ то ś[t́]i̯, то śi̯; иногда также -śt́-, что̀, впрочемъ, встрѣчается и въ концѣ слова: straśt́ (заимствовано?); ср. § 3. Такъ, отъ koś р. д. kóśi̯i (новѣе kóśt́i̯i, sic!) т. kóśi̯u м. kaśi̯í (kaśt́i̯í); мн. ч. и. в. kóśi̯i [kóśt́i̯i] р. kaśi̯éi̯ [kaśt́éi̯] д. и пр. kъśi̯ám kъśi̯ámi kaśi̯óx. Ср. maś máśi̯i и т. д.; приведенные при томъ р. д. máźi т. máźu (NB не -źi̯u) указываютъ на слитіе mastь и mazь, ср. общій и. в. maś.

mat́ р. д. м. mát́iŕi в. mát́iŕu (новѣе mat́) т. mát́iŕi̯u (-ŕu? ср. прим. выше); мн. ч. mat́iŕá -ŕéi̯ -ŕám и пр. — doč р. д. м. dóčiŕi и dóčaŕi т. dóčiŕu (не -ŕi̯u, ср. выше mat́); в. я слышалъ только въ формѣ doč; мн. ч. dóčiŕi или dъčiŕá р. dъčaŕéi̯ д. dъčiŕám т. -ŕámi или -ŕḿí.

Въ krou̯ кровь р. д. м. отмѣчены какъ krówi, т. какъ krówi̯u, («i̯on kášĺit́ s-krówi̯u»); въ śvakróu̯ же р. д. м. звучитъ śvakrówi̯i (отчетливо даже -ji), т. -wi̯u; мн. ч. -wi̯i р. śvakrówi̯ew (sic). У одной старушки я слышалъ и. ед. ч. śvakrówa. — «Церковь»: [cérkъu̯] и cérkwa р. д. м. cérkwy в. -kwu т. cérkowi̯u; мн. ч. cérkwy р. -kv́éi̯ д. -kvám.

— Мужское «путь» повидимому не въ ходу, предпочитаютъ вообще «дорога». Отмѣченные р. puťá т. puťóm согласуются съ основами на -jo; м. na puťí по словамъ моихъ источниковъ — выраженіе новое; изъ мн. ч., (puťí puťéi̯) отмѣтимъ д. [puťóm] и м. puťóx; т. я не нашелъ, но ср. формы какъ kaxt́ḿí когтями źviŕḿí (новѣе zviŕámi).

d́éń (ср. въ неударяемомъ положеніи d́iń: «sъ-dńá ná-d́iń») совпало съ основами на -jo. М. мн. ч. dńах и dńох. При р. ед. ч. ná-dva dńa также ná-dva dńi, t́ŕét́iva (-t́ъva) dńi.

— Основы ср. рода на -n: р. ед. ч. вообще звучитъ какъ и. в., но есть и другія сильныя отклоненія отъ лит. языка. Приведемъ потому разные примѣры. Вымя vým̀ä: р. «t́ikét́ iz-ým̀ä karówy» (рѣже iz-výḿä); д. м. výḿińi; мн. ч. vyḿiná и vyḿóny, р. vyḿán; прочихъ формъ не удалось подыскать въ этомъ словѣ. Сѣмя śéḿä: р. «śéḿä ńétu»; мн. ч. śiḿaná р. «śiḿanóu̯ ńétut́i». Бремя: и. в. р. b́éŕéḿä т. «pašoł i̯on sъ-svai̯ím b́éŕéḿäm», м. u tum (sic, теперь обыкн. tom) b́éŕéḿä mnóγъ sałómy»; мн. ч. b́iŕiḿiná р. b́éŕéḿän, прочихъ падежей не удалось подыскать. Темя: t́éḿä, м. ед. ч. t́éḿińi, мн. ч. [t́iḿená]. Время: vŕéḿa; здѣсь отмѣчено vŕεḿeńí для м. ед. ч.;

судя по выраженію «u takój vŕeḿeńí», эта форма приняла женскій родъ; мн. ч. vŕeḿäná и vŕêḿóna р. vŕêḿán или -ḿón д. vŕeḿänám. Наконецъ имя: iḿá (и ïḿa) р. «ńet iḿá» [Д. М. ïḿińi?]; мн. ч. iḿäná р. at-yḿón; прочихъ формъ я не нашелъ. Конечно, въ послѣднихъ словахъ нужно особенно и много считаться съ заимствованіями изъ литер. языка; вообще же эта группа пестра до странности.

Мѣстоименія.

i̯a р. д. в. и м. ḿińé т. mnói̯u mnoi̯; отмѣчено притомъ для д. mńe, для в. [ḿiná], формы новыя. — ty ťiƀé (ťiƀá) taƀói̯(u); для д. отмѣчено у старушки при ťiƀé также taƀé. — śiƀé saƀói̯(u); ср. -śa, [-śi], -ś. — my nas nam náḿi; vy vas vam váḿi.

xto kawó kamú ḱem kom. — što ćawó camú ćem ćom. При što говорятъ što, особенно, когда слово произносится одно, про себя; ср. числ. sto какъ s̄to. При čawó я слышалъ у старушки čäγó, ср. ниже i̯aγó.

i̯on i̯awó i̯amú i̯im i̯om (ńom); aná (iná, i̯na) i̯éi̯ i̯éi̯(u), о в. и р. см. ниже; мн. ч. aný (новѣе ańí) i̯ix i̯im i̯íḿi. Послѣ предлоговъ, вообще, безъ ń-: ḱi̯amú ḱi̯éi̯ na-i̯óm и т. д.; na ńom, повидимому, новое заимствованіе. При i̯awo употребляется старшее i̯aγo («i̯aγ^{u}ó», 8). Въ в. ж. рода я отмѣтилъ i̯ei̯ó съ ясно открытымъ e въ первомъ слогѣ; «i̯i̯ó» повидимому новѣе; я слышалъ также i̯εi̯é (i̯on ƀiľ i̯εi̯e), по моимъ источникамъ такое произношеніе не считается собственно Ивонинскимъ, а болѣе западнымъ. Для р. я отмѣтилъ i̯ei̯é въ сказкѣ: «пъра́ľi na i̯ei̯e ďaŕéu̯ńu»; притомъ i̯ei̯á и i̯i̯i̯é: «u i̯i̯é ńičaγó i-ńét».

moi̯ р. mъi̯avó mai̯vó mavó д. mъi̯amú mai̯mú т. mai̯ïm м. mai̯óm; mai̯á (mъi̯á?) mai̯éi̯ mai̯ú; ma[i̯]ï -ïx -ïm -ïḿi. И. ср. рода въ старомъ произношеніи звучитъ mъi̯á (mъi̯á waknó р. mъi̯avó vъkná и т. д.; mъi̯á ďiťá, ср. выше). — Въ косвенныхъ падежахъ отъ naš я все колебался, писать ли послѣ š y или ъ: nášywa и т. д. или nášъwa и т. д.; т. и м. муж. и ср. р. совпадаютъ въ «nášym» или «našъm»; во мн. ч. я остановился на y: nášy nášyx и т. д.; и. ж. р. (и сред. р.) nášъ (а иногда скорѣе «nášy»), в. nášu, р. д. м. «nášεi̯» или «nášəi̯».

tot (сред. р. to) tavó tamú tym tom; для и. муж. р. старшее поколѣніе, повидимому, предпочитаетъ tót-tα, но кажется, вообще мало употребляетъ это мѣстоименіе. Иначе съ i̯étъt (сред. р. i̯étα) i̯étъva i̯étъmu i̯éťim м. i̯étym, i̯éťim; ж. р. i̯etα i̯étъi̯ i̯étu; мн. ч. i̯éty и пр. — Отъ «сей» сохраняются лишь извѣстныя выраженія, какъ śičás, śï[i̯]u nóč.

čêi̯ (či̯o) či̯avó и т. д.; či̯a či̯u и пр.

v́êś (u̯śo) u̯śávó и т. д.; u̯śa u̯śê̯i̯ и пр.; мн. ч. u̯śe u̯śex u̯śem u̯śémi.

sam (samó) sъmawó и т. д.; къ жен. р. sъmá отмѣтимъ в. sъmai̯ú, т. samói̯(u).

Къ takói̯ и под. ср. прилагательныя.

Прилагательныя.

Краткія формы, повидимому, мало въ ходу, однако встрѣчаются; ср., какъ существительныя, напр. zło, dabró; у старушки Ольги xiťór хитеръ; въ сказкахъ выраженія какъ «na vórъnovy pľéči», «tъłstá-xwъstá»; но вообще, кажется, предпочитаютъ, напр., говорить «i̯on dóbryi̯» и под.

Изъ длинныхъ формъ для ударяемыхъ окончаній достаточно намекнуть на нѣсколько примѣровъ: złoi̯, ж. р. zła̯i̯α; xramói̯ xrъmái̯a; и. мн. złýi̯a и złýi, ср. kŕivýi̯ä, но boγátyi; сред. родъ «i̯étъ ďéŕiwъ kŕivói̯ä»; вм. -i̯a, -i̯ä конечно часто звучитъ -i̯e, напр. takói̯e, мн. ч. takíi̯ä или -i̯e, и т. д. Остальныя формы даются изъ сравненія съ мѣстоименіями. — Въ неударяемыхъ окончаніяхъ я затруднялся опредѣленіемъ гласнаго въ «у» или «ъ», склоняясь то къ одному, то къ другому; указываю на объясненіе этого явленія выше въ 7 и 9. Повидимому, до полнаго совпаденія развитіе еще не довело, ср. слѣдующія подробности; однако, чтобы получить цѣльную картину всего развитія, нужно сопоставить матеріалъ съ такимъ же изъ слѣдующихъ описаній.

Въ и. ед. ч. муж. р. мои записки вообще выказываютъ -yi̯ (bъγátyi̯ dóbryi̯); также послѣ k: kŕépkyi̯ tónkyi̯, однако при томъ šyrókъi̯, stróγъi̯; ср. ударяемое -ói̯. у употребляю также въ совпадающихъ т. и м. ед. ч. (bъγátym); далѣе въ падежахъ мн. ч. (-tyi -tyx -tym), исключая, однако, т. (-tъmi, даже -tαmi); ср. послѣ k и. мн. [kŕépkyi] и kŕépkii, [tónkyi] и tónkii. Въ и. ед. ч. жен. р. я колебался: bъγátyi̯ä и -tъi̯ä; послѣ k, однако, имѣю лишь этимологически ожидаемое ъ (kŕépkъi̯a); въ р. д. м. -ъi̯, тв. -ъi̯u (bъγátъi̯, -tъi̯u) и -yi̯ (małóčnyi̯); въ сказкѣ отмѣченъ д. «γ-druγéi̯ śa-strý» къ другой сестрѣ; въ в. жен. р. нахожу «krásnyi̯u», колеблющееся съ -ъi̯u. И. В. средн. рода, какъ мы этого уже коснулись раньше, естественно совпадаетъ съ и. жен. рода; отмѣченные примѣры выказываютъ -ъi̯ä, иногда, впрочемъ, со склонностью къ -yi̯ä.

Къ окончаніямъ мягкихъ основъ ср. zďéšńi[i̯] здѣшній; р. напр. tŕéťiwa и tŕéťъwa; жен. р. zďéšńii̯ä; р. д. м.: «γ-zádńii̯ šästrý» къ послѣдней сестрѣ; мн. ч. zďéšńii.

— Сравнительная степень: bɛľéi̯ä bъγáča; послѣ š и ž я записывалъ -y, но часто на границѣ i (притомъ послѣ š нерѣдко безъ голоса, потому

труднѣе для опредѣленія): bólšy stáršy xúžy łútšy stróžy («i̯on stróžy i̯ t́ibé (-ḃá)» онъ строже тебя); однако при stróžy также «i̯on stróža», «iná stróža»; такъ тоже напр. łútša (въ медленномъ произношеніи, кажется, съ удлиненнымъ t: łút̄ša).

Числительныя.

ad́in adnó, adnavó и т. д.; adná adnói̯ adnú adnói̯u; adńí adńix (adńé для жен. рода — форма новая). Объ a- ср. въ 10.

dva, жен. р. dv́e, dvux dvum dvumá. t́ri t́rox t́rom t́rimá. čityŕi (и če-) -ŕox -ŕmá. — ṕät́ ṕɛt́i ṕɛt́mí. šėś šɛś[t́]i̯i šɛśmí (и šɛś[t́]i̯ú); o [t́] ср. § 3. śem śemí т. śemmí или śemi̯ú (съ m твердымъ?) vóśim (vóśem) vaśmí; т. я нашелъ только въ видѣ vaśmí («s-vaśmí mužukámi»). d́evit́ d́ɛvät́i d́ɛvit́i̯ú; подобно и d́ésit́.

Въ «одиннадцать» и сл. я слышалъ отчасти -dc-, ср. литер. -дц-; въ скоромъ произношеніи -tc-, съ ожидаемой потерей голоса въ d; тогда языкъ замыкается въ обыкновенное t, безъ взрыва сгибаетъ свой кончикъ для образованія «c», потомъ слѣдуетъ новый экспираторный толчокъ и взрывъ: ad́inъtcъt́ (n, не nn) dv́inátcъt́ и т. д. Но сочетаніе tc не обусловливаетъ твердаго примыканія къ предшествующему гласному (Очеркъ 217), столь же мало какъ и d̄ въ dvád̄cit́ двадцать.

sórъk pid́d́iśát šyzd́iśát... d́ivanóstъ. sto (s̄to, ср. замѣтку къ мѣстоименію s̄to); при склоненіи предпочитается sótńa. Тысяча: týššä.

dwói̯ä trói̯ä čétv́ira ṕát́ira šést́ira śémira wóśmira d́évit́ira d́éśit́ira; къ склоненію ср. dva[i̯]ix čitvarýx śimarýx и т. д.

ṕéŕvyi̯ u̯tarói̯ t́ŕét́ii̯ čɛtvórtyi̯ ṕátyi̯ šastói̯ (še-) śómyi̯ (śɛd́mói̯) vaśmói̯ d́ivátyi̯ и пр. Къ t́ŕét́ii̯ р. звучитъ t́ŕét́iva или -t́ъva, д. t́ŕét́imu, т. м. t́ŕét́im; и. жен. и сред. р. t́ŕét́ä, р. д. м. ж. р. t́ŕét́i[i̯].

sam drux, sam t́ŕét́ (t́ŕɛt́éi̯), sam čitvórt, sam ṕat, sam šost, sam śom; далѣе sam vaśmói̯ и т. д.

Глаголы.

Типы спряженія. Окончанія e'овыя, подъ удареніемъ: kładú -d́éš -d́ét́ -d́ém -d́ét́ä -dút́; въ сказкахъ при -éš употребляется -'óš, также у старыхъ людей, напр. id́óš t́ŕäśóš, возвр. t́ŕäśóššä трясешся; теперь заимствуется также цѣлый рядъ формъ съ o: id́óš id́ót id́óm id́ót́e.

Не подъ удареніемъ: śádu -d́iš -d́it́ -d́im -d́it́ä -dut́; ср. еще варіантъ при предшествующемъ š или ž: mažú mážyš (mázъt́ мазать), maγú móžyš и т. д.

Окончанія і'овыя, подъ удареніемъ: brańú -ńíš... brъńáť.

Не подъ удареніемъ: kašú (новѣе kašú кошу) kóśiš... kóśuť.

Въ 3 л. слышится также -t, повидимому же оно пока рѣже.

Развитіе прочихъ формъ и подробности отдѣльныхъ глаголовъ или категорій видны изъ слѣдующаго ниже матеріала. Упомянемъ здѣсь лишь нерѣдкую форму прош. времени на -mšy: ръха́mšy (пахать), ńεsómšy (нести); изъ окружающихъ говоровъ «na tút parabótъmši (i, sic) da výpiľi ṽincá»; ср. «my išótš» (-č?), т. е. шедши.

Отдѣльные глаголы. Раздѣленіе, какъ въ прежнихъ моихъ работахъ, слѣдуетъ «Handbuch» Лескина. По мѣрѣ надобности, формы приводятся въ такомъ порядкѣ: наст. время, повел. накл., прош. время, неопр. накл., прич. прош. страд. залога.

I. A. ńasú ńεśéš... ńasúť; ńεśí -íťä; ńos ńisłá ńisľí; ńéś или ńεś[ť]ji; ś-ńéśen ś-ńéśina -ny. — ṽazú вполнѣ такъ же; прич. u-ṽéźen -źina. — ṽädú ṽεďéš; ṽeďí (ṽäďí); ṽoł ṽiłá ṽεľí; ṽéś (ṽεśťí повид. ново); u-ṽéďen, -na. — ḿatú ḿεťéš; ḿeťí, ḿoł ḿεłá; ḿéś; pad-ḿéťen. — pľatú; pľeťí; pľoł pľiłá pľeľí; pľéś; -pľéťenъ. — bŕädú; bŕeďí; bŕoł bŕiłá bŕeľí; bŕéś. — γŕabú; γŕebí; γŕop γŕibłá γŕebľí; (для неопр. накл. я слышалъ только ръd-γŕibáť); pad-γŕébina. — jabú; jop jibłá и т. д., вполнѣ какъ γŕabú. — ръt-skŕabú; pat-skŕóp ръt-skŕibłá ръt-skŕebľí (ср. ръt-skŕibáť). — ṕakú ṕεḱéš; ṕeḱí; ṕok ṕekłá (и ṕäkłá, между тѣмъ какъ, по моимъ источникамъ, ожидаемое ṕikłá не употребляется); ṕéč; is-ṕéčεn. — ťiká ťεḱéť [ťikéť]; ťikłá ťäkľí (ťekľí); ťéč. — ḃiŕaγú ḃεŕεγéš... ḃiŕaγúť; ḃiŕεγí; ḃεŕóx ḃiŕiγłá; ḃéŕéč; первые два слога отчасти какъ будто склонны къ гармонизаціи гласныхъ; отчасти это можетъ объяснить отклоненія отъ общихъ правилъ для вокализма; но самое качество гласнаго мнѣ иногда не ясно, особенно передъ ударяемымъ e, ê. — śťiŕaγú; śťeŕóx śťiŕiγłá; śťéŕéč. — Ср. еще žγu žγeš; žγí; za-žóx zъ-žγłá za-žγľí; žéč.

ťrasú; ťros ťrisłá ťresľí; ťréś; ap-ťréśen, -śina. — pŕädú pŕeďéš pŕeďéť; pŕeďí; pŕał; pŕäś (и pŕeśť, также у старушки); ръ-pŕáďin. — zъ-pŕaγú -pŕe-γéš; za-pŕóx zъ-pŕiγłá; za-pŕéč. — śádu śáďiš; пов. я не нашелъ; śeł; śéś. — ľážu ľážyš; ńi ľaš -šťe; ľox ľiγłá ľäγľí; ľéč.

žmu žḿeš; žḿi; žał žáła или žmał žmáła; žäť. — žnu žńeš; žał. — mnu mńeš; ḿäť. — na-čnú; ná-čъł nъčъłá nъčäľí. — waźmú; waźḿí; uźał uźiłá uźäľi; uźäť. — Ср. еще kľänú kľeńéš; ńi kľäńí; kľał kľiłá kľeľí.

u-mrú; uḿór umirłá uḿεrľí; uḿéŕéť. — za-prú; za-ṕór za-ṕórła; zъ-ṕéŕéť. — tru; na-ťór na-ťórła; ťéŕéť.

tałkú tałḱéš; tałkí; tałók tъłkłá tałkľí; tałóč; is-tałóčen (-tałčón). —

pałzú; прош. ръ-pałós ръ-ръłzłá ръ-ръłzlí. — Поставимъ сюда еще vъłakú -kéš; vъłakí; vałók vъłъkłá vъłaklí; vałóč; iz-vałóčen.

rastú; ros rъsłá raslí; неопр. roś («ďéŕiwъ ńä xóčiť roś»). — maγú mó-žyš . . . móγuť или móžuť; ръ-maγí; mox mъγłá maγlí; pa-móč.

búdu búďiš; пов. мн. búťťe; (był byłá; byť).

jédu jéďiš; (pa-jéxъł; jéxъt). — śakú śeḱéš; śeḱí; śek śékła; śêč. — ľézu; lêś-ťä; pa-ľés -ľézła; ľêś.

kładú -ďéš; kładí; kłał kłálí; kłaś; ръ-kłáďina. — kradú, вполнѣ такъ же. — ръ-paďú, такъ же. — [paśú повидимому рѣдко; вм. него обыкновенно sťiŕäγú, см. выше].

žyvú; žyví; žył žyłá; žyť. — stŕiγú -γéš; stŕix stŕíγłъ; stŕič. — Ср. еще idú iďéš; idí; išół (новѣе šoł) išłá; idíť; въ связи предложенія «anýjšlí» и под.

γryzú; γryźí; γrys γrýzła; γryś; pa-γrýźin -ina. — Ср. płyvú (съ y склоннымъ къ ъ); płyť.

I. B. ƀarú; ƀεŕí (у старушки ƀaŕí); ƀrał; brať; u-brána. — ďarú, такъ же; прич. ad-drána или ató-drъna. — (γnať: γońú γóńiš и т. д., ср. лит. языкъ). — tku tḱeš; tḱi; tkał; tkať; vý-tkъn. — łγu łγať такъ же. — ржать: 3 л. ед. ч. aržêť; ńe-ržý; łóšъť ъržáła. — сосать: sasú; saśí; sъsáł; sъsáť.

žvú (жую) žvéš; žví; žvať.

II. Достаточно одного примѣра: tanú tóńiš и т. д.; ńä toń; tanúł; ta-núť. Къ прош. времени ср. źábnuť: a-źáp a-źábła; móknuť: pra-mók pra-mókła, и под.

III. 1. A. γŕêju -[j]iš; γŕeł; γŕêť. Такъ же śḿêju sḿêť. — pajú -jéš; пов. poj, старше ṕêj ṕéjťä; ṕeł; ṕêť; ср. соотвѣтствующій глаголъ въ Коб. — bŕíju; bŕêj; bŕiť; iz-bŕiť. — dúju duj («duχ», § 3); duť. — výju; vyj; vył; vyť. Такъ же mýju myť, krýju kryť, rýju ryť. — Изъ корней этого отдѣленія на -i явственную двуслоговую форму наст. времени выказываетъ γńijú и т. д.; z-γńił [1]); γńiť. Къ ṕiť я нашелъ соотвѣтствующій видъ наст. вр. ṕi[j]ú и т. д., но, повидимому, это рѣдкая форма, сохраняющаяся только у старшихъ; при томъ ṕju ṕješ. Въ прочихъ примѣрахъ, принадлежащихъ сюда, я слышалъ только однослоговыя формы (обыкновенно съ фрикативнымъ j): ƀju ƀješ; ƀêj; ƀiť. — ľju lješ; ľiť. — sa-v́jú (-v́ju); s-v́ił.

us-paŕú us-póŕiš; paŕół; paŕóť. [Ср. рѣдкое kałół, kałóť, отъ котораго наст. время, какъ будто, не въ употребленіи].

---

1) Я отмѣтилъ ďéŕivъ zγńiłá (sic, женскій р.), при младшемъ -łó.

III. 1. B, a. śéi̯u śé[i̯]iš, неопр. накл. śé[i̯]iť. Другое удареніе напр. въ bľii̯áť, блѣять: 3 мн. ч. bľei̯úť. — kui̯ú kui̯éš; kui̯; kъváľ; kъváť; is-kóvъn. (Ср. напр. tъrγúi̯u tъrγъváť III. 2. B). — kľui̯ú -i̯éš; kľiváľ; kľiváť. — pľui̯ú, такъ же. (Ср. напр. načúi̯u nъčiváť III. 2. B).

b. ťrepľú ťŕépiš; ťrεpí; ťripáť. — dŕεmú (новѣе dŕemľú) dŕémiš; dŕimáť. — sýpu (sýpľu) sýṕiš; sýpъť. — xramú xraḿéš; xrъmáť; употребительнѣе, повидимому, наст. вр. xrъmái̯u. — tapčú tópčiš; ńi tapčí; tъptáť. — pľačú; ńi pľač; pľákъť. — γъγačú γaγóčiš; γъγъtáť (хохотать). — šapčú šépčiš; šyptáť. — v́ažú v́ážyš; v́ažý; v́izáť (новѣе v́azáť). — mážu mážyš; maš; mázъť. — iššú íššyš; išší; iskáť.

III. 2. A. Достаточно пары примѣровъ: ďéľъi̯u -[i̯]iš, неопр. ďéľъť. — uḿéi̯u; uḿéľ; uḿéť.

B. Къ типу tъrγъváť, nъčiváť см. подъ III. 1. B.

IV. A. brańú brańíš . . . brъńáť; brańí; brańíľ; brańíť. Ср. далѣе напр. γъvaŕú γъvaŕíť; wučú wúčiš, wučíť. — Отмѣтимъ, что, вообще, въ 1 л. ед. ч. конечный согласный измѣненъ подъ вліяніемъ аналогіи со стороны прочихъ лицъ: γraźiť грозить: γraźú. kaśíť: kaśú (новѣе kašú) kóśiš. raďíť: raďú róďiš. buďíť: buďú búďiš. zъγъraďíť: -ďú (и -žú) zъγaróďiš. maľaťíť (я все слышалъ а въ первомъ слогѣ): maľaťú maľóťiš. Въ vaźíť возить при vaźú употребляется važú также у старыхъ.

IV. B. v́ižu v́íďiš; v́íďeľ; v́íďiť. Ср. γŕiḿéť: γrom γŕiḿíť, γŕiḿéľ. γaŕéť: dъmá γaŕáť (ждемъ гъ-). ľiťéť: ľiťíť ľiťáť, ľiťéľ. Далѣе v́irťéť, zv́ińéť, ťirṕéť; велѣть: [v́iľéť], обыкн. v́êľéť, форма заимствованная? — kŕičú, kŕičáľ, kŕičáť. — ďaržú ďéržyš ďéržyť и ďóržyť; ďaržáť (и ďer-). — stai̯ú . . . stъi̯áť; stъi̯áľ; stъi̯áť. Такъ же bai̯úś bъi̯átsъ.

Приведемъ здѣсь ḃaγú ḃεγíš . . . ḃiγáť (sic, не -γúť); ḃεγí; неопр. ḃêč.

V. dam daš daś daďím daďíťa dadúť; daľ; dať. — i̯em i̯eš i̯eś i̯eďím (i̯äďím) i̯eďíťä i̯iďáť (и i̯eďáť); i̯eľ.

II. Кобылье Спасское и Котово.

11. Оріентирующія замѣтки. «śäłó kabýlšyna, vółoś spáckъi̯a, kabýlśkъi̯a» лежитъ къ востоку отъ села Сильковичи, верстахъ въ тридцати на юго-западъ отъ Мосальска. Матеріалъ къ описанію говора я собралъ въ Мосальской тюрьмѣ, гдѣ находился мой источникъ γŕiγóŕɛi̯ ławŕénow aγ́éi̯ъw («ďet był aγ́éi̯»), человѣкъ 60-ти лѣтъ. Въ свое время, однако недолго, онъ былъ на работѣ около Одессы, но большею частью жилъ дома. Къ освѣщенію общей точки развитія его села, приведемъ съ его словъ, что женщины носятъ (1902) поневу, «u nas saraxwánъw ńétu, a déu̯ki zanaváski nóśuť» [1]).

Попытки заимствовать у моего источника сказки и связные разсказы не удавались; онъ иногда начиналъ отзываться, но скоро кончалъ, поговоркой или такъ, просто. Вотъ примѣръ: žył, znáčit, nъtcá (или «notcá», т. е. на отца), ańižáłśe, a sám uwatcý popáł, i xúžə stał. a sperwá ańižáłśe, a sam xúžə stał. tak wót i žená ańižáłъś na svákróu̯ľú što ńi tag-ďéłaiť, a sъmá u̯ svákróu̯ľi popáľъ, xúžə stáľъ — — — žýľi, γowoŕáť, ďadý — ńi vidáľi ḃädý, a my wýrъśľi unúki — i nobráľiś múki.

Другой примѣръ: wot máłyi̯, pai̯ďóm wołków łaviť; wot tut na i̯étъm méśťe postávim (pъ-?) kъrkány (kop-); kag búďiť tud ḃéč, i pъraďéť — — — pŕixótax? [2]) — pъľisám xaďiľi sъbákъmi, ońi bŕixáľi — a kraiámi xaďiľi s-ružiámi. kák aný výskačuť, a ix i-bi̯úť iz-ružéi̯ . . .

Эти отрывки, записанные для моей собственной оріентировки, могутъ служить таковою и здѣсь, отражая мои первыя попытки передачи, безъ поправокъ или стилизаціи. Изъ нихъ уже выясняются разныя характерныя

---

1) Ср. отвѣтъ на мой вопросъ при другомъ случаѣ: aďóžъ — połušúbъk i karatýš, źipún; (а у женщинъ) połušúbъk i źipún i pańówъ.

2) Т. е. при охотахъ.

черты — сходныя съ Ивонинскими или различныя отъ нихъ — о которыхъ будемъ говорить ниже. Но главный матеріалъ для разслѣдованія произношенія я долженъ былъ собрать другимъ путемъ: разспрашиваніемъ у моего источника болѣе или менѣе по вопросамъ «Программы» и углубляясь тамъ и сямъ въ морфологическія или звуковыя особенности. Поэтому, послѣ звукового обзора и замѣтокъ къ морфологіи, — то и другое, вообще, параллельно съ порядкомъ Ивонинскаго говора — естественно слѣдуетъ Приложеніе: замѣтки къ ряду вопросовъ первой части «Программы».

Важной примѣтой для опредѣленія Кобыльскаго говора по отношенію къ окружающимъ говорамъ служитъ исторія сочетанія согласнаго со слѣдующимъ «j». Какъ въ Ив., это сочетаніе сохраняется, не переходя въ долгій согласный: sudʼi̯á śvińi̯á druži̯á друзья myťi̯ó beľi̯ó źéľi̯a зелье и т. д. Однако, «ночью» отмѣчено какъ nóču̯ («nóčču»), будь это заимствованіемъ, начаткомъ перехода къ удлиненнымъ согласнымъ, или же (скорѣе) остаткомъ исчезающаго положенія дѣлъ (ср. § 21).

Какъ въ Ив., такъ, конечно, и въ Кобыльѣ, то и дѣло надо считаться съ несомнѣннымъ или возможнымъ вліяніемъ извнѣ. Достаточно намекнуть на такіе явственные морфологическіе случаи какъ aná при ina (она), u ńevó при i̯äγó (его), at i̯étъwъ при at i̯étъγъ, чтобы всякій видѣлъ, какъ необходимо, при разборѣ собраннаго матеріала, быть, въ этомъ отношеніи, на сторожѣ.

12. Къ темпу рѣчи, ударенію, долготнымъ и интонаціоннымъ отношеніямъ. Заключенія на основаніи наблюденій надъ однимъ лицомъ, конечно, требуютъ осторожности; однако, выведенныя ниже изъ произношенія Агеева общія черты не стоятъ особнякомъ, а напротивъ отражаютъ типъ произношенія, съ которымъ часто встрѣчаемся въ мѣстности описываемыхъ здѣсь говоровъ. Въ этомъ обстоятельствѣ имѣемъ достаточный контроль для правильности нашихъ наблюденій и право считаться съ ними, какъ съ не индивидуальными.

На основаніи общаго характера вокализма, его принципіальнаго сходства съ Ивонинскимъ, мы вправѣ заключить о прежнемъ, а можетъ быть объ еще отчасти существующемъ въ Кобыльѣ произношеніи, вродѣ стариннаго образа рѣчи въ Ив., т. е. болѣе «по слогамъ» (ср. Прогр., 79), съ болѣе медленнымъ темпомъ. Мой источникъ, при ускоренномъ, хотя и не особенно быстромъ темпѣ, уже сильно сокращалъ слоги, подобно тому какъ мы отмѣтили изъ новомоднаго произношенія въ Ив.; при томъ *также слогъ непосредственно передъ ударяемымъ выговаривался кратко*, по долготѣ

обыкновенно не отличаясь замѣтно для простого слуха отъ мѣры прочихъ неударяемыхъ слоговъ. Такая краткость отмѣчена не только для ъ, напр. γъsрЪ̆dá — черта, извѣстная намъ также изъ Ив. —, и для соотвѣтствующаго ему «передняго ирраціональнаго гласнаго» (i, ɛ), напр. ŝiŕĭbrá, но, повидимому, для всякаго рода гласныхъ, ср. напр. ŝiŕăbró. Такое сокращеніе для слога непосредственно передъ ударяемымъ проведено здѣсь и послѣдовательнѣе и яснѣе, чѣмъ что я отмѣтилъ изъ новомоднаго образа рѣчи въ Ив. Въ связь съ этимъ ставлю, повидимому, бо́льшую, чѣмъ въ Ив., въ этомъ говорѣ склонность къ полной редукціи гласнаго элемента даннаго слога (нерѣдкій переходъ ы > ъ, иные случаи i, ɛ передъ ударяемымъ е). Хотя слогъ непосредственно передъ ударяемымъ, при описываемомъ типѣ произношенія, пожалуй, также склоненъ выступать немного яснѣе прочихъ предударныхъ слоговъ [1]), но по долготѣ онъ, вообще, сливается съ прочими неударяемыми слогами; обозначая Ив. ŝiŕäbró, въ старомодномъ произношеніи, какъ ˘ ¯ ´, мы получаемъ, по произношенію Агéева, явственное ˘ ˘ ´. Какъ увидимъ ниже, слогъ непосредственно передъ ударяемымъ, въ интонаціонномъ отношеніи, отличается также менѣе, чѣмъ въ Ив., ясно и менѣе послѣдовательно отъ прочихъ предударныхъ. Онъ сливается съ прочими неударяемыми слогами (къ исключеніямъ ср. ниже) въ одну общую группу вполнѣ «слабовѣсныхъ» слоговъ уже принципіально.

Такое соображеніе не мѣшаетъ, понятно, указанію отстепеней для неударяемыхъ слоговъ; какъ въ Ив., можно отмѣтить второстепенныя различія въ экспираторной силѣ, обыкновенно связанныя со слабыми различіями и въ долготѣ. Въ произношеніи спокойномъ, безъ аффекта или особаго логическаго выдвиженія, слогъ непосредственно послѣ ударяемаго принадлежитъ, вообще, къ самымъ слабымъ, по крайней мѣрѣ, если онъ не оканчиваетъ слова (предложенія); эта черта намъ извѣстна изъ Ив.; очевидно, экспираторная волна, свойственная главному ударенію, не распространяетъ свое дѣйствіе замѣтнымъ образомъ на слогъ послѣударный, даже при такой краткости и слабости слога непосредственно передъ ударяемымъ, какую я описалъ для произношенія Агеева. — Ясную параллель съ Ив. имѣемъ далѣе въ развитіи побочнаго ударенія послѣ главнаго; наблюденія изъ Ив. (§ 2) можно изъ кобыльскаго матеріала подтвердить и освѣтить. Побочное удареніе, повидимому, можетъ имѣть отчасти ритмическую основу; такъ

---

1) Участвуя въ экспираторной волнѣ ударяемаго слога? Ср. соображенія въ «Очеркѣ» 239 сл., особенно 245.

напр. въ ˈŕêčka ˈmaĺińˌkiḁ [1]), и нерѣдко, можетъ быть, также въ случаяхъ какъ ˈpo-źiˌḿe по зимѣ, at-ˈwośiˌńi отъ осени, straˈźêńiˌḁ̈ сраженіе, smaˈro-d́iˌna смородина (безъ побочнаго ударенія: smaˈrod́inъ), ˈnad́ъbˌno надобно и мн. др., гдѣ побочное удареніе отдѣлено отъ главнаго вполнѣ слабовѣснымъ слогомъ. Но что такое сильно развитое побочное удареніе основывается главнымъ образомъ не на ритмическомъ принципѣ, а составляетъ чаще всего не часть «ударенія слова», но черту «ударенія предложенія», служащую логикѣ и чувствомъ, — это явствуетъ изъ мѣстоположенія побочнаго ударенія; оно, повидимому, припадлежитъ почти безъ исключеній послѣднему слогу слова, хотя бы этотъ слѣдовалъ непосредственно послѣ ударяемаго, и, какъ въ Ив., такъ и въ Коб. выступаетъ особенно ярко въ открытомъ конечномъ слогѣ. Добавимъ къ выше приведеннымъ еще нѣсколько примѣровъ: uˈmyi̯uˌca умоются (а безъ побочнаго ударенія напр. ut́iˈrai̯uca̯, съ безголоснымъ -a, см. ниже), ˈśvetłъˌi̯a ˈńobъ свѣтлое небо, b́iˈŕozyńˌkä, baĺˈšoi̯ ˈi̯armъˌnъk (ярмарка), ˈmamuńkä ˈdobŕińkiˌi̯ä, ˈpoxъrъˌny̯, ˈzaγъv́iˌny, za ˈi̯aγъdъˌḿi, ˈb́orny ˈtołstyˌi бревна толстыя, ˈwośiń xaˈrošъˌi̯a осень хорошая, dъ-ˈzawtŕiˌγa до завтра, aˈnaxiwˌna анаѳема, ˈpoṕiˌŕek поперекъ, ˈna-stъrъˌnu, xaĺˈstina ˈb́ełъˌi̯a, sъˈrowъˌi̯a; непосредственно послѣ ударяемаго слога: d́iśeˈt́iˌna десятина, vaˈroˌny, za vaˈdoˌi̯ü ˈγałˌki, ŕiˈka bαĺˈšaˌi̯a; i̯on ˈb́etstvъˌi̯iť (b́est-) онъ бѣдствуетъ, paˈḿêˌŕim, ˈd́êˌv́êŕ, γŕiˈγoˌŕêi̯. Что такое побочное удареніе служитъ для извѣстнаго рода эмфатическаго выдвиженія (ср. въ § 2, что оно какъ будто «связано съ стилемъ сказки»), заключаю, между прочимъ, прямо изъ того, напр., что въ какомъ-нибудь «ŕiká bαĺšái̯a!» (ср. выше), съ побочнымъ удареніемъ и, слѣдовательно, также съ удлиненіемъ слога -i̯a, -a удлиняется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ съ бо̂льшимъ «чувствомъ» и убѣжденіемъ высказывается выраженіе. Такое удлиненіе побочно-ударяемаго гласнаго можетъ держаться даже при потерѣ голосности во всемъ концѣ слова (ниже); напр., я отмѣтилъ «at-ˈwośi̯ˌńi̯». Что все явленіе можетъ имѣть притомъ извѣстную связь съ моментами морфологіи, я уже намекнулъ въ § 2.

Въ *интонаціи* находимъ въ большомъ объемѣ особенность, извѣстную намъ изъ Ив. съ окружающими говорами: удареніе на первомъ слогѣ бываетъ, въ типичномъ развитіи, высокотоннымъ съ нисходящимъ движеніемъ: «stôĺp» «tôĺššə» «žôn» жонъ «ḿê̂ś» мести «ńê̂ś» нести и т. д.; главная экспираторная сила принадлежитъ первой части гласнаго, который склоняется иногда къ распаденію на двѣ части, одну высокую и одну низкую — какъ

---

1) ˈ передъ главноударяемымъ, ˌ передъ побочно ударяемымъ слогомъ.

бы початокъ двуглаваго, «прерывистаго» ударенія, къ чему вернемся ниже. Если же удареніе лежитъ не на первомъ слогѣ, то самый высокій (повышающійся) тонъ принадлежитъ слогу передъ ударяемымъ, а самый ударяемый выговаривается на интервалъ ниже (склоняясь нерѣдко къ повышенію въ своемъ концѣ); ср. типы какъ žańíx: ˘ ˗́, ńivésta: ˘ ˗́ ˘, na póγŕiḃä: ˘ ˗́ ˘ ˘, poĺävój̯: ˘ ˘ ˗́, и т. д. Совсѣмъ ясно можно это слышать и въ связной рѣчи, напр. wot ńéś čižałó (вотъ нести тяжело); но, какъ въ Ив., и
˘ ˂ ˘ ˘ ˗́
какъ всюду, интонація предложенія легко изглаживаетъ или даже измѣняетъ собственную «интонацію слова», передѣлывая, въ зависимости отъ смысла и положенія, интонацію напр. «u botraḱí» (въ батраки) отъ ˘ ˘ ¯ ˗́ въ ˘ ˘ ˘ ˊ. Разница отъ Ив. замѣчается въ томъ, что въ Коб., судя по произношенію Агеева, интервалъ отъ высокотоннаго предударнаго къ низкотонному ударному слогу вообще меньше; а такъ какъ слогъ предударный, какъ мы видѣли, здѣсь вообще кратокъ, то перевѣсъ ударяемаго слога также при старомодной интонаціи выступаетъ ярче, чѣмъ отчасти въ Ив. (см. § 2).

Что интонаціонныя движенія слова въ Кобыльѣ, судя по Агееву, какъ будто, не такъ типично и правильно развиты (сохранены?), какъ въ старомодномъ произношеніи Ив., можетъ зависѣть отъ болѣе сильнаго вліянія извнѣ, и притомъ можетъ быть индивидуально. Но отмѣчена притомъ изъ Кобыльскаго произношенія особая интонаціонная черта, заслуживающая вниманія: высокій падающій тонъ ˆ встрѣчается нерѣдко и въ слогѣ неначальномъ; я слышалъ не только «tôĺššə» и под., но иногда также случаи какъ «spałôs» сползъ, «u kaznû» въ казну. Въ старомодномъ произношеніи Ив., по моимъ наблюденіямъ такіе примѣры весьма рѣдки и, повидимому, придаютъ выраженію извѣстный смыслъ (кажется, болѣе или менѣе рѣшительное подтвержденіе); этому соотвѣтствуетъ, можетъ быть, смыслъ большинства подобныхъ случаевъ въ Кобыльѣ; но есть и такіе случаи, гдѣ употребленіе ˆ не зависитъ отъ смысла, отъ «интонаціи предложенія»; у Агеева я отмѣтилъ, какъ оно связалось съ извѣстной грамматической категоріей, съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ извѣстнаго типа глаголовъ; отмѣчено не только «γŕêś» грести «ḿêś» мести «γńêś» гнести «ťêč» (-ś) течь и под., но тоже двуслоговыя «uḃêč» убѣжать «ḃéŕêś» беречь «sťéŕêś» стеречь (также въ связи предложенія, напр. «ńe uḿé[i̯]iť sťêŕêś»). — Не имѣю матеріала для дальнѣйшаго разслѣдованія этой любопытной черты, съ которой будемъ встрѣчаться также въ другихъ говорахъ. Очевидно, она представляетъ собой соединеніе нисходящаго интонаціоннаго

движенія, распредѣляемаго чаще на два слога (˘ ˊ), въ одномъ ударяемомъ; но какое отношеніе старше, и подъ какими условіями, и въ какомъ объемѣ возмѣщается ˘ ˊ типомъ ^ (въ неначальномъ слогѣ), я не могу сказать. Разслѣдованія въ этой области — прекрасная задача для русскихъ лингвистовъ.

Но стоитъ еще разъ вернуться къ самому характеру «ударенія ^». Какъ уже сказано, экспираторная сила больше въ первой, высокотонной части гласнаго. Спускъ съ этого «верха» гласнаго происходитъ болѣе или менѣе рѣзко, круто, въ зависимости отъ характера выраженія. Въ спокойномъ, сообщающемъ выраженіи спускъ идетъ довольно ровно, при меньшемъ тонномъ интервалѣ. Особенно крутой спускъ наблюдается, напр., въ рѣзкомъ подтвержденіи [1]). А при такомъ крутомъ спускѣ я весьма часто замѣчалъ около конца гласнаго явственное смыканіе голосовыхъ связокъ, болѣе или менѣе совершенное закрытіе голосовой щели. Обыкновенно, гласный этимъ крѣпкимъ отступомъ (Очеркъ 158 сл.) и оканчивался: «ńê'ś» нести, «sťêŕê'ś» (ср. выше), «mnó'γъ» много, «ḿé'ł̥k̥ъ̥!» мелко, и под.; иногда же голосовая щель опять отворялась, давая голосу послѣ перерыва снова зазвучать — или еще въ самомъ гласномъ, или же въ слѣдующемъ звонкомъ согласномъ: «by'ˁł» былъ, «spałó'ˁs!» сползъ [2]). Какъ сказано, такое развитіе ^ свойственно чаще всего эмфатическимъ выраженіямъ (рѣзкому подтвержденію и под.); при спокойномъ sъmá съ тихимъ отступомъ стоитъ рѣзкое «sъmá'!», и такъ часто въ концѣ слова: ńeśí и «ńeśí'!», «γłubakó'», «tanú'» тону; а иногда также въ слогахъ неначальныхъ внутри слова: «гъstá'ˁj̥ъ̥ł̥ śńex!» растаялъ снѣгъ, «targú'j̥i̥ť» (и даже -ú'χi̥ť) торгуетъ. — Хотя бы столь сильное развитіе этой черты у Агеева было нѣсколько индивидуальнымъ, я считая не лишнимъ указать на свои наблюденія; онѣ могутъ имѣть хоть принципіальную цѣну въ разслѣдованіи русскаго произношенія.

Изъ приведенныхъ примѣровъ иные показываютъ, что крутой спускъ интонаціи и внезапный перерывъ голоса въ «ударенiи ^» благопріятствуетъ развитію безголосныхъ звуковъ на мѣстѣ собственно звонкихъ въ большей или меньшей части конца слова, и это не только при положеніи слова въ концѣ предложенія. Такое произношеніе конца слова, впрочемъ, сильно раз-

---

1) Черта, замѣтная также въ московской рѣчи — ср. хоть рѣзко отказывающее «нѣтъ!» съ нисходящей интонаціей, — особенно ярко у дамъ?

2) Спорадическія, но прекрасныя, типично развитыя иллюстраціи къ извѣстному датскому «Stödtone».

вито у Агеева, при разныхъ условіяхъ, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: šiľkóvičị Сильковичи, u rabótńikị, pavýšə; ńi-pášyť не пашетъ; vóľoś kabýľskъịa, «ịetъ vot tudý, k-spásu g-ďéḿinskъmu»; даже при предшествующемъ звонкомъ звукѣ, напр. vóľoś spáckъịa, и подъ удареніемъ (особенно ú и í), напр. «u botrakị» въ ботраки (при интонаціи ˘ ˘ ˘ -, ср. выше). О случаѣ at wóšịńị сказано выше. Вѣроятно, что эта склонность развилась у Агеева сильнѣе обыкновеннаго; принципіально же она согласуется съ наблюденіями надъ прочими говорами, ср. напр. въ Ив.

13. Къ консонантизму. Всѣ принципіальныя черты совпадаютъ съ Ив. (§§ 3, 4); къ разнымъ подробностямъ ср. приложеніе, § 19; упомянемъ здѣсь слѣдующія особенности.

č часто развивается въ š̌ (p̌êš̌ при p̌êč и мн. др.). — Разстояніе š ž отъ š̌ ž̌ не очень велико; это можетъ объяснить нѣкоторыя колебанія въ моихъ наблюденіяхъ, какъ paďóńšyk при -šik; ср. передъ ń vaľéž̌ńik, ръ-p̌ŕéž̌ńimu, но rušńik ручникъ; подробнѣе въ Прил.

Нѣтъ границы между ị и j (часто ясно фрикативнымъ); считаю лучшимъ остаться при обозначеніи ị. [ị] имѣетъ то же значеніе какъ въ Ив.: въ скорой рѣчи особой артикуляціи «ị» не замѣтно, въ медленномъ, отчетливомъ произношеніи оно выступаетъ, доказывая такимъ образомъ свое существованіе; въ положеніи какъ напр. máľεńki[ị] вмѣсто особой артикуляціи ị замѣчается удлиненіе гласнаго i. — О мѣнѣ ịi- : i- см. Прил. подъ вопр. 66. На прежнее, уже исчезнувшее ị- указываютъ формы ḿêť, mať (имѣть, имать). Встрѣчается иногда ị-, составляющее дифтонгъ съ предшествующимъ гласнымъ; но при предшествующемъ согласномъ я слышалъ лишь полное i-, не редуцированное «i̥»; иначе съ u въ началѣ слова, о чемъ ниже.

Вопросъ о твердомъ примыканіи согласныхъ къ предшествующему гласному (Очеркъ 217) ставитъ наблюдателя въ тѣже затрудненія, что въ Ив. Вообще же твердаго примыканія вродѣ извѣстнаго изъ германскихъ языковъ я не слыхалъ. Даже въ a такой формы какъ kъbát͡šik — или лучше, пожалуй, -tčik — я отмѣтилъ несомнѣнное убавленіе силы передъ примыканіемъ t, т. е. примыканіе нетвердое. Въ связи съ этимъ свойствомъ произношенія стоитъ, очевидно, мое колебаніе относительно произношенія т + с въ возвратныхъ формахъ (неопр. накл., 3 л. ед. и мн. ч.; въ обоихъ случаяхъ палатализація исчезаетъ); предпочитая сначала ts (ba[ị]ítsa, uťiráịutsa и под.), я потомъ все больше склонялся къ с (ďéľaicȧ дѣлается и под.); къ послѣднему ср. напр. p̌äcážen (-žón) пять саженъ. Относительно формъ сравнительной степени укажу на морфологію. Въ числительныхъ я отмѣтилъ то tc

(adĭinnъtcàt́), то dc, ds (t́rinádcàt́, dv́inádsъt́) — а это не подъ вліяніемъ привычки, но по несомнѣнному произношенію источника, встрѣчающемуся и въ прочихъ описываемыхъ говорахъ. Выборъ tc или ts, tč или tš́ зависитъ, конечно, отъ того, гдѣ по слуху начинается экспираторный толчокъ слѣдующаго слога. Описываемый говоръ несомнѣнно дѣлаетъ разницу во многихъ случаяхъ между č и tč (ср. напр. wóčiń очень, но pótčivъt́, atčäwó и др); но какъ сказано, разница не сказывается въ томъ, что tč примыкаетъ твердо къ предшествующему гласному, въ противоположность къ č. Лишь въ единичныхъ случаяхъ я слышалъ что-то напоминающее германское твердое примыканіе, напр. въ сочетаніи -éńń- слова mašéńńik.

Вмѣсто -śt́ имѣемъ, какъ въ Ив., правильно -ś: šêś daś i̯êś (ѣсть и есть) vóɫoś; i̯êst́ (есть) можетъ быть заимствованіемъ [1]). Внутри слова t́ теряется лишь спорадически; укажу на xŕiś[t́]i̯äńíń въ морф. — И -st теряетъ повидимому правильно t: ṕät́ v́ors (но v́ɛrstá), Р. мн. ч. γńos (И. γńózdy гнѣзда), zv́os (zv́ózdy звѣзды); однако xoɫst.

Отношеніе v : w : u̯ во многомъ согласуется съ Ив., см. § 4; но ясное губно-зубное v встрѣчается очень часто. Я получилъ впечатлѣніе, будто употребленіе v расширяется за счетъ w; категорическаго разграниченія нѣтъ, можно слышать то и другое въ томъ же словѣ (žvat́ и žwat́ жевать); v особенно легко замѣщаетъ w въ началѣ слова; зато я вообще не замѣчалъ v послѣ гласнаго того же слога, гдѣ w колеблется съ явнымъ u̯: kŕäžóu̯ńik крыжовникъ, ĺeu̯ левъ — Р. iɫv́á —, γaɫóu̯ka (но γoɫowá или -vá), dvaŕóu̯ или -ow дворовъ, и т. д. Къ употребленію v, т. е. губно-зубной артикуляціи, особенно располагаетъ смягченіе: sv́ókъr, ńiv́êska невѣстка и под.; то же самое замѣчается въ Ив.; оно зависитъ, можетъ быть, отъ того, что v — удобнѣе для палатализаціи, потому что языкъ въ немъ болѣе свободенъ въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ при w; а именно, w склоняется прибавить къ своей билабіальной артикуляціи еще артикуляцію гласнаго u; въ w, какъ въ u̯, смягченіе — насколько оно развивается до осязательной степени — выражается лишь въ слабой перемѣнѣ положенія языка, по направленію къ ü, ü; поэтому, какъ между w и u̯, такъ также между ẃ и «мягкимъ u̯», т. е. ü̯ («ďiŕêẃńä»: «ďiŕêü̯ńä»), нѣтъ настоящей границы. Указанная перемѣна въ артикуляціи языка, хотя и «смягчаетъ» w, т. е. повышаетъ его собственный звукъ, но мало замѣтнымъ образомъ; разстояніе w : ẃ становится малень-

1) Форма i̯oś въ этомъ говорѣ повидимому не употребляется.

кимъ, легко теряется для слуха. Иначе w (v): v́; оно гораздо ярче выражаетъ принципіальную разницу мягкихъ оттѣнковъ отъ твердыхъ.

Неслоговое u̯ какъ побочный слогъ въ началѣ слова встрѣчается часто (Очеркъ 206). При woš р. мн. u̯šei̯[1]), далѣе напр. u̯śiγdá всегда, u̯ćeráśńi[i̯], u̯-ďamú въ домѣ, u̯-naćí въ ночи. Не въ связи съ предшествующимъ гласнымъ такое u̯ звучитъ какъ краткое, редуцированное, иногда безголосное u (ср. u̥-, [u̥]- въ прежнихъ моихъ описаніяхъ); однако, оно не разграничено отъ u- полнаго образованія, слогового, ср. формы какъ ućóгa, ućiráśä вчерась, udъvá, utóŕńik (u̯-), unúk, uśó, u-ratú во рту и под. — вполнѣ какъ напр. udáŕiľ ударилъ. На основаніи такого колебанія появились дальше формы какъ uẃizďé (uẃêzďé) вездѣ, wu-ratú (ср. выше u-ratú), u-wou̯śéi̯ ďiŕéu̯ńi во всей деревнѣ, u-wou̯śéx у всѣхъ (ср. u wadnóm dóḿä, u wastróγ́ä, uwai̯dić войти — но ušĺí). О приставкѣ v-, w- передъ o, u ср. еще Прил., подъ вопр. 97.

14. Къ вокализму. Гласные оттѣнки соотвѣтствуютъ Ивонинскимъ. Стоитъ отмѣтить, что звукъ ê встрѣчается по произношенію Агеева чаще, чѣмъ въ Ив. Объ é особаго происхожденія въ извѣстныхъ ударяемыхъ мѣстоименныхъ окончаніяхъ скажу въ 15; но ê не ограничивается положеніемъ въ ударяемомъ слогѣ; ср. примѣры какъ sónce ṕêḱêť, i̯ív́êń иней, γŕéb́êń, kóŕêń, káḿêń, ďév́êŕ (и ďév́εŕ? ср. Р. ďév́iŕa); вернемся къ этой особенности ниже. — Къ оттѣнкамъ ä ü ü ö достаточно привести нѣсколько примѣровъ: śäľó село, xv́éďä Өедя, ṕäť, γovoŕäť, śädńi сегодня, moi̯á žená dŕäń (дрянь); nóśüť носятъ, ńä-pĺüi̯ не плюй, pĺüi̯ú, kŕüćók; объ u̯ ср. въ 13; ö рѣдко, оно напр. въ śiľḱóv́ići звучало скорѣе какъ гласный низкаго, а не средняго образованія (ср. прибл. нѣм. ö въ hören). Какъ видно, условія появленія этихъ оттѣнковъ соотвѣтствуетъ Ив., и какъ тамъ нужно говорить не о «правилѣ», но лишь о «склонности»; при ü въ одномъ случаѣ, какое-нибудь popłaťúś поплачусь въ другомъ случаѣ выговаривается съ заднимъ u. Движеніе a > ä продолжается и въ Коб. весьма часто въ e (открытое); при smiĺéi̯ä говорятъ -i̯e, смѣлѣе, при razďäĺiĺiś ďeĺíca дѣлится и т. д. Такое колебаніе, вмѣстѣ съ переходомъ e въ ê (ср. напр. ṕäkĺó пекло, но ṕêḱêť печетъ), иногда затрудняетъ опредѣленіе вокализма съ исторической точки зрѣнія, о чемъ скажемъ ниже.

---

1) Поражаетъ открытое e.

Въ вопросѣ о напряженности гласныхъ наблюденія надъ моимъ источникомъ подтверждаютъ для Кобыльскаго говора общія мои заключенія изъ Ивонинскаго говора: относительная ясность, вычеканенность, а съ тѣмъ и степень напряженія стоитъ въ прямой связи съ относительнымъ вѣсомъ слога, т. е. вообще съ удареніемъ. Въ v̇íďiľa видѣла можно обозначить ударяемое i какъ «î», напряженное, сравнительно съ ненапряженнымъ «i» второго слога; въ ńi-v̇idáľi оба предударныя i отмѣчены какъ тождественныя, ненапряженныя, а послѣударное какъ, пожалуй, еще болѣе ослабленное; «î́» въ i̯ízdaľi соотвѣтствуетъ «i» въ izdaľá (издали); у въ γгур грибъ — типичное напряженное у («ŷ»), корневое у въ γгуḃý грибы — ненапряженное образованіе, ослабленное иногда замѣтно по направленію къ ъ; подобная разница замѣтна между двумя u слова tuľúp (при toľúp), — и т. д. Найдя въ вин. mukú, что и неударяемое и ударяемое u оба ненапряженныя, мы должны припомнить, что ударяемые гласные, по крайней мѣрѣ u и i, въ открытомъ концѣ слова склонны къ болѣе открытому произношенію; я указалъ на это для Ив. въ § 6, а въ свое время также для образованнаго русскаго (московскаго) произношенія; это одно изъ тѣхъ явленій, которыя перекрещиваютъ и иногда затемняютъ указанный общій принципъ въ степени напряженія гласныхъ, и которыя ждутъ еще подробнаго изслѣдованія.

15. Оттѣнки гласнаго ъ; его отношеніе къ у; начатки новаго «оканія». Относительно понятія ъ, его отношенія къ у и категорій, собранныхъ подъ нимъ оттѣнковъ, укажу на § 7. Въ Кобыльѣ, какъ въ Ив., предшествующій зубной звукъ вообще располагаетъ къ болѣе передней артикуляціи ъ, предшествующій велярный, а еще болѣе губной, къ болѣе задней артикуляціи его. Въ первомъ случаѣ (по крайней мѣрѣ въ положеніи не передъ губнымъ) можно опредѣлить ъ, хотя и принадлежащимъ еще къ заднему ряду, но уже съ высокимъ и переднимъ оттѣнкомъ, на границѣ средняго ряда; во второмъ случаѣ оно уходитъ взадъ и внизъ, принимая среднее положеніе задняго ряда (ср. артикуляцію языка при а и о), особенно ярко послѣ губныхъ. Въ первомъ случаѣ (напр. sъxá, nъkaśíľi накосили, sṫъrъná, zadvórъk, žaľúdъk, púzъ и под.) ъ поэтому роднится съ «ы»; но наблюдаются однако случаи (чаще послѣ ударенія, въ связи съ морфологическими явленіями?), гдѣ оттѣнокъ приближается къ а («α»), напр. kaľénα колѣно; вообще же склонность къ нѣсколько болѣе переднимъ оттѣнкамъ послѣ зубного несомнѣнна и ясна.

Къ болѣе переднему образованію ъ склоняется далѣе подъ вліяніемъ слѣдующаго «мягкаго» звука, считая сюда и i̯. Особенно сильно такое влія-

ніе сказывается, понятно, если ъ имѣетъ притомъ передъ собой звукъ зубной. Случаи какъ raḃótъḭu, dv́inádsъt́ произносятся отчасти со столь переднимъ «ъ», что перо невольно склоняется писать «raḃótyḭu», «dvinádsyt́»; при ṕérvъḭ (Д. Р. первой) соотвѣтствующее «тѣсной» могло звучать скорѣе «t́ésnyḭ», dъḭát́ доятъ скорѣе какъ «dyḭát́» и т. д. Это согласуется съ тѣмъ, что мы нашли въ Ив.; можно даже привести тождественные, типичные примѣры вродѣ «ná-nyč» (т. е. ná-nъč на ночь), «dyčká» (dъčká дочка).

Вполнѣ параллельное движеніе мы отмѣтили для Ив. въ гласномъ у (§ 7). Соображаясь съ этимъ наблюденіемъ, подтверждающимся и въ Кобыльѣ, мы вправѣ спросить, не считать ли результатомъ этого движенія то ê — напряженный гласный передняго ряда, высоты средней — которое видимъ въ Коб. на мѣстѣ ожидаемаго у въ извѣстныхъ мѣстоименныхъ и прилагательныхъ формахъ, р. жен. р. ед. ч. têḭ, и. мн. t́êḭä (при t́ýḭä), at xudêḭ žańé отъ худой жены, moładêḭ, kasêḭ и под., ḃaĺńêḭe žóny больныя жоны и т. д. Я знаю, что попытка объясненія такихъ формъ звуковымъ путемъ на почвѣ самаго Кобыльскаго говора рискована; однако, не можетъ не поражать, что такія формы (ср. морф.) найдены мною у Агеева лишь при условіи предшествующаго зубного и слѣдующаго мягкаго звука; это какъ разъ то положеніе, которое сильнѣе другихъ способствуетъ переходу у въ рядъ передній (ср. хоть бы произношеніе «тысяча», § 7); развитіе же гласнаго «напряженнаго» можно объяснить себѣ на основаніи соображеній о напряженіи въ 14, передъ слогомъ ударяемымъ, гдѣ гласный оттѣнокъ «ê» имѣется въ готовомъ видѣ на другомъ этимологическомъ основаніи и могъ бы абсорбировать оттѣнки, приближающіеся къ нему артикуляторно и акустически. Какъ сказано, такая попытка объясненія рискована; проще, повидимому, объяснить эти формы заимствованіемъ (ср. «худэй» и под. въ бѣлорусскомъ). Однако, къ приведенному звуковому ограниченію этихъ формъ въ Кобыльскомъ говорѣ (предполагаю, что оно не только индивидуально), присоединяется еще и другое обстоятельство, а именно наблюдаемыя мною иногда переходныя, колеблющіяся произношенія: въ какомъ-нибудь «лляной нитки нѣтъ» я слышалъ то aĺĺanýḭ (ńítḱi ńétu), то скорѣе -ńéḭ, то -ńêḭ — съ впечатлѣніемъ, что гласный какъ будто находится въ переходномъ состояніи отъ «у» въ «ê». Стóитъ хоть по этому обсуждать мои соображенія; если даже предположить заимствованіе, то звуковое развитіе самаго говора могло бы содѣйствовать появленію новыхъ формъ и ограничить его.

Возвращаемся къ ъ. Какъ сказано, послѣ велярныхъ, и еще отчетливѣе послѣ губныхъ согласныхъ (особенно, конечно, если нѣтъ мягкаго звука послѣ ъ), оно склоняется къ болѣе задней артикуляціи; добавимъ однако:

безъ яснаго, категорическаго разграниченія отъ оттѣнковъ послѣ зубныхъ. Такіе задніе оттѣнки ъ, по артикуляціи языка уже принадлежащіе или же близкіе къ области образованія о, получаютъ въ Кобыльѣ добавочную артикуляцію въ широкомъ объемѣ: округленіе губъ. Сужу по произношенію Агеева; можетъ быть, что данная черта особенно развита у него и въ такомъ сильномъ развитіи нѣсколько индивидуальна; вообще же это не индивидуальное явленіе, оно встрѣчается и въ другихъ говорахъ этихъ мѣстностей. Результатомъ является то переходный звукъ между ъ и о (который оставляю при знакѣ ъ), то полное о, совпадающее съ этимологическимъ о и потому, конечно, передаваемое этимъ же знакомъ. На такомъ основаніи развилось новаго рода «оканіе», примѣры котораго встрѣчаются то и дѣло въ моемъ описаніи. Легко видно, что это явленіе не обставлено опредѣленными границами; напротивъ, можно слышать напр. и vorotá и vъrъtá и vorъtá (ворота) и вообще сильнѣйшую смѣсь (см. далѣе въ § 17). А такъ какъ кромѣ того этимологическое «ъ», какъ уже выше сказано, можетъ приближаться къ а («α»), далѣе нерѣдко (хотя и отчасти не собственно по звуковымъ причинамъ) замѣщается чистымъ а — напр. aŕexī орѣхи, xaɫadnó вм. хъ-, то всѣмъ будетъ ясно, какъ сильно и такъ сказать произвольно расходится нынѣшній строй и составъ говора въ данной области вокализма съ предполагаемой этимологической точкой отправленія: на мѣстѣ одной этимологической величины «ъ» мы должны считаться съ цѣлымъ рядомъ гласныхъ: (у) — ъ — о — α и а, не говоря уже о спорадическихъ переходахъ еще въ другіе гласные (напр. durukà вм. *durъká) и о расширеніи области «ъ» внѣ собственныхъ границъ (ср. напр. развитіе ы въ случаѣ какъ ńiƅoɫá не была). О всемъ этомъ подробнѣе въ § 17.

16. Къ палатализаціи и лабіо-веляризаціи. Исключая существованіе твердыхъ зубныхъ передъ ê въ формахъ têį, moɫadê̦į, ƅaɫ́êįe и под. (15), мы не замѣчаемъ принципіальныхъ отклоненій отъ Ив. въ явленіяхъ палатализаціи. Кобыльское произношеніе ясно подтверждаетъ выставленное въ 8 соображеніе, что палатализація проявляется въ сильнѣйшей степени въ ударяемыхъ, чѣмъ въ неударяемыхъ слогахъ — въ связи съ общей большею артикуляціонной энергіей ударяемаго слога. Можно, какъ для Ив., считать степень палатализаціи въ ударяемыхъ слогахъ «ê̓овой», лишь изрѣдка еще высшей (особенно при ś, ź?), а въ неударяемыхъ слогахъ скорѣе «е̓овой»; ср. соображенія въ § 8.

Слѣдовъ «дзеканія» я не замѣчалъ и въ Кобыльѣ; переходные звуки передъ мягкими согласными и послѣ нихъ, вообще, не отличаются сильно, напр.,

отъ московскаго произношенія. Колебаніе замѣчаю въ своемъ матеріалѣ относительно i̯ послѣ согласнаго; вообще оно сохраняется ясно: za róži̯u, družjám̓i и мн. др.; но есть случаи абсорпціи i̯ предшествующимъ сонорнымъ согласнымь, напр. при sv̓íńi̯á, -ńi̯u также sv̓íńu; по моимъ наблюденіямъ, обратно переходный звукъ послѣ мягкаго согласнаго можетъ развиться въ полное i̯: хъźi̯ái̯kä, и даже, съ перемѣщеніемъ верха слога: «žańi̯e», при žańé женѣ.

Особенности въ палатализаціи v w u̯ указаны въ § 13. Добавимъ, что мягкость губныхъ потеряна въ концѣ слова: śem семь, wóśim восемь. Я затруднялся въ опредѣлепіи b, p передъ i̯ въ наст. вр. глаголовъ бить и пить; иногда я слышалъ b́, ṕ: «b́i̯êt́ ii̯é» бьетъ ее, «v́incá výṕi̯im», ṕi̯eš и под. — ср., при i̯ другого происхожденія, rub́i̯ú рублю, łav́i̯ú ловлю; иногда же губные отмѣчены у меня твердыми: bi̯u bi̯eš (новѣе bi̯oš) и т. д., pi̯u pi̯eš и пр. Найдемъ въ говорахъ дальше къ западу несомнѣнно твердое произношеніе.

Къ ассимиляціи внутри группъ согласныхъ отмѣтимъ слѣдующіе моменты. Смягченіе зубныхъ, кромѣ ł, передъ мягкимъ зубнымъ иногда слабо развито, ср. Ив., § 8; напр. n и d тверды передъ ŕ въ andŕúхъ, u andŕéi̯ä; иначе, если r стоитъ впереди: dvóŕńik, kaŕźína и под.[1]). — Передъ мягкимъ губнымъ зубной правильно смягчается: śv́etłъi̯, čét́v́irα, d́v́ínut́, kaŕm̓ít́ и т. д. — Губной же передъ мягкимъ зубнымъ, по моимъ наблюденіямъ, вообще, не смягчается: źimľá P. źämľí, хľébńik, d̓iśéu̯ľä, umŕéš, γŕébńi P. γŕébńou̯, kŕépčä, aný prъźábľí и под. Однако, слухъ мой иногда колебался, напр., не только относительно b въ rubľá рубля, p въ pŕežńii̯, но есть случаи, гдѣ вокализмъ указываетъ на мягкость; ср. ê (и u̯) въ d̓iŕéu̯ńä, и ê же, не смотря на b, въ śiŕébŕinъi̯ä серебряная; мягкое b́ я отмѣтилъ въ učóbńik учебникъ, и передъ ŕ въ b́ŕit́ брить. — Судьба велярнаго передъ мягкимъ зубнымъ различна; передъ ŕ имѣю γ, х́ въ γŕéb́êń, х́ŕiś[t́]i̯äńíń, γŕiγóŕei̯; но передъ ľ видимъ k и γ въ śṕäkľí спекли, kľon, kľín, kľéi̯, śékľí (не ê!), utäkľí утекли (здѣсь я, впрочемъ, колебался), γľêi̯, γľína; х твердо передъ t́ въ P. d́oхt́ú (d́óγъt́ деготь), k передъ ń въ k-ńêi̯ къ ней, kńíх, kńíγou̯ (книгъ). — Къ зубному передъ мягкимъ велярнымъ ср. ŕ въ śêŕγéi̯ (śiŕ-); къ велярному передъ

---

1) Соображаясь съ замѣтками, данными выше о болѣе низкой степени палатализаціи въ неударяемомъ слогѣ, мы понимаемъ, что «будьте» звучитъ «butte», какъ будто съ потерей мягкости для всего сочетанія tt. Подобно тому и мягкость -t́ въ 3 л. и въ неопр. накл. глаголовъ легко исчезаетъ акустически передъ t-.

мягкимъ зубнымъ ср. ťimъx̌v̌ẹ̌. О š передъ ń ср. замѣтку въ § 13, съ указаніемъ на Прил.

Велярные послѣ і въ концѣ слова сохраняютъ твердость, какъ вообще въ русскомъ: m̌éľńik, kńix книгъ. Внутри слова k часто смягчается предшествующимъ мягкимъ согласнымъ: xъźi̯ái̯kä, tólkä только, xarόšuńkɛi̯ и под., см. Прил. подъ вопр. 110.

er передъ твердымъ велярнымъ или губнымъ согласнымъ колеблется, какъ въ Ив. Передъ велярнымъ ср. cérkwa, но v̌ěŕx, š-v̌éŕxu (неуд. v̌ěŕxóm), čiťv̌éŕx четвергъ, źéŕkaɫa зеркало, р. мн. ч. źéŕkъɫow; въ неударяемомъ положеніи šiťv̌irγá съ четверга, и. мн. źɛrkaɫá зеркалá, но ŕ въ kъčiŕγá кочерга. Передъ губнымъ: šerp, i̯érb̌a верба, p̌éŕvъi̯ и p̌érvъi̯ (также p̌ervói̯), šp̌érwa сперва; въ неударяемомъ положеніи ср., кромѣ p̌ervói̯, špirwá (сперва, ср. выше šp̌érwa), čirpáť (čɛr-, черпать).

О лабіо-веляризаціи могу высказаться нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ въ § 8. Она выступаетъ въ Кобыльѣ вообще не сильно, все же осязательно при велярныхъ передъ о: «karaγᵘót» хороводъ, «ikᵘóna» икона. При губныхъ (pop, b̌ox р. b̌óγu, źimói̯u), ɫ (ɫop лобъ), а такъ же при r (i̯á ńi sprόč) я ея не замѣчалъ. И при k γ x она иногда какъ будто исчезаетъ совершенно. Вообще трудно считать ее чертой постоянной или особенно характерной въ описываемомъ говорѣ.

17. Вокализмъ съ исторической точки зрѣнія; соображенія объ его происхожденіи. Принципіальныя линіи въ развитіи вокализма совпадаютъ съ Ив.; о вокализмѣ ударяемыхъ слоговъ потому не надо говорить.

Въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ видимъ извѣстную намъ мѣну, съ одной стороны ъ (о, α, изрѣдка «у», см. § 15), съ другой стороны а, въ зависимости отъ гласнаго ударяемаго слога: xrъmái̯a — но Р. xramýi̯, sъxá — но В. saxú, trowá (trъwá) — trawú, pъtъɫkɫá потолкла — но мн. ч. pъtaɫkľi, pošɫá — но pašóɫ, pašľi, и т. д. и т. д.

Судя по моему матеріалу, исключенія рѣдки, рѣже, чѣмъ въ Ив., а объясняются они, вообще, какъ тамъ (§ 9). Стоитъ обратить вниманіе на случаи какъ aźáb̌nu, прош. aźáp; ъ отмѣчено у меня въ абсолютномъ началѣ слова лишь въ р. ъmxá (mox, мохъ) и прилаг. ъmxawói̯; а- же представляется правиломъ не только тамъ, гдѣ ждемъ его въ согласіи съ общими правилами (ašmúškъ осьмушка, adnó, aďóžъ одёжа, av̌ós или wav̌ós овесъ), но также передъ á (ср. выше aźáb̌nu, aźáp, далѣе atkázywaɫ), и даже въ слогѣ дальше отъ ударяемаго (atkazáɫ, aŕexi, ab̌ńimú, acańiť оцѣнить, abasói̯ босой, alľanói̯ ж. alľinái̯α); т. е., въ абсолютномъ началѣ говоръ склоняется

ввести вмѣсто ъ а-; та же самая склонность замѣтна въ Ив., но въ Коб. она повела, повидимому, еще дальше.

Мѣна і (ε): 'a ('ä, 'e) опять соотвѣтствуетъ вообще Ив.: ńisľa — ńeslí, v́isná — v́äsnú, śεľá — śäľó, sv́itája vodá — sv́ätyį vadý, slizá — sľeźínka, ďit́ám — ďet́mí, śiŕibrá — śiŕäbró, aľľinája — aľľanóį, и т. д. и т. д. Однако, вникая въ матеріалъ, мы, на основаніи Кобыльскаго произношенія, можемъ подчеркнуть явленія, для освѣщенія которыхъ матеріалъ изъ Ив. былъ недостаточнымъ. Оставимъ въ сторонѣ такія исключенія отъ очевиднаго главнаго принципа какъ напр. aná (при iná отъ įona) или ďeržáľ вмѣсто ожидаемаго ďir-, а обратно dŕimú вм. ожидаемаго dŕe-, ńimnóγъ при ńämnóγъ, отклоненія, объяснимыя здѣсь, какъ и въ Ив. (§ 9), заимствованіемъ (aná) или близкой аналогіей (ср. правильное ďeržú, ďäržú — или, обратно, правильное прош. dŕimáľ, ńi въ выраженіяхъ какъ ńi dáľ, и под.). Но кромѣ такихъ находимъ цѣлый рядъ другихъ отклоненій отъ предполагаемаго принципа, широкій рядъ примѣровъ і (ε, ê) *передъ ударяемымъ слогомъ, содержащимъ гласный* е. Такъ, ŕiv́éť реветъ при 1. л. ŕävú, źiľézъ желѣзо, ďêŕéu̯ńä (ďiŕ-) со всѣми падежами, ńiśéš ńiśéť и т. д. при 1. л. ńasú несу, pľêt́éš — pľätú, γńit́éš — γńätú, śêḱéš — śakú, zъpŕiγ́éš — zъpŕaγú, и такъ вообще правильно въ глаголахъ этого типа (см. морф.), также ṕiįéš ṕiįéť поешь поетъ при 1. л. ṕeįú, 3 мн. ṕeįúť; ср. далѣе неопр. b́êŕéš беречь, st́êŕéš стеречь; pľiméńńiḱi, b́iśéda, t́iľéγъ, ľiṕéškъ, b́êŕéḿä (b́εr-, бремя), ľikśéį Алексѣй (какъ передъ а въ ľiksándrъ), sv́iššéńńik священникъ, р. pľičéį (pľéči плечи), м. śiľé къ śaľó село, t́ŕit́éį (при t́ŕéťiį третій), v́iŕib́éį (какъ и р. v́iŕib́įá, но р. мн. v́iŕäb́óu̯) «веребей», uv́izďé вездѣ, sḿiľéįä смѣлѣе, ičḿéń ячмень и др. Приведемъ еще изъ глаголовъ на -ѣть напр. γŕiḿéľ, γľiďéľ (но наст. вр. γľäžú γľeďíš), v́êľéľ ж. v́iľéľo (но наст. вр. v́eľú v́eľíš), ṕt́ica ľit́éľa, неопр. ľit́éť (но наст. вр. ľeťíť), zv́ińéľ. Вообще і (ε, ê) передъ ударяемымъ е, все равно é или ê, по моему матеріалу представляется правиломъ для Кобыльскаго говора; есть примѣры также передъ е перешедшее въ 'o: ŕib́ónъk, v́iŕóu̯kъ веревка, b́iŕózъ, b́iŕóm (р. мн. ч. отъ b́εŕêma бремя), ḿiššóck Мещовскъ, v́iďóŕ ведеръ (впрочемъ, также v́eďóŕ, ср. ед. ч. v́ädró, мн. ч. v́ódry), čêŕów̓ъ «черёва», ср. тв. «ńizdaróu̯ čiŕów̓oįu». Припомнимъ, что Ивонинскій матеріалъ показываетъ нѣсколько иную картину; достаточно повторить изъ § 9 примѣры, какъ ďäŕéu̯ńä, ľäṕéška, ṕŕeďéš прядешь, ръγľäďéť, u̯ľät́éľ; но въ то же время замѣчаемъ и тамъ сильную склонность къ і (ε) передъ ударяемымъ е; притомъ поражаетъ соотвѣтствіе въ извѣстныхъ категоріяхъ принадлежащихъ сюда примѣровъ; видимъ въ Ив. тѣже самыя глагольныя формы ńεśéš, ḿεt́éť и т. д., какъ въ Коб. — хотя и съ исключеніями, далѣе

группу формъ глаголовъ на -ѣть, zv́iṅét́ t́irṕét́ γŕiḿét́ γŕiḿéĺ и т. д. — хотя опять не безъ исключеній (γĺäd́ét́ и др., ср. § 9).

Такое соотвѣтствіе врядъ ли можетъ быть случайнымъ. Нужно подыскать общую причину. Объяснить всѣ такія і (ε, ê) передъ ударяемымъ е аналогіей по формамъ, гдѣ вмѣсто е стоитъ á, по моему нѣтъ основаній — отчасти прямо невозможно подыскать родственныя формы съ такимъ á. А если въ Ив. представлялось возможнымъ предположить, что иныя изъ этихъ ε - і появились какъ результатъ дальнѣйшаго развитія того звукового принципа, вслѣдствіе котораго 'а подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука переходитъ въ 'ä и далѣе часто въ 'е — то отъ такой попытки объясненія надо отказаться при видѣ послѣдовательности упоминаемаго явленія въ Кобыльѣ. Мягкость окружающихъ согласныхъ можетъ довести 'а черезъ 'ä именно до (открытаго) е включительно, но не дальше; иначе нельзя понять, почему въ слогѣ передъ ı́ находимъ правильно какъ разъ 'а 'ä 'е — но не ê, ε, і; ср. напр. при ḿit́éš метешь ḿet́ı́ мети, при śêḱéš сѣчешь śeḱı́ сѣки, при ṕiḱéš печешь и piḱĺá пекла ṕäḱĺı́ пекли, при zaṕŕiɣ́éš запряжешь zaṕŕaγĺı́ запрягли; далѣе γĺid́éĺ, но γĺed́ı́š, ĺit́ét́ ĺit́éĺa, но ĺet́ı́t́ летитъ, па ḿäĺı́ на мели, u śt́eṕı́ въ степи, v́aŕšýna вершина и др.; легко объяснимыя отклоненія какъ zv́iṅı́t́ звенитъ вмѣсто ожидаемаго zv́a- или zv́e- (аналогично по zv́iṅéĺ, zv́iṅét́ и др.) не значатъ здѣсь ничего, онѣ скорѣе подтверждаютъ принципіальное правило.

Очевидно, надо искать объясненія упоминаемаго і (ε, ê) передъ слогомъ съ ударяемымъ е въ старшихъ отношеніяхъ, общихъ для всѣхъ здѣсь описываемыхъ и еще много другихъ говоровъ. Изслѣдованіе этихъ отношеній и выясненіе ихъ не входитъ собственно въ задачу описанія говоровъ; но такъ какъ выясненіе, по моему, нужно строить отчасти на явленіяхъ, замѣтныхъ до сихъ поръ въ живомъ произношеніи именно здѣсь описываемыхъ говоровъ, то считаю не лишнимъ внести нѣсколько соображеній для обсужденія. Мѣна sъxá: saxú, śistra: śastrý повидимому связана сначала съ отношеніями долготы въ ударяемомъ и предшествующемъ слогахъ [1]). На это, по моему, прямо указываетъ упомянутая мною изъ старомоднаго произношенія въ Ивонинѣ съ окрестностью особенность, что въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ, ъ выговаривается кратко, между тѣмъ какъ а удлиняется (прочіе гласные можно пока оставить въ сторонѣ); говорятъ

1) Присоединяясь въ такомъ принципіальномъ предположеніи къ соображеніямъ, высказаннымъ мнѣ въ разговорѣ Шахматовымъ. Ср. корр. нота ниже.

«sъ̆xá», но «sāxú». Эта противоположность не можетъ быть новой и случайной, она очевидно — старое наслѣдство. Но ъ и а предударнаго слога появились оба на основанiи редуцированнаго гласнаго, какого то «α», въ которомъ уже раньше совпали всѣ о и а въ данномъ слогѣ; значитъ, «α» распалось въ «ᾰ», до сихъ поръ сохранившее краткость редуцированнаго гласнаго въ «ъ̆» описываемыхъ говоровъ, и въ «ᾱ», развившееся потомъ въ полное а. Какъ еще видно, это распаденiе зависитъ отъ факторовъ слѣдующаго, ударяемаго слога. Теперь дѣло имѣетъ видъ, будто опредѣляющимъ моментомъ было качество ударяемаго гласнаго (ср. ъ передъ á, съ а передъ прочими гласными); но это развитiе, вѣроятно, вторичное, происшедшее на основанiи отношенiя количественнаго свойства. Можно предположить, что появленiе «ᾰ»: «ᾱ» (а) зависѣло сначала отъ *долготы* слѣдующаго, ударяемаго гласнаго; а если это соображенiе правильно, то количественная формула всего развитiя дается сама собою; получаемъ съ одной стороны ⏑ ⏒́, съ другой – ⏑́, т. е., передъ долгимъ ударяемымъ гласнымъ краткость, а передъ краткимъ ударяемымъ долготу. Для живого представленiя о такихъ долготныхъ отношенiяхъ нужно имѣть въ виду произношенiе безъ особенно сильнаго экспираторнаго ударенiя, болѣе «по слогамъ», въ спокойномъ и медленномъ темпѣ — остатки чего до сихъ поръ ясно наблюдаются въ Ивонинскомъ произношенiи (§ 2); что краткость предударнаго ъ сохраняется тамъ, мы уже знаемъ, а по § 2 въ старомодномъ произношенiи этого и окружающихъ говоровъ сохраняются также и сильные слѣды долготы слога передъ ударяемымъ, если послѣднiй содержалъ гласный сначала краткiй: припомнимъ сильную склонность къ удлиненiю гласнаго предударнаго слога, если этотъ гласный — не ъ. Эта долгота вѣроятно и вызвала ту склонность къ высокой интонацiи въ слогѣ передъ ударяемымъ, которая такъ характерна для этого же произношенiя (§ 2), но которая, вмѣстѣ съ долготой, все болѣе уступаетъ мѣсто новымъ долготнымъ и интонацiоннымъ отношенiямъ. — Если же распаденiе предударнаго «α» въ нынѣшнiя ъ и а зависѣло отъ *количества* слѣдующаго ударяемаго слога (гласнаго), то спрашивается, какого происхожденiя долгота: краткость гласнаго ударяемаго слога. Съ первоначальными количественными отношенiями общеславянской и общерусской эпохъ эти ударяемыя долготы: краткости не имѣютъ, повидимому, никакой прямой связи. Онѣ выросли, напротивъ, по исчезновенiи старшихъ, этимологическихъ количественныхъ отношенiй. За то обзоръ говоровъ, интересующихъ насъ въ данномъ вопросѣ, показываетъ, что ударяемому а правильно предшествуетъ ъ, т. е. краткость, ударяемымъ же i, u, y, т. е. гласнымъ высокаго образованiя, такъ же пра-

вильно предшествуетъ a, т. е. долгота. Заключаю изъ этого, что рѣчь идетъ о количествѣ «натурой»; á было натурой «долгимъ», ï и пр. натурой «краткими» гласными. Можно предположить, что такая разница зависитъ отъ того признаннаго явленія, что при обстоятельствахъ, въ остальномъ тождественныхъ, гласный вообще тѣмъ длиннѣе, чѣмъ его образованіе шире [1]).

Я говорилъ выше лишь о судьбѣ «α», о его распаденіи въ ъ : a. Безъ дальнѣйшихъ объясненій понятно, что развитіе śistrá: śastrú происходило подобнымъ образомъ: гласные е ѣ о а предударнаго слога послѣ мягкаго звука сначала совпали въ какомъ то «ирраціональномъ гласномъ» передняго ряда, «ε»; а изъ него развились «ε̆» передъ ˊ, то что нынѣ имѣемъ въ предударномъ i (ε, ê), а съ другой стороны «ε̄» передъ ˘, то что отражается нынѣ въ 'a ('ä, 'e). Здѣсь, какъ и выше, долготное отношеніе надо считать основой развитія.

Но, какъ указано, это отношеніе повело сейчасъ же къ альтернаціи въ извѣстныхъ случаяхъ разныхъ гласныхъ оттѣнковъ въ предударномъ слогѣ. А съ потерей — вполнѣ или отчасти — старшихъ количественныхъ осязаній, психологическій центръ тяжести могъ постепенно перемѣщаться, давая мѣсто осязанію, что слогу передъ извѣстными ударяемыми гласными, прежде всего á, принадлежатъ гласныя артикуляціи самаго ослабленнаго вида, т. е. оттѣнки задняго и передняго относительныхъ индифферентныхъ гласныхъ укладовъ, въ противоположность положенію передъ прочими ударяемыми гласными. На основаніи этого, очевидно, объясняется рядъ позднѣйшихъ случаевъ съ ъ передъ á, гдѣ ъ не изъ старшаго о-а. Къ этому вернемся ниже; а передъ тѣмъ остается сказать еще о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ i (ε, ê) въ слогѣ передъ ударяемымъ е, которые вызвали мои замѣтки о предполагаемой основѣ для мѣны sъxá: saxú, śistrá: śastrú и под.

---

1) Укажу на измѣренія E. A. Meyer въ «Englische Lautdauer», въ «Zur vokaldauer im deutschen» (Nordiska Studier tillegnade Noreen, Upsala 1904), и въ «Zur phonetik der ungarischen sprache» въ Monde oriental II. Я обязанъ этими указаніями г-дамъ Gauthiot и Meillet; одна замѣтка послѣдняго въ его Aperçu d'une histoire de la langue Grecque обратила мое вниманіе на возможность даннаго здѣсь объясненія «количества натурой». — О попыткахъ объясненія принадлежащихъ сюда явленій у Шахматова въ статьѣ «Аканіе», въ Сборникѣ въ честь Фортунатову, достаточно сказать, что считаю ихъ неудовлетворительными.

Соображаясь со сказаннымъ выше о количествѣ гласныхъ «натурой», мы понимаемъ противоположность i, u : a, и понимаемъ также, что между этими крайними точками лежатъ промежуточныя ступени, гласные категорій o и e, съ возможностью присоединиться къ «краткимъ» или къ «долгимъ» гласнымъ, вполнѣ или отчасти, въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть различными для разныхъ говоровъ, разныхъ оттѣнковъ гласнаго, разныхъ группъ словъ и т. д. Указанные многочисленные случаи γŕiḿéɫ, sḿiľé̯i̯ä, ńiśéš, ḃiśéda и т. д. по моему объясняются прямо изъ вышеназваннаго ритмическаго принципа ⏑ ⏑́ : – ⏑́. i передъ é указываетъ въ такомъ случаѣ на типъ ⏑ –́; т. е., къ гласнымъ относительно долгимъ принадлежало въ говорахъ, которые легли въ основаніе здѣсь описываемыхъ, кромѣ a также ʹe (вообще или отчасти).

Съ перваго взгляда такое заключеніе рисковано. Трудно, во-первыхъ, объяснить то обстоятельство, что не видимъ случаевъ ъ въ слогѣ передъ é, é̋; по крайней мѣрѣ, мой матеріалъ не даетъ примѣровъ — встрѣчаемъ всюду лишь a передъ é (γaŕéɫ, не напр. *γъŕé̋t или *γoŕéɫ), какъ передъ í (γaŕíť) и прочими гласными, исключая á (γoŕá̋ť) [1]. Трудно, далѣе, и то, что исключенія отъ i (ε, ê) передъ é-é̋, сравнительно съ положеніемъ передъ á, часто встрѣчаются при общемъ обзорѣ говоровъ, и далеко не всѣ удобно объясняются изъ введенія, путемъ аналогіи, другого гласнаго. Возможнымъ рѣшеніемъ такихъ трудностей считаю предположеніе, что во время дѣйствія упомянутаго ритмическаго принципа наши говоры имѣли «é» (ударяемые слоги съ гласнымъ элементомъ e) частью долгія, частью краткія. Съ потерей этой разницы, основаніе которой намъ теперь не видно, самый принципъ ʼa : i (a : ъ) въ предшествующемъ слогѣ стушевался, существовавшія, можетъ быть, ъ передъ é̋ вытѣснялись, а разница i : ʼa, смотря по слѣдующему é̋ или ё, поддерживалась традиціей лишь отчасти. Не зная разграниченія предполагаемой количественной разницы внутри слоговъ съ é, мы не въ состояніи и дойти до ея происхожденія. Соображаясь съ почти постояннымъ i передъ é, é̋ изъ старшаго ѣ въ глаголахъ на -ѣть, а также въ формахъ какъ uwizďé вездѣ, sḿiľé̯i̯ä смѣлѣе, м. śiľé отъ śaɫó село, можно было бы спросить, не вошло ли вообще старшее ѣ̆ въ упомянутый ритми-

---

1) На единичныхъ случаяхъ вродѣ α примѣра αt-i̯étъγъ или dъ въ «atwutra dъ-vé̋čira», ъ въ ťimъxvéi̯ Тимофей, не осмѣливаюсь строить заключеній.

тическій принципъ какъ долгота; но дальше неопредѣленныхъ предположеній мой матеріалъ во всякомъ случаѣ не поведетъ[1]).

На мѣстѣ предполагаемаго ритмическаго принципа осталось потомъ, какъ затронуто выше, такое осязаніе, что слогу передъ ударяемымъ á свойственъ гласный «ирраціональный», т. е. послѣ мягкаго согласнаго і (ε, ê), послѣ твердаго ъ (α, о). Это и объясняетъ не малую часть случаевъ, въ которыхъ находимъ въ предударномъ слогѣ гласный «ирраціональный» на мѣстѣ такихъ, которые по принципіальному развитію остались въ старшемъ видѣ, а именно гласныхъ высокаго образованія. Звукъ і, конечно, можно оставить въ сторонѣ; редукція въ «передній ирраціональный гласный» дала бы какъ результатъ опять «і». Звукъ u остается вообще нетронутымъ (о случаѣ какъ toǐúp не стоитъ говорить[2]). За то старое у (ы) отмѣчено въ предударномъ слогѣ въ Кобыльѣ нерѣдко или какъ переходное къ ъ, или какъ несомнѣнное ъ (о, α), переходившее иногда подъ вліяніемъ сосѣдняго гласнаго далѣе въ u. Ограничимся случаями полнаго и несомнѣннаго перехода: при byǐá говорятъ также bъǐá, boǐá; sǐъxáǐ; vodá astъvájiť; nъŕáť; zaγrъzáǐъ загрызала; umuvácъ умываться (buvájú бываю — сомнительно); na kъstъǐáx на костыляхъ; ср. отъ ы послѣ š ž, dъžъdájiť дожидаетъ, staršαná старшина (но -šyné); приведемъ еще «jon ṕŕiďiť kъǐínomu dńu» вм. ky-, онъ придетъ къ Ильиному дню, sъŕówъja (xaǐsťína), если sъr- изъ syr- (ср. прим. выше). Какъ показываютъ послѣдніе примѣры, а далѣе еще напр. puzuŕók пузырекъ, mužuki, есть случаи перехода у въ ъ также передъ другими гласными; но это лишь рѣдкія исключенія; преобладающее большинство имѣется передъ á, а изъ прочихъ случаевъ иные стоятъ рядомъ съ таковыми же передъ á (mužuki: ср. mužuká, mužukám и т. д.), такъ что

---

1) Уже во время печатанія настоящаго труда я получилъ Выпускъ 11,1 Энциклопедіи Славянской Филологіи, въ которомъ Шахматовъ развиваетъ свои широкія, въ высшей степени интересныя соображенія о всѣхъ тѣхъ количественныхъ и другихъ явленіяхъ, въ которыя здѣсь описываемыя отношенія входятъ какъ частичное развитіе. Подъ вліяніемъ его доводовъ мои мнѣнія должны болѣе или менѣе измѣняться; разные вопросы у меня поставлены вообще слишкомъ узко; но перемѣнить все мое изложеніе, къ сожалѣнію, невозможно; потому оставляю его нетронутымъ. Корр. нота.

2) Въ сторонѣ оставляю также «kakúška kakújiť» — при zъkukuwáǐъ; въ sъŕówъja (xaǐsťína) первое ъ не скорѣе ли изъ ы? Ср. ниже. Припомнимъ, впрочемъ, что такія отдѣльныя слова легко переходятъ съ одного говора въ другой.

они могутъ имѣть свое ъ (u) по аналогіи; при томъ наблюдаются такія альтернаціи какъ staršᴀná: staršyńé (выше), kъstъľáх: kъstyľóu̯, ƀъľá; ƀyľó (*ƀъľó я не слыхалъ), zaγrъzáľo: γryźéť грызетъ. Все это оставляетъ внѣ сомнѣнія, что мы стоимъ передъ распространеніемъ на рядъ случаевъ съ у въ предударномъ слогѣ того принципа, который видимъ при старшихъ о-а въ томъ же слогѣ: trъwá (trowá) — trawú и под. Что это распространеніе пошло въ Кобыльѣ, можетъ быть, нѣсколько дальше другихъ говоровъ того же типа, можетъ стоять въ связи съ тѣмъ общимъ уменьшеніемъ «вѣса» предударнаго слога, которое мы указали изъ произношенія Агеева въ § 12. Съ такимъ уменьшеніемъ вѣса, но вѣроятно уже въ старшей эпохѣ, и при томъ болѣе или менѣе общимъ для всѣхъ говоровъ даннаго типа, связывается вѣроятно полная потеря гласнаго элемента въ случаяхъ какъ koľakľý колоколá, s-kъľakľóm, kъrvá̯i, tъrkány — выпаденіе, являющееся здѣсь, какъ и въ сосѣднихъ говорахъ, чаще въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ, по общему правилу самыхъ слабовѣсныхъ: kóľkъľ, kъľkъľá; ľikšé̯i, ľiksándrъ (вм. ъľ-); virťänó веретено, ṕirńäśi, ṕirv́äźi, ṕirv́ärnúť (по ṕiŕävóźiť, ṕiŕänóśiť); иначе объясняется исчезновеніе і въ словахъ какъ spuγáľśε испугался, ḿäńiny имянины (при i̯iḿä).

Затрудненіе причиняетъ, наконецъ, какъ и въ Ив., рѣшеніе развитія гласнаго элемента предударнаго слога послѣ шипящаго согласнаго. Рядъ случаевъ согласуется съ извѣстнымъ намъ принципомъ, ср. žańíх женихъ, žańiľśa женился, šastó̯i шестой, žaľúdъk желудокъ, žaľtó̯i (при žóľtъ̯i желтый), na ľošäďi, na pľoššäťí на площадѝ (NB t), časý часы, šatýŕi четыре — но žъŕá жара, šъršáwoi̯a (šor-) шершавая, žoľá[i̯]iť желаетъ; на «ъ» указываетъ, пожалуй, также u случаевъ какъ mužuká (и -ḱí, ср. выше), kružuwá кружева; однако, не забудемъ, что такія отдѣльныя слова и формы легко перенимаются изъ говора въ говоръ; нелегко установить, гдѣ они появились прежде. ža, ša не позволяютъ рѣшить, считать ли заднiй или переднiй ирраціональный гласный исходной точкой — какъ тотъ, такъ и другой дали бы а. žъ šъ (žo šo) съ перваго взгляда указываютъ на исходную точку уже съ твердымъ шипящимъ, иначе можно бы ждать žy šy; съ такимъ, т. е. съ продолженіемъ старшаго «ži» (ср. напр. žyv́éť живетъ) дѣйствительно отмѣчены «žyľé̯iu i̯äγó» жалѣю его (NB, у въ слогѣ передъ ѣ, ср. разсужденія выше), šysnádcъť шестнадцать; съ тѣмъ согласуются примѣры, какъ kъčiŕγá, čirńec чернецъ, čitv́éŕх четвергъ, и даже čisnó̯i (при čésnъ̯i честный; і поражаетъ); а имъ не противорѣчатъ приведенныя выше šatýŕi (т. е. č-), časý. Но какъ мы видѣли выше, мы не можемъ быть вполнѣ увѣренными, чтобы šъ, žъ передъ á (žъŕá и под.) не по-

явились въ очень позднее время какъ ослабленный оттѣнокъ у (напр. dъžъdáj̯iť дожидаетъ). Затрудненіемъ къ тому является рядъ случаевъ, гдѣ мой слухъ или не могъ уловить, какъ опредѣлить гласный въ данномъ положеніи, или находимъ оттѣнокъ, отклоняющійся отъ общихъ правилъ. Такъ, при žoľá[j̯]iť (выше) отмѣчено неопр. накл. žəľáť («ə» сопоставляю съ нѣм. e въ Gabe), такое же ə въ šəŕinka ширинка; въ žeľé[j̯]iť жалѣетъ имѣю просто открытое е; въ «жепа» колебался между žə-, že- и даже «žyná» съ широкимъ у, уже напоминающимъ ъ; въ р. д., при žańé, также žeńé, въ д. мн. ч. žənáḿi. Конечно, тутъ можетъ вліять также книжный языкъ и вообще вліяніе извнѣ; тѣмъ труднѣе заключенія о старшемъ видѣ вокализма. Въ связи съ этимъ укажу на колеблющееся и трудно опредѣлимое произношеніе гласнаго элемента послѣ шипящихъ въ другихъ слогахъ, напр. въ концѣ сравнительной степени (морф.)[1]).

— Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ i и u остались вообще въ старшемъ видѣ, какъ въ Ив., у же въ Кобыльѣ повидимому правильно перешло въ ъ; ср. въ Р. ед. ч. жен. рода, при ударяемомъ xramýj̯, takýj̯, неударяемое -ъj̯; далѣе štóbα чтобы (напр. «zaγъńáj̯úť u-zakútu štobα xľéba ńe-travíľi»), powázъwať повязывать, zavórtovať завертывать, skázъvaj̯úť сказываютъ[2]); черезъ такое ъ объясняется нерѣдкое u: vuḃiráť выбирать, ṕóruškъ пёрышко, suľaṽéj̯ соловей, wóddux отдыхъ, «štó vú váŕiťe» что вы варите, и др.; ср. развитіе у (изъ i) послѣ š ž напр. въ ľóšъť лошадь, šygъká при šyróka широка, zaďéržuwъť задерживать. Многочисленныя исключенія, мнимыя или дѣйствительныя, съ у въ такихъ слабовѣсныхъ слогахъ, я объясняю различно. Частью вліяніемъ окружающихъ звуковъ; ср. изложеніе въ 15 о движеніи ъ впередъ и вверхъ и объ его большемъ или меньшемъ приближеніи къ «у» подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука (такъ понимаю у, напр. въ šysťaróm, въ -yj̯ и. ед. ч. муж. рода случаевъ какъ máľyj̯, carkóunyj̯, при обыкновенномъ -ъj̯; сравнимъ ихъ съ «ľóšyť» при -šъť, «dýčiŕáx» дочеряхъ, «raḃóťyj̯u» работаю); мы стоимъ скорѣе передъ колеблющимся или переходнымъ къ «у» оттѣнкомъ, и слѣдуетъ сознаться, что въ такихъ случаяхъ, вслѣдствіе, очевидно, знакомства съ книжнымъ языкомъ и съ этимологіей, я склонялся къ употребленію «у» болѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ «ъ» появилось изъ

---

1) Добавимъ здѣсь же cená цѣна, гдѣ е звучало то ближе къ ə, то почти ä; carkóunъj̯ церковный; cyṕľónъk (сър-?) цыпленокъ.

2) А также послѣ велярныхъ: attáľkъvať, atṕíxъwať, zatróγъwať; ср. Прил., 107.

другихъ гласныхъ. Къ тому же ряду принадлежатъ вѣроятно случаи какъ naďjétym śāłóm при jetъm, unawóžywaŕ («скорѣе -žъ-»), Kaḃýlśyna («скорѣе -šъna») и др. Частью же у объясняется грамматической аналогіей, въ флексійныхъ слогахъ (ḃałóty болота, pášyš пашешь и под.); настоящій звуковой принципъ освѣщается примѣромъ какъ «won ḃáḃy-jdúť» вонъ бабы идутъ, получающимъ въ бѣглой, естественной рѣчи произношеніе ḃáḃъ-. у въ неударяемыхъ флексійныхъ окончаніяхъ соотвѣтствуетъ появленію другихъ гласныхъ (а, 'а, 'е, даже 'ъ) на мѣстѣ ожидаемыхъ по звуковымъ законамъ «ирраціональныхъ», т. е. ъ — і.

Уже для предударнаго слога мы имѣли случай привести примѣры того, что гласный «ирраціональный» — по скользкому, неопредѣленному своему характеру — можетъ подвергаться вліянію сосѣднихъ гласныхъ и «гармонизироваться» къ нимъ (mužuká, puzuŕók, ср. duruká, но duraḱí и др., Прил., 59). Съ подобнымъ гармонизирующимъ вліяніемъ повидимому нужно считаться для объясненія извѣстныхъ отклоненій отъ ожидаемаго вокализма въ слогахъ вполнѣ слабовѣсныхъ. Говорю о словахъ съ полногласіемъ. Въ нихъ замѣчается несомнѣнная склонность провести одинъ и тотъ же гласный оттѣнокъ въ неударяемыхъ слогахъ передъ и послѣ r, l. Часто, конечно, это дается само собою, въ соотвѣтствіи съ принципіальными правилами; ср. напр. ḃъrъdá (ḃorъdá) ḃołoźá vołosá γołová ḃoroná stъrъná s-mołodá γołosá vъrъtá (vorъtá) xъrъšá (какъ напр., и kъłkъłá, sъrъxwán, γъsprъdá и т. д.). Вопреки правилу видимъ, напр., mаładój xаładnó (skaródúd-) ḃaranóju xarašó u-γаłaṽé ḃaradú (бороду) xarańíť xarańú — вм. mъładój и т. д. Встрѣчаются при томъ также ожидаемыя формы, какъ то mъłaďeć (mol-) s-kъłakłóm, kołakłý колокола, xъładnój — ср. напр. γъspaďín, и под.; но склонность къ «гармонизаціи» очевидна. Появившееся такимъ путемъ колебаніе можетъ объяснить и дальнѣйшее колебаніе въ оттѣнкахъ, вродѣ γаłownája ḃóĺ, ḃaranóju, xаładnój (при xъładnój) и даже xarъšá. — При ере слѣды «гармонизаціи» не столь ясны, хотя и здѣсь вниманіе привлекаетъ частое появленіе тождественнаго гласнаго оттѣнка (особенно ê) съ обѣихъ сторонъ r.

Рядъ другихъ подробностей можемъ опустить, указывая на то, что мы уже описали для Ивонинскаго говора, и на рядъ примѣровъ подъ разными вопросами «Программы» (см. Прил.). Отклоненія отъ общихъ принциповъ объясняются вообще, какъ въ Ив. Въ слогахъ послѣ ударяемаго нужно прежде всего сообразоваться съ вліяніемъ морфологическихъ категорій, чего мы уже коснулись по случаю развитія старшаго ы. Несомнѣнно, что формы на -ъ какъ karýtъ корыто, kaĺénъ, śíłъ, máma, «won ḃáḃъ-jdúť»

(ср. выше), «zanav́éskъ̥-ta хъгъšá» и под. отражаютъ произношеніе по звуковымъ принципамъ говора; по xal̍sťína, ďišetína, čérťinà, j̮éto и под. отражаютъ вліяніе случаевъ съ -á, -ó, напр. žъгá, adnó; при raьótńikъ̥x въ одномъ мгновеніи, выговаривается raьótńick̮ax (жен. родъ) въ другомъ. Но въ Кобыльѣ, какъ и въ Ив., остаются еще и такія исключенія въ слогахъ послѣ ударяемаго, для объясненія которыхъ нужно считаться съ другими факторами: здѣсь, какъ и тамъ, гласные въ открытомъ концѣ слова, при частой редукціи въ -ъ, -i (mnóγъ, ráźi развѣ, na xvaťéŕi на квартирѣ, -śi или -śɛ для -ся, γľáńk̮i глянь-ка, т. е. -кя, и т. д.), показываютъ многочисленные примѣры безъ такой редукціи, какъ то dvój̮ä, trój̮ä (-j̮e), uḿésťä вмѣстѣ, na páḿiťä (при -ḿêťi на памяти), и γórъďe, šýŕä шире, záu̯ťŕa завтра, ďišéu̯ľä, udáŕil̍śa (и вообще часто -śa), «śvétl̍ъj̮à ńóbъ» свѣтлое небо, и под. Полная параллель съ явленіями Ивонинскаго говора ведетъ къ указанію на то же самое вѣроятное объясненіе; замѣчается тамъ и здѣсь склонность къ выдвиженію конечнаго слога, особенно открытаго, побочнымъ удареніемъ; конечно, такая склонность въ нынѣшнемъ произношеніи не достаточна для объясненія 'a 'ä; развитіе ихъ принадлежитъ старшей эпохѣ; но вопросъ въ томъ, не произошло ли это развитіе на основаніи существовавшаго уже тогда подобнаго побочнаго ударенія (ср. въ концѣ § 9). — Нѣсколько иначе можно смотрѣть на развитіе неударяемаго закрытаго конечнаго слога въ рядѣ случаевъ. При «ê», указывающемъ на редукцію по направленію къ ɛ, i, напр. въ kóŕêń, káḿêń и под., далѣе напр. въ páḿêť память, укажу на другое развитіе въ pój̮es поясъ, j̮íľem илемъ, wúḿän игуменъ, áńγel̍, v́éťer (-ťar), záj̮ec заяцъ, ьéďen бѣденъ, kíšel̍, tópel̍ и под., pópiŕêk поперекъ, ьéŕъx берегъ, и даже u̯ľaďíḿer, ьáŕen баринъ; ср. далѣе рядъ формъ на -'el̍, -'αl̍, -'al̍ какъ γľáďal̍ гладилъ, Прил., вопр. 68—69. Кромѣ возможности побочнаго ударенія и для такихъ конечныхъ слоговъ, нужно очевидно сообразоваться съ твердымъ характеромъ согласнаго, слѣдующаго за гласнымъ элементомъ. Не забудемъ, что въ противоположность къ положенію въ слогахъ внутри слова, слѣдующій за гласнымъ согласный принадлежитъ въ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ къ тому же слогу, какъ и гласный, потому «твердость» согласнаго легче вліяетъ на предшествующій гласный. Особый случай представляетъ ьéŕъx берегъ, и м. б. «ьáŕъn» при ьáŕen, съ переходомъ въ заднее относительное положеніе безразличности. — Судя по моему матеріалу, Кобыльскій говоръ пошелъ въ такомъ развитіи закрытаго неударяемаго конечнаго слога гораздо дальше Ивонинскаго (ср. въ концѣ § 9).

18. Къ Морфологіи. Припоминаю общія замѣтки, предпосланныя § 10.

Существительныя.

Основы на -a, -ja.

śistrá Р. и Д. śastrý В. śastrú Т. śastrójи М. какъ Д. Множ. число śóstry śistór śistrám -ámi -áх. Ср. И. мн. ч. ŕéќi (ŕiká). Совпадавшіе Р. Д. и М. ед. ч., отмѣченные въ śistrá въ формѣ Р., могутъ также имѣть форму Д.-М. žańé (żeńé), однако при томъ žaný. — Разница между Д. и М. ед. ч. на -e сохраняется иногда въ удареніи: g-źíḿe, (при g-źiḿé) pó-źiḿe, но только ob-źiḿé; «stań k-sťéńä» (или k-sťińé), но только na-sťińé; k-stórońi (или k-stъrańé), но na-stъrańé. — Къ формамъ ед. ч. съ неударяемыми окончаніями ср. склоненіе мужескаго имени Ĺiksándrъ Прил., 89. Съ женскими окончаніями склоняютъ слова какъ батюшка, сынишка: u ƀáťuški, syńíški, z-ƀáťuškъju. — Сокращенныя формы при призывѣ: ḿiќíṫ! matŕón! váńḯ Такъ и ŕiƀát! ребята! — Случаи перехода въ другое склоненіе: «śiĺóm zďéĺanъ» (другихъ подобныхъ я не нашелъ); при mnóγъ kńíx также kńíγou; ср. pťícou птицъ.

Основы на -o, -u, -jo.

a. *Мужескій родъ*. Къ принципіальнымъ линіямъ развитія ср. Ив. Для освѣщенія окончаній ср. напр. kaťóĺ Р. kъtĺá, мн. ч. katĺý Р. katĺóu — syn Р. В. sýnъ D. sýnu Т. sýnъm М. sýnu (ср. и póγŕiƀä); мн. ч. (syńjá) synóu synám -ámi -áx; къ И. мн. ч. ср. γryƀý, duraќí. — γwoś гвоздь γwózďä, мн. ч. γwazďí -ďéj; къ kaḿêń Т. kámńem М. na kámńu, Р. мн. ч. kámńêj и -ńъu (kaḿéńъu или -ńjъu). Ср. еще žuraṽêĺ журавль мн. ч. žurauĺí -ĺéj; muraṽêĺ мн. ч. murawĺí -ĺéj; ṽiŕiƀéj воробей Р. -ƀjá.

Ко мн. числу въ формѣ собирательнаго приведемъ напр. еще отъ drux (другъ: drúγa и т. д.): družjá -žéj -žjám и т. д.; svat: svъtъńjá; kóŕên: mnóγo kaŕéńjъu.

Смѣсь твердаго и мягкаго склоненія появилась, подъ вліяніемъ отвердѣнія губного въ концѣ слова, напр. въ γóĺup Р. γóĺuƀa Т. γóĺuƀъm, но мн. ч. -ƀi Р. γъĺuƀéj, D. -ƀám и пр.

xŕiś[ť]jäńín -ína и т. д., какъ syn; мн. ч. -áńe (-áńä) -án D. -áńem Т. -áńiḿi («sъuśéḿi γъmańíĺ xŕiś[ť]jäńiḿi»). При -ś[ť]ja- я слышалъ также -śťa-; см. явленія при «гость» въ Ив., § 10. — Ср. еще мн. ч. dvъŕáńe Р. dvъŕán, ḿiššáńe -án.

valčónъk: мн. ч. vъĺčáty Р. vъĺčát и т. д. О формѣ ŕiƀát см. выше

подъ осн. на -а. — ďiťá (ḿiľъḭa) мн. ч. ďéťi ďiťéḭ ďiťám ďeťḿí; ед. число пополняется формами отъ ďiťónъk: -ónkъ, -ónku.

Ѣ. *Средній родъ.* śaľó śɛľá śaľú śaľóm śiľé; во мн. ч. отмѣчено лишь śóľy см. ниже; ср. drъvá droṷ, vъrъtá и др., какъ въ литер. языкѣ. — И. В. Р. póľä Д. М. póľü; мн. ч. pъľá paľéḭ poľám и пр. При неударяемомъ окончаніи разные падежи совпадаютъ между собою (ср. напр. póľä) или съ мужескими и женскими родами. На послѣднее явленіе средній родъ реагируетъ какъ будто слабѣе прочихъ родовъ, онъ, повидимому, мало сопротивляется переходу въ другой родъ, распространяя совпаденіе и на такія формы, гдѣ литературный языкъ поддерживаетъ разницу; такъ, при -á въ pľêčá (также pľêči, Р. pľičéi) мы находимъ -у (а не -ъ) въ ряду формъ И. В. мн. ч. какъ śóły, pałótny или półъtny, bałóty, ḭéḭсу (ед. ч. ieḭcó, Р. мн. ḭiḭéc, въ скорой рѣчи iéc и даже, пожалуй, «ḭec»), γńóždy (Р. γńos), śódły (Р. śiďół, ед. ч. śädłó), ŕóbry (Р. ŕibór, ед. ŕäbró), v́ódry (Р. v́eďóŕ и v́iďóŕ, ед. v́ädró). Что это -у, а не «-ъ», слышно при сравненіи съ произношеніемъ -о какъ -ъ въ ед. ч., напр. ńóbъ небо, ḭábłъkъ и др. (и даже wóźerα, čét́v́ira); -у обозначаетъ переходъ въ другой родъ; ср. дальнѣйшее развитіе, когда b́ernó бревно къ И. мн. b́órny развило Р. b́ernóṷ.

Основы на -i и на согласный.

wóśiń wóśińi wóśińḭu: ср. литер. языкъ. Переходъ къ формѣ другого склоненія имѣемъ напр. въ М. па páḿiťä («па памятѣ») при па páḿêťi. — М. съ ударяемымъ концомъ: па реčí, па łošaďí, u kraví, u паčí, u sťeṕí, па ḿäľí (на мели), па płoššäťí (на площади).

mať Р. Д. М. máťɛŕi В. Т. máťiŕḭu (нерѣдко въ четырехъ слогахъ «máťiŕi[ḭ]u»); мн. ч. máťɛŕi mъťêŕéḭ mαťiŕám -ŕámi -ŕáx. ďoč ďóčɛŕi В. Т. «ďóčiŕi[ḭ]u; ъ неударяемое, напр. въ Р. мн. ч. ďъčiŕéḭ, по 15 звучитъ какъ у.

Въ основахъ на ū я не замѣчалъ того развитія ḭ послѣ ṷ, которое имѣется отчасти въ Ив. Къ Р. мн. ч. ср. (отъ ед. broṷ бровь, мн. ч. bróv́i) brawéḭ или broṷ («bróṷ ńétu»).

— ďêń dńa dńu и пр. имѣетъ въ Р. мн. ч. при dńêḭ форму ďon: «ďon šêś».

— Въ основахъ ср. рода на -n Р. ед. ч., какъ въ Ив., совпадаетъ съ И.: vyḿa, wŕêḿa, ḭiḿa (-ḿe), ср. выраженія какъ iz ḭiḿe, ḭiḿe ńetuťi, at taγó wŕêḿä. Изъ прочихъ формъ — какъ-то трудно доступныхъ у моего источника — я отмѣтилъ Д. ед. ч. k-tamú wŕêḿu, Т. sъ-wŕêḿinnъm (!), И.

В. мн. ч. wŕiḿiná, i̯iḿiná, Р. s-ťex ŕiḿón (изъ литер. языка?), i̯iḿänón; b̓ê-ŕeḿä бремя я слышалъ въ И. мн. ч. (одинъ разъ) какъ b̓iŕiḿá, Р. b̓êŕéḿъu̯ и b̓iŕóm. Какъ и въ Ив., эта группа, очевидно, подверглась съ разныхъ сторонъ вліянію склоненія другихъ основъ.

Мѣстоименія.

Формы вообще совпадаютъ съ Ивонинскими. Род. падежъ на -γó, -γъ (taγó, i̯étъγъ) въ Кобыльѣ встрѣчается часто, -γo и -wo, -vo употребляются рядомъ. О têi̯, têi̯ä и подобныхъ формахъ ср. сказанное въ § 15. Приведемъ, какъ примѣры, нѣсколько формъ.

i̯ón (anó) i̯aγó (-wo) i̯aḿú i̯im (s-ńim); iná (aná) Р. i̯êi̯ (u ńêi̯) или i̯ii̯é (u ńii̯é) Д. М. i̯êi̯ В. i̯ii̯é (ii̯é) или i̯ii̯ó (напр. «upáľ na i̯ii̯é, i̯ii̯ó) Т. i̯êi̯u (s-ńêi̯u); aný i̯ix i̯im s-ńimi. — tot to, taγó, s-ťem; ta, toi̯; мн. ty. Ср. употребленіе въ выраженіяхъ какъ ďéu̯ka-ta, zanav́éskъ ta. Болѣе чѣмъ tot употребительно, повидимому, toi̯, ср. ниже. — i̯étъt i̯étъ, i̯étъγъ, i̯étъmu, Т. и М. отмѣчены то какъ i̯étym, то какъ i̯étъm; i̯éta (-tъ), Р. -tъi̯, и т. д.; мн. ч. i̯éty (ľúďi, žóny). — toi̯ сред. р. tói̯e (Р. taγó и т. д., какъ tot); жен. родъ tái̯a, Р. Д. М. tyi̯, têi̯ и toi̯, В. túi̯u, Т. têi̯u; мн. ч. týi̯a, têi̯ä и ťei (напр. ťei ľúďi), ťex ťem и пр., какъ tot.

Къ «самъ» И. мн. ч. отмѣченъ какъ samý («samý b̓ýľi» сами были, т. е. тамъ), sáḿi и sámъ: «aný tam sámъ (sáḿi) b̓ýľi»; sámъ, вѣроятно, представляетъ «sámy» съ переходомъ y въ ъ по 17.

Прилагательныя.

Рядъ краткихъ формъ приведенъ въ началѣ Приложенія. Формы длинныя нѣсколько расходятся, въ зависимости отъ согласнаго, къ которому примыкаютъ окончанія. 1. Окончаніямъ предшествуетъ губной или велярный: xramói̯ -móγa и пр.; xrъmái̯a Р. xramýi̯ Т. xramýi̯u и пр.; мн. ч. xramýi̯ä -mýx и пр. — takói̯, сред. р. -kói̯ä, какъ xramói̯, Т. takým; takái̯ä takýi̯ и пр.; takýi̯e (-ýi) -kýx -kým и пр. Ср. еще напр. «u druγýi̯ žańé» у другой жены; мн. ч. къ ṕľaxói̯: ṕľaxýi̯e (въ скорой рѣчи прибл. «ṕľaxýy»). Им. мн. ч. колеблется между окончаніями -ýi̯a -ýi̯ä -ýi̯e (-ye), и -yi, въ зависимости, повидимому, отъ придаваемаго отдѣльному случаю вѣса. — 2. Окончаніямъ предшествуетъ зубной; вмѣсто y передъ i̯ тогда является ê, но не постоянно. Ср. отъ kasói̯ Р. жен. р. «at kasêi̯ žańé», И. мн. ч. kasêi̯ä (но kasýx kasým

и т. д.); такъ же напр. xuděį, moładěį; baľněį, Т. baľnéįu (и -nóįu), мн. ч. baľněįe, но baľnýх. Род. svätýį (vadý святой воды, И. svitáįa) можетъ быть церковнымъ. Но встрѣчаются также формы какъ «alľanyį ńiťki ńétu», при -něį и -néį (или скорѣе съ переходнымъ отъ у къ е звукомъ, ср. въ § 15), «moładýįe ľúďi», xudýi и др.

Къ неударяемому виду окончаній ср. напр. dóbrъį, сред. р. dóbrъįä, Р. dóbrъγa, и т. д.; жен. р. dóbrъįa Р. dóbrъį (иногда скорѣе -yį), Т. dóbryįu; мн. ч. dóbryįä или -bryi. Характеръ предшествующаго согласнаго при неударяемыхъ окончаніяхъ не играетъ роли[1]). Но сказанное въ § 15 дѣлаетъ понятнымъ, что наблюдатель нерѣдко колеблется въ выборѣ между ъ и у. Такъ, въ моихъ запискахъ, при обыкновенномъ -ъį въ И. ед. ч. муж. р. (čórnъį žóskъį bъγáťъį kŕépkъį spaz-ďéminskъį ṕéγъį ťíxъį máłъį, а иногда, понятно, -oį, напр. zdaróẃoį), я нахожу напр. źeľónyį, γrámotnyį, а въ другихъ случаяхъ колебаніе между тѣмъ и другимъ; подобно въ И. В. ср. ед. рода, напр. dóbrъįä и dóbryįä (póľä). Съ другой стороны въ Т. ед. ч. жен. рода, при ударяемомъ -ýįu, неударяемое окончаніе отмѣчено то какъ -yįu (dóbryįu), то какъ -ъįu (b́édnъįu, boγáťъįu); съ послѣднимъ совпадаетъ — не знаю, вообще ли или только иногда — Вин. падежъ (b́édnъįu, boγáťъįu), хотя подъ удареніемъ видимъ, напр. sľapúįu. И въ И. мн. нахожу, при -yįä, -yi, еще и -ъ[į]i: b́édnъ[į]i, boγáťъ[į]i. Въ Т. и М. ед. ч. (ср. tupým toparóm, v́istawým и др., а М. -wóm) отмѣчено въ неударяемомъ положеніи (случайно?) лишь -ym: b́édnym, boγátym — хотя здѣсь не имѣемъ į послѣ гласнаго. — Стóитъ указать, что такая форма какъ γrámotnyį для И. ед. ч. нерѣдко соединяется съ замѣтнымъ побочнымъ удареніемъ -ỳį; это затрудняетъ рѣшеніе, является ли у на мѣстѣ ъ лишь вслѣдствіе характера окружающихъ звуковъ, или нужно считаться съ извѣстнаго рода «Dehnstufe» (ср. замѣтки въ § 7); колебаніе вокализма въ зависимости отъ придаваемаго слогу экспираторнаго «вѣсу» намъ вѣдь извѣстно изъ разныхъ оттѣнковъ И. мн. ч. (-yįa -yįä -yįe): произношеніе -įa, -įä связано съ болѣе или менѣе явнымъ «побочнымъ удареніемъ» («sľäṕýįä»: «sľäṕýįe»); тоже самое замѣчается отчасти и въ отношеніи -įa: -įe въ И. В. ед. ч. ср. рода

---

1) Особо стоитъ «xaróšäį-ävós» хорошій овесъ, гдѣ сравненіе со слѣдующимъ ä- изъ a- привело меня къ писанію -šäį; остальныя формы какъ обыкновенно: xaróšъγa и т. д. Стоимъ ли дѣйствительно передъ -ай, встрѣчающимся, какъ увидимъ, въ ближайшихъ говорахъ?

(«sv́étl̓ъi̯à ńób̓ъ»: «durnói̯e wŕéḿa»)[1]). Особенно трудно, однако, то, что хотя мы и чувствуемъ внутреннюю связь, но въ сущности не можемъ рѣшить, чтó въ этихъ явленіяхъ считать причиною, а чтó слѣдствіемъ. — Нѣсколько иначе, повидимому, обстоитъ дѣло съ отношеніемъ -i̯a (-i̯ä, -i̯e): -[i̯]i или просто -i) въ И. мн. числа; -i, повидимому, встрѣчается чаще при удареніи на корнѣ (dóbryi tónkyi tól̓styi stáryi), однако иногда также при удареніи на окончаніи (takýi); -i̯a -i̯e имѣется, на сколько вижу, безъ различія въ обѣихъ группахъ. Какъ объяснить такую разницу, не знаю. Но какое бы ни было происхожденіе и первоначальное отношеніе того и другого, нынѣ они не стоятъ въ звуковой альтернаціи другъ съ другомъ. Это видно изъ того, что -i сохраняется также при сильномъ побочномъ удареніи: b̓édnъ[i̯]ì, b̓oγátъ[i̯]ì.

Окончанія мягкихъ основъ соотвѣтствуютъ окончаніямъ (неударяемымъ) твердыхъ; стóитъ только замѣщать ъ (y) переднимъ ирраціональнымъ гласнымъ (i, ε); ср. напр. ś́íńεi̯ (-ii̯) ś́íńiγъ (-wъ) ś́íńimu и т. д. Въ И. ед. ч. муж. р. имѣю изрѣдка -ei̯ (av́éčei̯) и -êi̯ (v́iśéńńêi̯; ср. ударяемое tŕit́éi̯, при tŕét́ii̯), обыкновенно же -εi̯, -ii̯ (-i[i̯]: zd́éšńi[i̯], u̯čerášńi[i̯], paróžńi[i̯]); къ этому колебанію ср. оттѣнки о-ъ-α-у въ области «задняго ирраціональнаго»[2]). Въ И. жен. р. я слышалъ постоянно -ii̯ä, ii̯e: xarόšuńḱi[i̯]e ḿil̓íńḱii̯e dl̓íńńińḱii̯ä и под.; ср. выраженіе «ṕi̯áńisъ̥, i γόŕḱi[i̯]ä». Съ этой формой совпадаетъ И. сред. р. «mál̓εńḱi[i̯]ä (-i̯a) wóźera» маленькое озеро. Въ И. мн. ч. я постоянно слышалъ -ii: xaróšuńḱii, ḿil̓íńḱii; -ii̯ä я (случайно?) не отмѣтилъ. Изъ прочихъ формъ, насколько я ихъ отмѣтилъ, стоитъ указать лишь на выраженіе «kážńi[i̯]a γόdu» каждаго года, въ скорой рѣчи, при болѣе медленномъ kážńavъ; не произошло ли оно отъ *kážńiγa, на основаніи *kážńaγo?

Приведенные примѣры показали, что въ группу мягкихъ основъ вошелъ рядъ основъ на -k, смягченное предшествующимъ согласнымъ: mál̓íńḱii̯ xaróšuńḱεi̯ γόŕḱii̯ и под. (Прил., 110); сюда принадлежитъ также papόwśḱi[i̯]; иначе напр. γub̓érskъi̯ (ср. выше t́íxъi̯, kŕépkъi̯ и под. образцы).

---

1) Такое побочное удареніе, повидимому, и «спасаетъ» -i̯a въ И. жен. р.: xal̓sťína b̓él̓ъi̯à, sъróẃъi̯à, ср., безъ такого выдвиженія, чаще -i̯e: sl̓ípái̯e слѣпая, ŕéćka mál̓íńḱii̯e (мягкая основа, ср. ниже).

2) Случаи какъ «v́iśéńńъwъ dńa», «kážńavъ γόdu» указываютъ на заимствованіе окончаній изъ твердыхъ основъ. Не указываетъ ли на то же направленіе приведенное выше -ei̯ въ И.?

— Краткая форма сравнительной степени выказываетъ сильную смѣсь, частью вслѣдствіе двойныхъ формъ, частью изъ-за неопредѣленности и колебанія гласнаго оттѣнка послѣ шипящихъ. Къ -ѣе ср. напр. skoŕé[i̯]i, śḿiĺéi при -éi̯ä, x̂itŕéi̯a; какъ видно, -i и -i̯ä чередуются, по не вполнѣ какъ -i: -i̯a въ И. мн. ч. положительной степени, ср. выше. — Развитіе окончанія -е послѣ согласнаго не шипящаго также не причиняетъ затрудненій; ср. напр. ďišéu̯ľe (-ľä), šýŕä шире, ƀóľä болѣе, γĺúƀe глубже; ср., съ развитіемъ въ -i, «i̯on po-stáŕi ḿińé» онъ старше меня. — За то послѣ шипящихъ встрѣчаемся съ сильнымъ разнообразіемъ. Въ одномъ случаѣ имѣю -i (-i̯): ƚútši (-ši̯) [1]); съ тѣмъ согласуется, можетъ быть, zdaróu̯šy̌ [2]), ƀólšy (ср. однако ниже). Чистое о я отмѣтилъ въ xúžo; не забудемъ, что -о можетъ быть видоизмѣненіемъ -ъ; а къ употребленію -ъ я склонялся иногда въ ƀólšy (см. выше), и имѣю ъ далѣе въ sƚápšъ слабѣе, ďišéu̯šъ, ťóńšъ, и частью въ ḿéńšъ. Но «больше» записано еще и съ обыкновеннымъ -е: ƀólše, ср. иногда ƚútše, а далѣе ẹ въ vy̌šẹ, ḿéľčẹ, -ä въ kŕépčä. Всего чаще я записывалъ неясное ə (ср. нѣм. e въ Gabe): ƀólšə ďaróžə po-maƚóžə ťóƚššə ḿéńšə (ср. выше -šъ) ḿéľčə ľékčə ḿákčə. Не умѣю разобраться въ этой путаницѣ. Наблюденія затруднялись еще и склонностью къ безголосному произношенію конечнаго гласнаго (§ 12). — Изъ длинныхъ формъ сравнительной степени нахожу въ своемъ матеріалѣ лишь stáršyi̯ (staršói̯).

Числительныя.

Отклоненій отъ Ивонинскихъ формъ я не замѣчалъ. «Четыре» я записалъ здѣсь въ видѣ śatýŕi (ś изъ č). Какъ въ Ив., затрудненіе причиняетъ сочетаніе -дц-; имѣю и tc (aďínnъtcat́) — подъ сомнѣніемъ, не правильнѣе ли писать просто с — и dc (ťŕinádcàť», съ сильнымъ побочнымъ удареніемъ и яснымъ а) и ds (dv́inádsъť), иногда со слабымъ удлиненіемъ d (ṕitnád̄sъ̥ť); послѣдній гласный иногда исчезаетъ совсѣмъ («ďivitnádcť» или «-tsť»). О примыканіи tc, dc къ предшествующему гласному см. въ 13.

Добавлю, что ряды aƀói̯ix aƀói̯im и пр., и aƀéi̯ix aƀéi̯im и пр. употребляются безъ различія родовъ: aƀói̯ix или aƀéi̯ix śistór, и под. Такъ и говорятъ, напр., u wadńéx mužukóu̯ у однихъ мужиковъ.

---

1) Или «ƚútči»? При эмфазисѣ получается «ƚútči», какъ будто съ усиленіемъ, чтобы поддерживать звонкость -i помощью побочнаго ударенія.

2) Если не считать -y «Dehnstufe» ъ, въ виду сильнаго побочнаго ударенія.

Глаголы.

Въ окончаніяхъ е'овыхъ 1 л. мн. числа подъ удареніемъ отмѣчено правильно на -'om: pałźóm; въ прочихъ лицахъ (заимствованныя) формы съ о, напр. bi̯oš при bi̯eš, повидимому, рѣдки. Въ остальномъ укажу на Ив. — При выраженіи «i̯on ui̯éxači» слышимъ «i̯on ui̯éxъmši», далѣе напр. «i̯on śъγódńä vy̌pimši», гдѣ -ši вм. -šy (-šъ) возбуждаетъ вопросъ, не чужія ли такія формы.

Отдѣльные глаголы.

I. A. ńasu ńiśéš ńiśét ńiśóm ńiśéte (-tä) ńasút; ńos ńisłá ńeslí (также pŕi-ńêslí); ńêś.—vazú vizéš; pŕi-vós -vizłá; vêś. — mätú mitéš; mot milá meĺi; mêś. — plätú pĺêtéš; s-plot s-pĺilá spĺeli; pĺêś. — γńätú γńitéš; γńoł γńiłá γńeĺi; γńêś. — γŕäbú γŕibéš; γŕop z-γŕibłá z-γŕäbĺí; γŕêś. — paku pikéš; pok pikłá päklí; pêč (-ś). — u-ťakú, ťêč(-ś), вполнѣ какъ pakú. — bεŕaγú bêŕêγéš bêŕêγét bêŕêγóm bêŕêγéte bêŕaγút; bêŕêγí, -íte; bêŕóx bêŕêγłá bêŕäγĺi; bêŕêś. — sťêŕaγú, вполнѣ параллельно съ предшествующимъ, только лишь въ прош. отмѣчено sťiŕóx. — Ср. еще śakú śêkéš; śekí; śek śékła; na-śêč (-ś).

zъ-pŕaγú -pŕiγéš, za-pŕóx -pŕiγłá -pŕaγlí; za-pŕêś (-č).

tałkú tałkéš; pъ-tałók pъ-tъłkłá pъ-tałklí. — pałzú; s-pałós s-pъłzłá s-pъłzlí (ъ въ послѣднемъ, очевидно, по аналогіи).

mažú (maγú) móžyš; mox mъγłá maγlí; pa-móś.

u-mrú -mŕeš; u-mór -mirłá -merlí.

kĺanú; kĺał kĺeli. — Ср. еще наст. вр. ŕavú ŕivéš, повел. ŕeví, по неопр. ŕivét (ср. литер. языкъ).

I. B. barú bêŕéš (biŕéš); brał bráli; brať; прич. abó-brъn — tku tkeš или takú takéš; tki; tkał tkáłα; tkať. — žwu (жую); žví; žwał; žwať; žwan.

II. Примѣры: tanú tóńiš; pъ-tanúł; tanúť. — ťänú ťáńiš; ťańí; ťänúł; ťanúť. — Краткое образованіе прош. вр., напр., къ aźábnu aźáp, къ kísnuť prakísło.

III. 1. A. znái̯u znái̯iš; znať. — dúi̯u dúi̯iš; duť. Ср. i̯on miné-búi̯iť т. е. обуетъ. — 3. ед. ч. γŕéiť; γŕéło; γŕêť. Такъ же zŕêť. — Пою: pei̯ú pii̯éš pii̯éť... pei̯úť; pel péła или piłá, мн. péli; pêť (собственно формы наст. вр. принадлежать къ «пѣять», ср. Дем.). — bŕéi̯u bŕéi̯iš; bŕêi̯; bŕił; bŕiť. — vy̌i̯u; vył; vyť. Такъ же myť, kryť. Къ płyť ср. 3 ед. «płyi̯éť łótkα». — li̯u;

pa-ľêi̯; ľiť. — ṕi̯u ṕi̯eš; ṕêi̯; ṕiľ ṕiľá; ṕiť. Подобно b́i̯u b́êi̯ b́iľ (b́iľa) b́iť; v́i̯u v́iť. О p, b, v передъ i̯ см. въ § 16. — ši̯u ši̯eš; šêi̯; šyť.

ḿeľú ḿêľiš; ḿeľí; maľóľ; maľóť. Ср. kaľú kóľiš, прош. na-kaľóľi.

III. 1. B. a) śêi̯u śêi̯iš; śêi̯aľ (и -i̯ъľ); śêi̯eť (-i̯ɛť, -i̯iť). — śńex tái̯iť; rъs-tái̯ъľ; неопр. tái̯iť. — bái̯u; неопр. bái̯iť баять. —

Глаголы на -овать -ую, -евать -юю ввели -u- настоящаго времени и въ неопр. наклоненіе: pľúi̯ú; pľui̯; pľuwáť. — karówa súi̯iť; suwáľъ; неопр. suwáť. — kui̯ú; kuwáť. — kľúi̯ú kľuwáť. (Ср. напр. tъrγúi̯u tъrγuwáť и под., III. 2. B).

b) ďŕiḿú dŕéḿiš; ńi dŕeḿí; dŕimáľ; dŕimáť. — sýṕi̯u sýṕiš; sýръť. — v́äžú v́äžyš; v́izáť. — mážu mážyš; mázαť. — pľáču pľáčiš; pľákαť. — xaxóčiť, xъxъtáť. — skáčiť, skъkáť. — pľášyť, pľisáť. — bŕéšyť, bŕixáť. — ṕišú ṕišyš, ṕisáť. — paxú pášyš, pъxáť (po-). — Но pъľъskáť: pъľъskáïu.

III. 2. A. Достаточно пары примѣровъ: ďéľъi̯u -[i̯]iš, ďéľъť. rab́ótъi̯u, rab́ótъľ, rab́ótъť. Сюда же mái̯u имѣю, («i̯a mái̯u śib́e ľes») maľ, mať («ńä b́úďiť mať», ср. ниже ḿêť).

uḿé[i̯]iť, uḿéľ, uḿéť. Сюда ḿêi̯u имѣю («i̯on ḿêi̯iť sab́é-i-ľés»), прош. ḿeľ, ср. выше mať.

B. Къ tъrγuwáť см. подъ III. 1. B.

IV. A. xαraḿú xaróńiš; xαraḿíľ; xαraḿíť. — dai̯íť доить ударяетъ въ наст. вр. dai̯ú dai̯íš или dai̯ú dói̯iš. — Какъ въ Ив. 1 л. ед. ч. уравнено въ конечномъ согласномъ къ прочимъ лицамъ: rub́i̯ú (рублю); rub́í; rub́íľ; rub́íť. Ср. γuďíť: γuďú; γľáďiť: γľáďu; kruťíť: kruťú; kváśiť: kváśu. — spať: sṕu sṕiš, прош. spaľ.

Какъ видно въ Прил. подъ 69, неударяемое -iľ склоняется къ переходу въ -'aľ -'äľ -'eľ: kváśeľ (kváśiť), strói̯eľ, γľáďeľ (-äľ), núďeľ (-aľ), ispóŕťaľ, maróźaľo (морозило); иногда звучитъ α или о (т. е. собственно ъ) въ конечномъ слогѣ: skaróďαľ, atv́êťαľ, kľêi̯oľ (клеплъ). Ср. еще výраľ или výроľ выпилъ.

IV. B. γrom γŕiḿíť, γŕiḿéľ.—vodá ḱiṕíť, ḱiṕéľα—γľažú γľeďíš, γľiďéľ.—śäžu(!) или śiďú śiďíš śiďíť или śäďiť ...śiďáť; пов. śɛďí. — v́eľú v́eľiš; v́êľéľ (v́ɛ-?) жен. р. v́iľéľo. — pťíca ľeťíť, ľiťéľъ, неопр. ľiťéť. — zv́ińíť звенитъ, прош. zv́ińéľ. — γaŕíť горитъ, прош. сред. р. γaŕéľъ. — ľažú -žýš, прош. ľižáľ. — ďäržú ďéržyš; ďäržý; ďeržáľ. — stai̯ú -[i̯]íš, stъi̯áľ.—bai̯úś ba[i̯]íśśa -ítsa -ímśa (-śi) -íťiś boi̯átsa; ńä-bói̯śä ńe-bói̯ťiś; bъi̯áľśi -ľъś (ср. «ńä-bóś, ńä-tróńiť»). — xačú xóčiš; xaťéľ; xaťêť (ср. «što xoš»; «xuť i tak»).

Приведемъ здѣсь b́aγú b́eγíš... b́áγúť, неопр. b́êč, бѣжать.

V. dam daš daś daďím daďítä dadúť; dai̯; daľ dαľá dáľi. Ср. еще

формы «a tý prъdaśi ḿńe?» «prъdája̯-mńe» (но «mńe prъdáj!»). — jem ješ jeś jedim jedite jidat; ješ ješta. Ср. пов. «pajeśi ušó»!

19. Замѣтки къ вопросамъ «Программы». Числа безъ предшествующаго стр. указываютъ на вопросы «Программы для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ» СПб. 1900 (изд. II Отд. Ак. Наукъ).

Изъ области ударенія существительныхъ отмѣтимъ, къ вопросамъ на стр. 3, слѣдующія формы: rъd-mastóm, rъd-ńizóm, rъd-bakóm. — abúxъm или abuxóm (и «buxóm»?). — u-nači at-nači или at-nóći, но na-páḿeti или páḿita (т. е. -тѣ), u-wółosti; въ кафтанѣ: u-kołtańé. — u-damú.

svińú (!); γaławú и γółъwu; въ этой области вообще сильная смѣсь.

g-źiḿe при g-źiḿé, но только ob źiḿé; stań k-sténä или k-stińi, по na sťińé; k-storońi или k-stъrańé, но na stъrańé.

Много двойныхъ формъ находимъ въ прилагательныхъ (Прогр. стр. 5), какъ то γъładnój при γałódnъj, žałtój при žóltъj, tałstój при tółstъj, ťasnój при ťésnъj (-yj), čisnój при čésnъj, ḿełkój при ḿéłkъj, staršój при stáršyj, xitrój при xitrъj; ср. pervój при pérvъj (pérvъj), tritéj при třétij.

Приведемъ въ этой связи рядъ краткихъ прилагательныхъ формъ (Прогр. стр. 6): γъładón γъłъdná γъładnó γъładný — но smiŕón: smírnα, smírny. — b́éd́en bidná или b́ednъ, сред. р. b́ednъ, мн. ч. b́edny. — kiśeł kisłá или kísła (мн. kísłyi, форма длинная); подобныя двойныя формы въ жен. р. отмѣчены въ słipá: słéra, žywá: žýwa, mъłъdá: młáda, viliká: véłika, słъbъdná: słabódnα, bъγъtá: bъγátα, zdъrъwá: zdarówa, šъrъká: šyróka. Въ среднемъ родѣ ср. dъłakó: dałókъ, dαłičó: dałéčә, γłubakó: γłubókъ, visakó: visókα, ťamnó: ťómnα, γažó: γóžә, dužó: dúžә, ładnó: ládnъ, ťapłó: ťópłъ.

Чтобы различное удареніе обусловливало различное употребленіе, я не замѣчалъ.

Къ муж. роду ср., кромѣ приведенныхъ γъład́ón, smiŕón, b́éd́en и kiśeł, далѣе žýŕen, ťópeł, búien, mółot, łóγъk, ḿákъk (! Ср. длинную форму ḿáxkъj).

Къ списку на стр. 7 приведемъ: uwizd́é или uwézd́e (вездѣ), spirwá или spérwa (сперва), papiŕók или pópiŕek (поперекъ), patóm или pótъm (потомъ), uḿéśťe или uḿiśťá (вмѣстѣ), jizdali или izdαłá (издали).

(dve värstý, и т. д., но:) dwa ŕádъ или dva ŕidá, tři bráta или tři bratá, dva bárskyx dvorá (dъmá) при dvóra (dóma). — ṕäcážen или ṕäcažón или же ṕäcážnъu (пять саженъ).

Стр. 8: Въ причастіяхъ страд. залога говоръ выказываетъ массу

двойныхъ удареній, напр. pŕḭv́éźina (ср. въ Ив.) или pŕiv́iźónα — повидимому безъ всякаго различія въ значеніи. Колебаніе показываетъ, что не выработалось еще нормальнаго типа; этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго изслѣдованія, на которое мнѣ не хватило времени.

Вопр. 21. Я отмѣтилъ zapĺóťiš (къ zъpĺaťú), въ остальныхъ же приведенныхъ словахъ a, напр. váŕiťe, (и kaznú, krasú, podaŕíť).

22. unawóžyvať, но «ustráivať xaróḿinu, zaďvórъk». zav́órťъvať (-tovať).

23 сл. освѣщены въ §§ 14, 15 и 17.

34. Опять: ip̍áť; объ iná см. въ Морф.

36. umýḭúś. ŕýḭú. «pakrý[ḭ]im krýšku». volk vý[ḭ]iť».

37 сл. освѣщены выше, особенно въ §§ 14, 15 и 17.

49. Отмѣченъ случай śiv́irnъḭ сѣверный, повидимому, единичный.

50—51, а также слѣдующіе вопросы получили свое освѣщеніе въ общемъ моемъ изложеніи. Касательно 54 укажу на § 16, «лабіо-веляризацію». Другихъ случаевъ «дифтонгизаціи» я не замѣчалъ.

55—56. Говорятъ kumáŕ, комаръ, Р. мн. ч. kumaŕéḭ (около Сильковичъ kъmáŕ), ḭúnuš юноша (ср. въ Ив. ḭúnux), ḿerĺúγa берлога, xuť хоть (см. подъ глаголомъ хотѣть въ § 18), up̍áť опять при ip̍áť (ср. выше 34). — При tuĺúp слышится toĺúp. Въ прочихъ приведенныхъ примѣрахъ мѣны о на у или обратно не найдено. — Укажу здѣсь на форму ƀoxmъŕá (ƀъx-) для бахрома.

58. Говорятъ dryžíť (at xóĺъdu). Въ остальномъ говоръ согласуется въ приведенныхъ примѣрахъ съ литер. языкомъ; ср. также kroṷ Р. krówi кровь, krъv́ányḭ кровяной. drъvá Р. droṷ дрова. ƀróv́i Р. ƀroṷ брови (см. Морф.) ƀĺoxá Р. ƀĺox. ḭáƀĺъkъ. Добавимъ kŕot Р. kŕota кротъ.

59. duruká γusuká rukuwá xrustuĺá (но duraḱí γusaḱí). — kružuwá mužuḱí puzuŕók; muzuĺí. Укажу на изложеніе въ § 17.

60—61 можно оставить въ сторонѣ, указывая на мое изложеніе фонетики.

62. ńóƀъ небо, xŕos xŕósťik крестъ -тикъ, učóbńik; paďóńšyk (отмѣчено также -šik), съ о болѣе или менѣе близкимъ къ ö, согласно съ его положеніемъ. — Но: ďéŕžyť, zaďéŕška, atšéĺ, a-ńéḭ, sa-ṷśéḭu со всею и под.; ĺéśĺi если, ḭéś есть; spĺéťńi; vaĺéžńik.

63. ĺipéškъ и daĺƀéškṷ. ťéšša теща. ĺéžmä (ĺäžýť). Вин. её: ḭiḭé и ḭiḭó. Въ прочихъ приведенныхъ словахъ о. Отмѣтимъ ťiŕózovъḭ трезвый, ďórγъť, žóskъḭ. О 1 л. мн. ч. -'om, напр. daḭóm, ср. Морф. — γńózdy Р. γńos, zv́ózdy Р. zv́os; v́ódry; śódĺy (Р. śiďóĺ, ед. ч. śädĺó).

65. i̯étъt, ср. Морф.; i̯éntъt.

66. Я слышалъ i̯ínъči̯ (иначе) i̯ívъ i̯ístъŕi (изстари) i̯ídoľy i̯íššu̯ť (ищутъ) i̯ívêń (иней) i̯íḿa (-ḿe, мн. ч. i̯iḿiná) i̯íwa i̯ízv́êś (Р. i̯ízv́ɛźi) i̯ískъra (искра) i̯írxъ (ирха) i̯íľem i̯íš-ty (ишь-ты) i̯íššuť (ищутъ) — все съ явственнымъ i̯, у моего источника не рѣдко съ фрикативнымъ j. Но iván iγráť izb́á id́íť (итти) izv́éskъ iskáł (ср. ńi maγú-i̯skáť) ikónъ inói̯ izdαĺá (при i̯ízdaĺi издали). Ср. однако i̯i- въ неударяемомъ положеніи въ i̯ikrá («rýba ḿéčiť—kidái̯iť—i̯ikrú») и въ выше приведенномъ i̯iḿiná. — maï, naraïť и под.—i̯ei̯có яйцо, мн. ч. i̯éi̯cy Р. i̯ii̯éc, въ скорой рѣчи просто iéc. Послѣдніе примѣры освѣщаютъ мое «[i̯]», о чемъ я высказался выше. Старую редукцію и потерю начальнаго i видимъ въ čḿêń, при i̯čḿêń ячмень, въ ḿêť и mať, имѣть (§ 18).

68—69. Приведемъ форму kaŕv́iγъ (коврига). Примѣры «Программы» вообще сохраняютъ въ Коб. свое i, подъ и передъ удареніемъ; съ e отмѣчено лишь xvaťéra квартира. Иначе послѣ ударенія: b́áŕen, u̯ľad́íḿer (а можетъ быть скорѣе -ḿъr; ср. b́éŕъx берегъ); továrъš, см. ниже подъ 70. Цѣлую категорію представляютъ формы прош. вр. на -илъ, гдѣ говорятъ то ’a ’e, то ’α (’ъ) ’o: výṕał (выпилъ, но ср. 1 л. мн. ч. «dъvái̯ výṕi̯im», не -am), γľád́ał (-d́eł), ispórťał, strói̯eł, núd́ał (-d́eł), maróźało; skaród́αł, atv́éťαł, kľéi̯oł (клеилъ). Дальше «склонности» явленіе впрочемъ не развилось; очень часто говорятъ -ił, напр. udáŕił. Ср. мои замѣтки въ концѣ § 17.

70. kŕik kŕičáť stŕič kŕivói̯ skŕíṕkα xŕiś[ť]i̯áńín šəŕínka γŕiγóŕêi̯ tŕíxvon stŕiγú — но rýγъ рига, γryp мн. ч. γryb́ý. «Товарищъ» отмѣчено въ формѣ tъvárъš, см. выше при 68—69; коврижка: kъvŕíšk̬ъ. — Въ остальномъ ср. литературный языкъ: smaród́ina и т. д.

71. Отмѣчено v́isókъi̯; въ остальномъ ср. литер. языкъ.

73. Я слышалъ только b́áryńa, rýxlъi̯a źimĺá; но въ b́iŕózyńka отмѣчено «у склонное къ о»; то есть, оно ослаблено по § 17 въ ъ, а отсюда на пути въ о, притягиваясь, однако, нѣсколько впередъ слѣдующимъ ń, по § 15; ср. развитіе въ u въ слѣдующихъ примѣрахъ: kósuńka (косынька) wóddux (отдыхъ, ср. addъxáť при -dy-); но далѣе говорятъ mámuńkä (маменька), svášuńkä (къ sváxa).

74. Относительно têi̯ xudêi̯ kasêi̯ä и под. ср. Морф.

75. О формахъ какъ umuváť (b́uváť) сказано въ § 17.

76—77: не найдено примѣровъ вродѣ приведенныхъ въ Прогр.

78. kŕépkъi̯ tíxъi̯ ĺóxkъi̯ ḿéłkъi̯ ṕéγъi̯ rúckъi̯ (русскій) — ср. c въ spáckъi̯ спасскій — źémskъi̯ tónkъi̯. Но papówśki[i̯] xarósuńkɛi̯ máĺɛńki[i̯].

ďóbrъį xaľódnъį ŕéŕvъi и др.; въ мягкихъ основахъ соотвѣтствующая форма звучитъ -iį (-ɛį, даже -êį): śíńiį (-ɛį), v́iśéńńêi, ráńńɛį. Въ «овечій» отмѣчено, хотя подъ сомнѣніемъ, av́éčeį. Ср. подъ прилагательными въ Морф.

sľärbį druγóį и под., ср. опять въ Морф.

vaśíľɛį, γŕiγóŕɛį. — tímъxv́éį, ľiśéį (Елисей).

79. Сказанное въ § 12 и § 17 показываетъ, что произношеніе «по слогамъ» нужно по моему считать старшей подкладкой произношенія какъ этого, такъ и окружающихъ говоровъ. Оставляя это старшее произношеніе, развитіе принимаетъ, повидимому, нѣсколько различныя направленія. Въ Кобыльскомъ говорѣ, судя по Агееву, сокращеніе предударнаго слога пошло особенно далеко, редуцируя его гласный иногда въ совсѣмъ слабый, даже неясный звукъ. Это, однако, можетъ быть до извѣстной степени индивидуальностью.

80. 1. ľikśéį ľiksándrъ ľisav́étъ ľiśéį γraxv́énъ Аграфена (но akuľínъ) γurcý γaŕót огородъ γaŕóďńik огородникъ; ḿäńíny (ср. įíḿä, см. 66) wúḿän игуменъ пъγdá иногда spuγáľśɛ[1]) испугался kъľъ-póľä xvonáśiį (-śɛį) Афанасій.

2. Въ концѣ слова потери гласнаго не замѣчено (о «vań!» Ваня! и под. ср. Морф.); о частой потерѣ голосности сказано въ § 14.

3. v́irťänó. kóľkъľ (и kъľakóľ); ср. мн. ч. koľakľý, Т. s-kъľakľóm (и kъľkaľóm?). Но напр. ṕúγov́icъ, v́íďiľa, ćiŕómuxъy (Р. мн. ч., притомъ -mux, подобно И. ед. ч. ćiŕómux), и т. д.

81. 1. Ср. 80, 3: kъľkaľóm?

2. Указываю на только-что приведенныя формы kъľakľóm, koľakľý. Далѣе kъrváį, Р. -áįe, мн. ч. á[į]i; tъrkány тараканы. — Другихъ примѣровъ я не замѣчалъ; ср. напр. vorotá (vъrъtá) sъrъxván poľav́ínkъ xъľadnó bľaγъdaŕím u-γoľovax и т. д.

82. Приведемъ напр. «ńi-dnamú ťiб́é daľ», не одному...; пъtcá на отца; ṕŕixótαx при охотахъ; u ńäγòtńáľ у него отнялъ (черезъ ъtńáľ?); «mnóγъv́éc ḿé[į]iť» вм. -γъ av́éc, много овецъ имѣетъ; ńetu-γńa нѣту огня; awcá-katíľъś, т. е. окотилась; cenádná цѣна одна. — Для 2 укажу на приведенныя въ 80,1 формы.

83. Говорятъ amiľįán (Емельянъ). — ṕirńäśi, ṕirv́äźi, ṕirvarnúť, v́irťänó (ср. подъ 80) — но ṕiŕävóźiť, ṕiŕänóśiť, ṕiräd-wúźinъm (описка вм. -źy-?).

---

1) Ср. ćméń ḿêť máť выше 66; ихъ нужно понимать иначе, ср. частую потерю i- и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Говорятъ ďišeťína. «Сейчасъ» въ связи рѣчи стягивается въ šas. «Илюша»: iľi̯úša.

84. Вмѣсто чикать «škať» — но ṕixáť и т. д.

85. baľóγъ. «boľoźá ďéńγ-i̯éś, а tó kuťí śibé». — Но «adnó óbľъkъ» или «aďín óbľъk», мн. ч. óbľъki; stram; daľžnó; stoľp; tóľššə. — ƀernó (ƀar-) бревно, мн. ч. ƀórny Р. ƀernóu̯. — šerp и т. д.; čérťina, načerťíť.

87. rou̯ ровъ: iz rówъ; rot ротъ: u ratú, iz róta; mox: s-móxu; ср. впрочемъ подъ 88.

88. Относительно приставки гласнаго въ началѣ слова мои записки позволяютъ указать па любопытное правило. Съ произношеніемъ литературнаго языка согласуются xľeu̯ хлѣвъ, γumnó и т. д.; какъ исключенія я отмѣтилъ aƀasói̯ вм. босой, iγľép Глѣбъ, iγďe гдѣ, istrúp срубъ. Относительно развитія формъ вродѣ udъvá вдова, u̯tórńik и под. сказано въ § 13. Остаются примѣры вродѣ слѣдующихъ: ľop лобъ, Тв. aľbóm; roš рожь, mnóγъržý много ржи — но безъ предшествующаго гласнаго въ Р. iržý; ржаной: aržanói̯; Р. iľnú (ľon ленъ), ср. syľnóm со льномъ, aľľanói̯ (т. е. льняной); iľγún лгунъ; iľγóta льгота; iľvá, Р. къ ľeu̯ левъ; iľdú ńétu (льду) — но иначе ľisťéc, льстецъ —; mox мохъ, s-móxu, но при томъ Р. ъmxá, прил. ъmxawói̯ (Тв. samxóm, со мхомъ, можно дѣлить s-a или sa-); iržéť ржетъ; irv'éť рветъ; ili̯éсъ льется. Какъ сейчасъ видно, появленіе новаго гласнаго связано съ существованіемъ сильнаго «побочнаго слога» въ началѣ слова, въ видѣ сонорнаго согласнаго. Этотъ побочный слогъ устраняется, переходя при помощи приставки гласнаго въ полный слогъ нормальнаго образованія. См. мой «Очеркъ» 206. Данныя описываемаго говора отличнымъ образомъ подтверждаютъ высказанныя мною противъ Сиверса соображенія объ этомъ явленіи, см. Очеркъ же, 164.

(О ḿäńíny имянины, ḿeńíńńik, wúḿän игуменъ см. выше подъ вопр. 80).

89. pšäńíca, krapíwa, twórъx (творогъ), skwaŕéc. — karwáť, кровать, поражаетъ своимъ а (не ъ) въ первомъ слогѣ. — γъŕečíxa гречиха, i̯ískъra искра, nъrávica нравится, žъráť жрать.

tъľkanúť, mъrγanúť — но maxnúť.

(smaróďina).

támъ, tútъ, zďéšä, učiráśä (učóra).

ľiksándrъ, ḿixái̯ľъ, ṕótrъ — съ склоненіемъ женскихъ основъ на -а: Р. Д. ľiksándry, В. -dru, Т. -drъi̯u. [Съ такимъ склоненіемъ отмѣчены также ťimóxъ (В. -xu), aľóxъ (Т. -xъi̯u) andŕúxъ].

90. Можно привести sľovaxóčii̯, sъmaxótka. — О «мой» и под., о сравнит.

степени и пр. укажу на Морф. — Далѣе я отмѣтилъ здѣсь poγráť поиграть, pŕimáť, ńizv́ésnъ неизвѣстно — но ръi̯máť, pai̯ďéš, pai̯ďóm, pai̯éxъľ, ńi-uḿéľ, и т. д.

91—92. Вопросы освѣщаются столь часто встрѣчающейся у меня передачей dúma[i̯]iš, b́éγъ[i̯]iť, uḿé[i̯]iš: въ отчетливой рѣчи артикулируется i̯, нерѣдко даже j; т. е., сознаніе i̯ еще живо; но скороговорка часто (чаще) выпускаетъ его: «dúmaiš».

93. Зато формы вродѣ znái̯u, buvái̯uť, u andŕéi̯a, жен. р. b́éľъi̯a въ этомъ говорѣ постоянно сохраняютъ свое i̯.

Къ 94—96 ср. въ § 13.

97. Приставка v-, u̯-, чаще въ видѣ w-, къ o-, u- очень обыкновенна: wóśêń (-śiń) wóčiń wóźεra wóspy (ед. ч. wóspъ) wókuń wóľä wóľinkα Оленька woľtáŕ алтарь; wóddux отдыхъ wav́ós (и av́ós) vakóško. — ośïnϰ отмѣчено безъ v-; поражаетъ при томъ o-, не a-; при wod- въ wódduxъ (выше) ср. частое at-, ad-, напр. addái̯ отдай; далѣе aγóń, awcá. — wútka wúxъ (мн. ч. wúx́i P. wux; *wušy я не нашелъ) wútrъm (ср. s-ráńńiwo wutrá) na wúľicu vusý усы vuš ужъ; ṕiŕäd-wúžinъm (-žy-?), iz-wuγľá (къ ударенію ср. «at wútra dъ-v́éčira; iz wúzľα).

Юноша: i̯únuš (ср. i̯únux въ сказкахъ въ Ив.).

Сюда принадлежатъ, можетъ быть, и такіе случаи, какъ u-wadnóm dóḿe, u-wastróγ́ä? Ср. § 13.

98. damnó, sramná[i̯]ica сравняется; но unúk внукъ, ďiŕéwńä (-u̯ńä); u-waďé, u-waľińkax и под., ср. литер. языкъ.

99. ḿitrъxwán sъrъxwán xv́ódor xv́éďä axwanáśii̯ (или xwonás) — sóx́i̯a xunt kartóxa; xrancúc(!) anáx́iwna (анаѳема).

xwaťéra, kúxńa.

apraśïńi̯a (или apróśi̯a). — ľiu̯šá лѣвша.

ф на мѣстѣ хв я не нашелъ; также не хв вм. х, въ примѣрахъ какъ axóta. — Отдѣльно стоитъ «u koľtańé» въ кафтанѣ.

100. Отождествляю твердое л, съ сильнымъ велярнымъ элементомъ, вообще съ московскимъ; см. о ł въ «Очеркѣ». На розыскапія о болѣе мягкомъ произношеніи ľ мой источникъ слѣдовалъ своему обычаю, относительно чужихъ ему чертъ указывать на «Польшу», на мѣстности по направленію къ Смоленску, тамъ гдѣ pŕiťíkъwai̯úť (употребляютъ частицу «ти», о чемъ скажемъ потомъ) — понятіе, подъ которымъ Агеевъ, очевидно, подразумѣвалъ многое! Опредѣленныхъ же указаній онъ дать не могъ.

101. Рождество: raśtwó; ср. rъžáľo рождала.

102. Я не нашелъ потери d въ приведенныхъ примѣрахъ.

103. Какъ сказано въ фонетикѣ, произношеніе t́ d́ можно сопоставить съ московскимъ; свистящій элементъ, пожалуй, даже слабѣе развитъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Въ Кобыльѣ «ńä sýkajút́», объяснилъ мой источникъ, относя опять такія особенности къ «Польшѣ», туда, гдѣ «ṕŕit́íkъwajút́» — ср. выше подъ вопр. 100; въ этомъ случаѣ, какъ мы знаемъ, не безъ основанія.

106. drux doľx sapóx и т. д.; ср. произношеніе г какъ γ.

107. (takój pľaxój druγój, но) takýx takým, мн. ч. pľaxýie; «u druγýj žańé», и т. д., ср. въ Морф.

nad́ iétym śäľóm и под.

ḿéľkъj kŕérkъj и т. д., см. выше 78.

attáľkъwat́ atṕíxъwat́ zatróγъwat́ (склоняется къ -γuwat́), указываютъ на у, не на і, послѣ к γ х.

108. kъγdá tъγdá uśiγdá. — Кромѣ «jinъŕáľ» приведенныя слова согласуются съ литер. формами.

109. Приведенные примѣры согласуются съ литер. языкомъ.

110. čajkú хъzjájkä tóľḱä (и tóľkъ, заимств.?) skóľḱä, u wáľińḱax, kóśuńḱa косынька b́iŕózyńḱa mámuńḱä маменька (а также máḿinka, ср. ниже подъ 138 сл.) dliññińḱεj xaróšuńḱεj máľéńki[j] — но, напр., rúckъi русскій spáckъj спасскій tónkъi и т. д. — γľáńḱį т. е. «глянька». — ḱ подъ вліяніемъ ś отмѣчено въ rapówśki[j]; но, напр., γub́érskъi. — sáška, t́ótuškъ, bábuškъ и т. д., какъ въ литер. языкѣ.

111. ḱisľъj t́íxъ dľínnъj и т. д.: ср. лит. языкъ.

112. k-рóри; id́ét́ kuzńecú идетъ къ кузнецу; kóčki вм. къ k-: я не замѣчалъ удлиненія въ k-. — Въ «къ дереву» я слышалъ g-d́éŕiwu, а не γ-.

xto dóxtъr traxt́íг — но k-t́ib́é. Любопытно «къ чему», звучащее čamú, безъ k или x передъ č, но съ усиленнымъ, потому здѣсь яснымъ элементомъ t въ č.

Въ остальномъ ср. литер. языкъ, — только лишь «ужаснулся» получило видъ uzašnúľśi (-śa).

114. družiá (druγi), ср. въ морф. — Забота: žab́óta, ср. прилаг. žъbatlív; дразнить: dražńít́. — Обратно źiľézъ, źémčux. Вмѣсто жабры я слышалъ zábry. — Въ остальномъ ж и з распредѣляются, повидимому, какъ въ лит. языкѣ.

115. ш вм. с я слышалъ въ šyšnádcyt́ шестнадцать, škarľúра; с вм. ш въ básńа башня. Въ остальномъ ср. лит. языкъ. Объ užašnúľśa ср. 112.

116 не требуетъ замѣчаній: ы изъ и послѣ ш, ж — постоянное правило въ нашемъ описаніи.

117 слѣд. ц — твердо. Послѣ него звучитъ «ы», не и. Ср. къ тому

напр. съľuváť, наст. caľúių̯. Элементъ t выступаетъ въ ц вообще ясно, не то что въ č. — О затрудненіяхъ рѣшить, стоимъ ли передъ c, dc, ts, tc, мы уже говорили раньше.

ц на мѣстѣ c: rúckъį̯ múckói̯ (но žénskъį̯) spáckъį̯ (vóľoś spáckъi̯a; ср. въ этой связи и другія названія въ окрестностяхъ: śéŕpéck Серпейскъ; pai̯ďóm и ḿiššóck Мещовскъ, см. 123).

119. Я отмѣтилъ ćер для «цѣпь», повидимому, явленіе единичное.

120. О č въ § 13. «Кабатчикъ» звучитъ ««kъbatšik», или можетъ быть лучше «-tčik»; далѣе ср. pótčivъť, atčäwó, «ľútči» (ср. морф.), mľátčį̯ — но, напр., wóčiń очень. Объ отсутствіи настоящаго «твердаго примыканія» мы говорили раньше.

122. чн даетъ различные результаты. Хотя элементъ t въ č вообще слабъ и склоненъ исчезать, но можно слышать чн съ сохраненнымъ č: pŕiv́ýčnъ, na v́éčnъį̯ v́ék — при v́êšnъį̯, какъ kańéčnъ и -šnъ. Въ другихъ примѣрахъ сочетаніе перешло въ šn: rušńík, ďev́íšńik, śirďéšnъį̯, i̯äíšńicъ (также i̯i̯éšńa, яичница).

Передъ k я слышалъ ясное š въ выраженіи и botrášḱi «въ батрачки».

чт: póšta. Для «почти» я отмѣтилъ и pašťí и pašťí, первое съ š, подъ сомнѣніемъ. Колебаніе объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что š ž нашего говора не изъ особенно твердыхъ.

123. šúka šótkъ šêľ v́éš borš; въ концѣ слова долгота иногда мало замѣтна, а можетъ быть исчезла. Внутри слова удлиненное š распадается по слогамъ, т. е. на šš: pańéššyk v́éššy i̯äššó i̯íššyť ищетъ sv́íššyť свищетъ sv́iššéńńik ńi-potpuššái̯iť и т. д. Отдѣльно стоитъ šťi щи — по моему источнику предпочитаютъ, впрочемъ, названіе «kapústα».

Отмѣтимъ š въ ḿiššóck (выше); ср. слитіе сч: šem съ чѣмъ (сокращенное въ «šitv́iŕγá» съ четверга).

124. «Дождь»: doš и doš (послѣднее, можетъ быть, даже чаще; ср. о сокращеніи -š въ 123), Р. dъžžá (а также «dóžžu̯ ńétuťi»). — v́ižžáť, 3 ед. ч. v́ížžyť — при чемъ о собакѣ говорятъ также v́íššyť. — wui̯ižžá[i̯]iť (wъ-).

Но žďêť ждетъ, podažďí: ž притягивается впередъ вліяніемъ ď, но надо еще характеризовать его какъ ž, не какъ ž. «Возжи»: vóžžy — и т. д., какъ можно предположить.

125. Ярмарка: i̯ármъnъk.

128. Отмѣчено ḿeŕľúγa берлога (ср. подъ 55 — 56), skroś сквозь, ḿikъľái̯, ḿiḱítъ.

131. pósnъį̯ ďéń. straś, ukráś (украсть) и под. — bъγástvъ, śiróstvъ. —

ńivéskα. práźńik (γwoś гвоздь, мн. ч. γwazdí -ďéį, собир. γwóźďä). «Ноздри» называются nózγŕi.

kušýn кувшинъ, ráźi (ty γlúp, развѣ...)[1].

Мужской: muckój.

134. stram stražéńiįä dastók (досокъ) istrúp (срубъ). Но nъráv́ica (-съ) нравится, źŕa, žъŕáť жрать, záγъv́iny (zaγъwľáť).

135. Я отмѣтилъ ućińńik, mašeńńik (NB e), но ńixáńik; въ mašéńńica я колебался, писать ли ńń или ń.

ƀastýdńik, rъskás — оба съ краткимъ s. Но: rъssuždáť, rassóľ.

136. Я отмѣтилъ jáľъįa ľénta, но akušýrka, aŕmák и т. д. — Припомнимъ ľésľi, ľéžəľi если, ежели.

137. γóľup krou̯ ƀrou̯ ľúbóu̯ astáu̯ śem wóśim rup (P. ruƀľá); čer цѣпь, ср. 119. — žurav́éľ журавль, мн. ч. -wľí (-u̯ľí) P. -wľéį и т. д.

Къ 138 слѣд. укажу на § 16. Приведемъ здѣсь къ 140 примѣры ṕéśinka wóľinka (Оленька) ḿáḿinka (ср. подъ 110); къ 141 stáršyį ƀъzár śércъ (но śéŕďica сердится) — ďórγъť zaďéržuwъť ḿérskъį; къ 142 ľékče (-še или -šä?), ср. ľóxkъį, ḿákčə; къ 143 źďéšńiį ṕŕéžńiį (-ńεį) ľéžḿä kańúšńä družįá; въ первые дни моихъ наблюденій я отмѣтилъ vaľéžńik, а при ń передъ шипящимъ и paďóńšyk и -šik поденьщикъ; ср. въ § 13. Къ 144 kuźmá ṕiśmó и т. д.; отдѣльно стоитъ ƀъŕƀá борьба, ср. prόźƀa xъďƀá sváďƀa. Къ 145 ƀárskъį ďiŕivénskъį и т. д.; къ 146 póľzα póľzowať (вѣроятно пріученная форма, ср. обыкновенное -uwať), и вообще какъ въ лит. языкѣ, такъ напр. и rýƀa, traśńík (тростникъ) и т. д. Къ 148 źďéšńiį ṕŕéžńεį kańúšńä и т. д.; при Тв. iľńóm льномъ ср. syľńóm со льномъ, далѣе «sónce tak-y-ṕêkéť»; къ послѣднему ср. однако записанное при другомъ случаѣ «sónce tak i ṕäkľó»; это — колебанія, зависящія отъ той близости, съ которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ связываются слова у говорящаго.

20. Село Котово, главныя черты его говора. Съ описаніемъ Кобыльскаго говора свяжу нѣсколько краткихъ замѣтокъ о говорѣ села Котово («śäľó katówa»), собранныхъ у крестьянки 40 лѣтъ, родившейся въ той же Котовской волости, верстахъ въ десяти отъ Котова, гдѣ она живетъ безвыѣздно, между тѣмъ какъ мужъ выѣзжаетъ на заработки въ Москву. Котово лежитъ на полпути отъ Мосальска въ Спльковичи, къ сѣверу отъ Кобылья — ср. выраженіе, что Кобылье «ná-poľdńi ot-nás», съ прибавкой, по нашимъ понятіямъ странной, «a mý uš at-Kaƀýľšyny na-zαpát».

---

1) ź въ ráźi отмѣчено не разъ какъ dź; индивидуальная ли черта?

Котово отражаетъ вообще тотъ же самый типъ, какъ и говоръ Кобылья. Подчеркнемъ прежде всего сохраненіе согласныхъ со слѣдующимъ i̯, безъ перехода въ долгіе (двойные) согласные: myťi̯ó, не *myťťó. — Распредѣленіе ъ и і (ε, ĉ), задняго и передняго «ирраціональныхъ гласныхъ», соотвѣтствуетъ развитію въ Кобыльѣ. Узнаёмъ не только общее для всѣхъ описываемыхъ говоровъ отношеніе sъxá: saxú, ńä mǒžyt: ńičawó, i̯aššó еще: ńét-išše и под., и не только переходъ у > ъ въ примѣрахъ какъ «ńi sľъxáľa»[1]), «u dóbrъx ľúďḗi̯» — при «у» въ другихъ случаяхъ, какъ то «ńá-móžyt-tót ńe..., не можетъ тотъ не..., Kaḃýľšyǹy и др. —, но дальше, напримѣръ, такіе же случаи «вокальной гармоніи» (ḃaranú вм. ожидаемаго ḃъ-, борону), какіе намъ извѣстны изъ Кобылья, см. въ § 17.

Поэтому, на основаніи произношенія въ Котовѣ мы въ правѣ дѣлать извѣстныя добавочныя, пополняющія заключенія относительно нашего матеріала изъ Кобылья. Прежде всего видно, что сильное развитіе вторичнаго «оканья» въ Кобыльскомъ произношеніи, вслѣдствіе частаго перехода ъ въ о, представляетъ собою явленіе мѣстное, а отчасти, пожалуй, даже индивидуальное — хотя мы часто встрѣчаемся съ этой же чертой и въ другихъ говорахъ, дальше на западѣ. У моего источника изъ Котова случаи этого перехода, хотя и встрѣчаются, но только спорадически; могу привести, напр., ḃorъná борона; po-ṕiťí по пяти (ṕi- странно, заимствовано ли?) wóľosťi (литературно?); обыкновенно же говорилось ясное ъ («kъľъ sámъi̯ ńéruči» и под.). А подъ условіями, которыя узнаёмъ сейчасъ же, это ъ можетъ притянуться впередъ и вверхъ въ поясъ гласнаго у: «ďýčêŕḗi̯» дочерей, -уi̯ä вм. -ое напр. въ «śäľó pъŕáďъčnyi̯ä» село порядочное[2]); въ другихъ случаяхъ, и это чаще, ъ склоняется по направленію къ а («α», напр. nazαpáďä на западѣ) отчасти развиваясь въ полное а, особенно въ концѣ слова (sľýšnà); къ послѣднему вернемся ниже.

Въ произношеніи Кобыльскаго говора у Агеева, сравнительно съ произношеніемъ стараго поколѣнія въ Ив., мы отмѣтили извѣстное отклоненіе отъ распредѣленія «вѣса» слоговъ. Разница касалась слога непосредственно передъ ударяемымъ, который у Агеева замѣтно не выдвигался отъ прочихъ неударяемыхъ. По общему строю вокализма можно заключить, что это — произношеніе новѣйшее, вытѣсняющее старшее положеніе дѣлъ. Это именно

---

1) Хотя слогъ предударный, какъ увидимъ ниже, въ общемъ сохраняетъ, какъ въ Ив., извѣстный сильнѣйшій вѣсъ.

2) Къ совпаденію -ая и -ое ср. изъ сосѣдней деревни вывѣску: «чайная заведение».

подтверждается моими наблюденіями надъ произношеніемъ въ Котовѣ: судя по моему источнику, оно сохраняетъ тотъ старшій образъ рѣчи, который по всему уѣзду до сихъ поръ борется съ новымъ, ускореннымъ выговоромъ,— тотъ медленный темпъ съ яснымъ произношеніемъ каждаго отдѣльнаго слога, съ выдвиженіемъ кромѣ ударяемаго также и предударнаго слога, который я описалъ изъ Ив. Выдвиженіе слога передъ ударяемымъ выражается въ замѣтномъ удлиненіи, если слогъ содержитъ гласный «полный»; напр., въ xadī́ť, radī́ť, ľuďḗį̯, ńičawó предударный слогъ отмѣченъ съ столь же долгимъ гласнымъ какъ въ ударяемомъ слогѣ; но ъ, α, напр. въ na zαpát,— кратко. Какъ видно, это то же самое, что намъ извѣстно изъ Ив.; а съ отношеніями Ивонинскаго произношенія согласуется также интонація: слогъ непосредственно передъ ударяемымъ лежитъ — въ разсказывающемъ и подтверждающемъ стилѣ — вообще выше ударяемаго; напр., приведенныя выше xadī́ť, ľuďḗį̯ даютъ картину ¯ ˏ, ńičawó ˘ ¯ ˏ, и т. д. Низкая интонація, свойственная ударяемому слогу, отмѣчена въ случаѣ какъ na-zαpát (zъpát) въ видѣ нисходящаго тона (⌢), внутри самаго слога, ˘ ˘ ⌢; мы знаемъ это отношеніе изъ Коб.; въ какой степени оно распространено въ Котовѣ, не могу сказать.

Съ любопытной ясностью Котовское произношеніе освѣщаетъ извѣстныя явленія вокализма при томъ «побочномъ удареніи», о которомъ была рѣчь и въ Ив. и въ Коб. говорахъ. -а, -о, выступаютъ въ Котовѣ при полной неударяемости — особенно въ связи предложенія — какъ -ъ: į̯étъ это, kapústъ, máľъ мало и т. д.; но при выдвиженіи посредствомъ побочнаго ударенія, даже не сильномъ, на мѣстѣ -ъ является -а: ka'pus,tà, «ръŕádъšnà dъstaį̯étsa» порядочно достается; въ паузѣ такое -а нерѣдко сильно удлиняется: «dá, sľýšnā̀» да, слышно. Подобныя явленія замѣтны въ 'ä; напр. skóľkā̀ (по tóľkα), na-zαpádā̀[1]). А на подобную разницу въ вокализмѣ указываютъ также иные случаи при закрытомъ конечномъ слогѣ; ср. выраженія какъ v́orz-ďéšiť, v́orz-dvádceť въ скоромъ произношеніи, съ болѣе выразительными «v́orz- dvádcàť», «dv́inádcàť», съ яснымъ а.

— Изъ морфологіи упомянемъ формы прилагательныхъ на -аį̯ на мѣстѣ Коб. -ъį̯: śiľkóu̯skaį̯ wóľosťi. Не могу рѣшить, можно ли считать эту особенность развитой въ самомъ Котовѣ, можетъ быть, даже во внутренней связи

---

1) Въ выраженіи «śäľó ръŕádъčnyį̯ä» (выше) я слышалъ какъ будто извѣстное побочное удареніе въ обоихъ послѣднихъ слогахъ, -nỳ- и -į̯ä̀. Вѣроятно это явленіе особаго эмфазиса.

съ только что упомянутой склонностью замѣнить ъ конечнаго слога при извѣстныхъ условіяхъ гласнымъ а; конечно, можетъ быть, что aı̯ заимствовано. — Окончаніе -é̯i̯, извѣстное намъ изъ Коб., свойственно также котовскому говору, но не только послѣ зубныхъ, ср. напр. рḯахé̯i̯. Это обстоятельство, конечно, вноситъ сомнѣніе относительно возможности того объясненія происхожденія -é̯i̯, которое я выставилъ для обсужденія въ § 15; если же оно правильно, то употребленіе -éi въ Котовѣ также послѣ согласныхъ не зубныхъ обозначило бы обобщеніе окончанія внѣ собственно законныхъ границъ. — Изъ прочихъ явленій морфологіи подчеркнемъ — кромѣ глагольнаго типа mу̯i̯u мою и формы i̯ês, а не *i̯os для «есть» — окончаніе Р. ед. ч. муж. рода мѣстоименій и прилагательныхъ. То -γо, которое столь обычно въ Кобыльѣ, въ Котовѣ какъ будто не употребляется. Даже «чего» «кого», гдѣ -γо встрѣчается у стараго поколѣнія также около Мосальска (Ив.), звучатъ въ Котовѣ по моему источнику čawó, kawó. Свѣдѣнія, полученныя у крестьянина сосѣдняго поселенія Вятчины, подтвердили мнѣ это. Мѣстности около Кобылья, къ югу отъ Кирсановой Пятницы (включительно), которыя напр. своимъ ńi̯ ľi̯ ťi̯ и пр., безъ перехода въ ńń ľľ ťť и пр., примыкаютъ къ говорамъ съ восточной ихъ стороны, въ широкомъ своемъ употребленіи -γо представляютъ переходъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ.

III. Разграниченіе описываемыхъ говоровъ.

21. Граница ńį, ďį и под.: ńń ďď и т. д. Слѣдуя отъ Мосальска на западъ, въ говорахъ Котова — Кобылья мы стоимъ около границы появленія долгихъ (двойныхъ) согласныхъ на мѣстѣ старшаго сочетанія согласнаго съ j. Но надо подчеркнуть, что появленіе такой отдѣльной новой черты не означаетъ еще перехода въ новое «нарѣчіе»; разграниченіе нарѣчій или даже говоровъ на основаніи какого-нибудь отдѣльнаго грамматическаго явленія не только — условно, но въ сущности неправильно. Каждая звуковая и морфологическая особенность имѣетъ свои особыя границы, а одной такой отдѣльной особенности вообще недостаточно, чтобы можно было говорить о переходѣ отъ одного говора (нарѣчія) въ другой. Замѣтки относительно окончанія -γо въ § 20 ясно показываютъ, что границы разныхъ лингвистическихъ особенностей совпадаютъ въ области описываемыхъ здѣсь говоровъ столь же мало, какъ въ любой мѣстности съ лингвистически однороднымъ населеніемъ, не разрѣзаннымъ политической или экономической жизнью на группы со слабыми сношеніями другъ съ другомъ.

Однако, произношеніе долгихъ согласныхъ на мѣстѣ согласнаго + j представляетъ для условнаго разграниченія черту яркую, и потому удобную. Притомъ эта черта повидимому соединяется болѣе или менѣе тѣсно съ появленіемъ и другихъ особенностей, какъ то «i̯oś» для «есть»; очевидно, она означаетъ собою лингвистическую границу, врѣзывающуюся довольно глубоко.

Относительно упоминаемой границы я долженъ былъ довольствоваться указаніями крестьянъ. Правда, я переѣзжалъ границу нѣсколько разъ, и, такимъ образомъ, могъ контролировать данныя мнѣ указанія для иныхъ точекъ; но остается задача слѣдовать вдоль границы отъ поселенія въ поселеніе, продолжая ее какъ къ югу, такъ и къ сѣверу.

Произношеніе ṡviṅṅá, suďďá и под. начинается, отъ Мосальска въ Сильковичи, на одной дорогѣ — съ поселенія Шершнево, на другой — съ поселенія Красный Холмъ. Сѣвернѣе, на пути въ Спасъ-Деминское, оно начинается съ поселенія Холмы, Дубровской волости; къ югу же отъ Краснаго Холма съ поселенія Крутáя (на западѣ отъ Кобылья). Какъ уже сказано, эта же граница повидимому обозначаетъ вообще появленіе также формы ioṡ. Если же крестьяне къ востоку отъ этой черты, напр. изъ Вятчины, и склонны говорить, что на этой же границѣ начинается также «ти-канье», то это не вѣрно; оно только показываетъ, какъ развито у самихъ крестьянъ то чувство, что граница долгихъ согласныхъ означаетъ собой появленіе чего-то ужъ сильно различнаго отъ собственнаго ихъ говора.

Тотъ болѣе западный типъ говоровъ, который на пути изъ Мосальска въ Спасъ-Деминское начинается въ Холмахъ, также какъ будто связанъ съ извѣстной границей въ матеріальной культурѣ. Меня поразило, что поселенія къ западу, съ Холмовъ включительно, имѣли во время моего пребыванія въ данныхъ мѣстностяхъ видъ менѣе развитой; они какъ будто отставали; жители на заработкахъ занимались больше земляною работой или служили «въ коррпдорныхъ», при чемъ не такъ много отправлялось на работу внѣ родины. Женщины носили еще часто поневу, которая вообще вышла изъ употребленія ближе къ Мосальску. Впрочемъ, только еще дальше на западѣ, съ Милятина включительно, понева становилась обыкновенной, и лишь молодежь начинала вполнѣ освобождаться отъ нея. А эта послѣдняя подробность имѣетъ свой интересъ. Именно, по свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ Аристова, сосѣдняго съ Холмами, поселенія: Холмы и близкое Глазова, далѣе Дубровка (на сѣверо-востокъ), Калугова и Фомина, составляютъ особую группу, различную отъ группы Аристово — Юрина — Доброва — Неручъ; крестьяне Холмовъ и т. д. называются сосѣдями «троицкими», потому что принадлежали Троицкой Лаврѣ; они, очевидно, представляютъ переходную группу; ихъ рѣчь характеризуется для простого народа частымъ употребленіемъ частицы ńäƀý, небы. Съ поселенія же Милятино начинается, по крестьянамъ, собственно Спасскій говоръ, съ его «тиканьемъ» и всеобщимъ употребленіемъ окончанія -γo.

О мѣстностяхъ поближе къ Сильковичамъ сообщу нѣсколько подробностей въ слѣдующемъ параграфѣ. Здѣсь еще пара словъ относительно разграниченія помощью черты ńń ľľ ďď и т. д. Иныя обстоятельства возбуждаютъ вопросъ, не представляетъ ли та часть границы между ńń и ńį, ďď и ďį и т. д., которую мы указали выше, остатокъ весьма старыхъ отношеній. Невольно привлекаетъ вниманіе то обстоятельство, что мы стоимъ здѣсь при-

близительно какъ разъ на водораздѣлѣ между Угрой и Болвой[1]). Какъ уже сказано, крестьяне сами признаютъ не мало значенія за этой звуковой границей; нерѣдко все къ западу отъ нея для людей съ восточной стороны уже — «Польша».

Изслѣдованіе такихъ вопросовъ надо предоставить другимъ. За то обращу вниманіе на то, что указанная граница въ наши дни, повидимому, отступаетъ въ западномъ направленіи. Мы указали изъ Кобылья единичный случай долгаго согласнаго (по́с̆с̆и ночью, § 11). На такой случай я не обратилъ бы большаго вниманія, если бы онъ остался вполнѣ единичнымъ. Но по собраннымъ свѣдѣніямъ такіе же отдѣльные случаи не вполнѣ безъизвѣстны къ востоку отъ указанной нами границы также дальше на сѣверѣ, у старухъ въ Аристовѣ, — хотя и какъ большая рѣдкость. Очевидно, они тамъ представляютъ вымира́ющій остатокъ. Съ этимъ согласуется, что замѣчается нерѣдко колебаніе также къ западу отъ границы. Въ Милятинѣ, напр., я слышалъ źе́ll'ä зелья, по be̦l'l'ó, mye̦l'l'ó, между тѣмъ какъ немного къ югу, около Куземокъ, все говорили myt'ó (sud'd'á и др.). Можно заключить, что вытѣсненіе долгихъ согласныхъ происходитъ подъ давленіемъ съ востока, — что произношеніе съ долгими согласными чувствуется уже какъ что-то болѣе «мужицкое». А въ томъ же направленіи слѣдуютъ и другія теченія. Мы говорили выше о поневѣ. Добавимъ къ сказанному, что напр. въ Вятчинѣ носили еще нѣсколько лѣтъ назадъ поневу; во время моихъ изслѣдованій она тамъ уже совсѣмъ исчезла; а въ сосѣднемъ Котовѣ она не была еще вполнѣ неизвѣстной.

---

1) Въ какомъ отношеніи стоитъ указанная граница къ названіямъ поселеній на -ичи? Судя по картамъ, мнѣ доступнымъ, эти названія прекращаются въ данной мѣстности именно около указанной границы.

IV. Окрестности Сильковичъ.

22. Общія замѣчанія. Умная крестьянка изъ Студёновы (подъ самымъ селомъ Сильковичи), Варвара Хомкина, главный мой источникъ для слѣдующаго описанія мѣстнаго говора, дала мнѣ хорошія свѣдѣнія также касательно окрестностей. Въ связи съ предшествующимъ параграфомъ приведемъ сначала интересующія насъ подробности изъ этихъ свѣдѣній.

Люди Сильковической волости «ńe ťikaįúť» — ср. замѣчанія въ § 21 далѣе, они «ńi čaŵókaįúť — nóńčä čawókńiť xto daléče był», т. е. здѣсь не имѣемъ čawó kawó и под., какъ дальше къ востоку, по čaγó kaγó и под., то что мы нашли въ Коб. («kaḃýľšyna čaγókaįúť, kak u nas»).

«Тиканье» (напр. «ťi ḃъłá ty ťám?» вм. была ли ты тамъ) считается уже «Польшей» для людей около Сильковичъ; оно служитъ примѣтой «Деминщины» («ďéḿinšъnà»). Свѣдѣнія, данныя мнѣ названной крестьянкой касательно этой черты, согласуются отлично со свѣдѣніями, полученными потомъ со стороны Спасъ-Деминскаго. Такъ же, какъ въ Сильковичахъ съ сосѣдними поселеніями Студенова, Салова и Филиповка (ṕiľíṕkъwa), говорятъ еще, къ западу и сѣверозападу, въ поселеніяхъ Шопотова (šópotovà, sťáįskъįa vółosť), Крюкова (kŕúkowà), Маховички (mъxaví̇́šḱi), Алфимова (ałxíḿowa), Ба́хматова, Зано́зная: не «тикаютъ», а мой источникъ также не помнила, чтобы раньше тикали. Къ этой же группѣ относится, по другимъ свѣдѣніямъ, также Чипляевка (čipľáįъwka); относительно Давыдовы свѣдѣнія расходятся.

Тиканье же, т. е. «Деминщина», начинается со слѣдующихъ поселеній (съ югозапада на сѣверовостокъ): Понизовье (pańízъvà), Пе́чки Малы́шкина, Верхуличи (v́ɛrxúľiči)[1], Утрикова (wúťŕikowà), Ершовка (įäršý), Пустая, Куземки (kuźómḱi), Бѣльская (ḃiľskáįe).

---

1) О Широкой моя крестьянка не могла высказаться: u šaŕókъį ńi ḃъłá».

Изъ «троицкихъ крестьянъ» къ сѣверовостоку отъ Бѣльской (ср. въ § 21), Фомина (xaḿinó) и Зимница (źimńi̮cy, на Перекшѣ), по полученнымъ въ Спасѣ свѣдѣніямъ еще «тикаютъ», между тѣмъ какъ принадлежащія къ той же группѣ болѣе южныя поселенія: Сининка, За́мошье, Ма́рьина, не имѣютъ (болѣе?) этой особенности.

Студенова.

23. Характеризующія черты. Какъ сказано въ § 22, собранъ слѣдующій матеріалъ у Варвары Хомкиной («mъi̯á-ta íḿa? varvára xómkina, ďéŕéẃńi studónъwà pot śäĺóm śilkóvíči»), крестьянки 52 лѣтъ, не работавшей внѣ родной мѣстности. Характеристическія положительныя черты этого говора, т. е. говора Сильковической волости, даются изъ предшествующихъ параграфовъ. Имѣютъ здѣсь согласные долгіе (двойные), напр. suďďá, myt́t́ó, mýi̯u pĺát́t́a; кстати добавимъ, что въ pĺát́t́a t́t́ нетвердо примыкаетъ къ á, твердое примыканье вообще не свойственно этимъ говорамъ, о чемъ мы уже говорили при разныхъ случаяхъ. — Окончаніе -го звучитъ вообще съ γ (čäγó, sĺäpóγa, dóbraγà). — Говорятъ i̯oś вм. есть. — Говорятъ mýi̯u γýi̯u krýi̯u[1]). — Объ особенныхъ окончаніяхъ прилагательныхъ укажу на морф.

Съ отрицательной стороны отмѣтимъ, кромѣ отсутствія «тиканья», также отсутствіе «дзеканья».

Для дальнѣйшей оріентировки приведемъ слѣдующую маленькую сказку.

nu išóĺ maĺadói̯ páŕiń žónkai̯u. idóť ńima-rósše[2]). ĺiťád-ďíkъi γúśi. páŕiń γavaŕíť[3]): stádъ-to kakói̯ä baĺšói̯ä ĺéťíť![4]).

žəná i γavaŕíť i̯ämú: i̯étъ γúśi báťuškinъ. i̯on i γavaŕíť: i̯étъ ďíkъi[5]).

пъčäĺí-ny spóŕiť; i̯on γъvaŕíť ďíkъi, ana báťuškiny[6]). а γъvaŕíť na

---

1) Вм. волкъ воетъ я слышалъ здѣсь только «voĺk γuďéť».

2) Мимо рощи; -е въ rošše, чистое «открытое е», можетъ также звучать ближе къ -у; первое какъ будто указываетъ на «рощѣ», второе на «рощи»; ср. совпаденіе Р. и Д. въ такихъ основахъ.

3) Сначала я отмѣтилъ ṕáŕińä -γavaŕit, -ä котораго, м. б., только переходный гласный при перестановкѣ органовъ съ ń въ γ?

4) Постоянно ĺe-, не ĺi-.

5) Медленно ďíkъi̯i.

6) При ...báťuškina (ср. выше -nъ).

múža: i̯éslʹi ńi skážyš[7]) štu báťuškiny, to i̯a zaxvaŕái̯u. i̯on i skъzálʹ: xuť i ščas lʹážyš, a γúši ďikъi.

[i̯]iná uźilʹá, zaxworálʹa. i̯on patxóďiť k-ńéi̯: u̯stawái̯[8]), čaγó lʹiγlʹá! ana ipáť: skažý ščo (štu) γúši báťuškiny! nu i̯on i γъvaŕíť: ńilʹźá skazáť[9]), γúši ďikъi, xъť pamŕi šičás! (...,xuť pamirái̯!). nu-ná u̯źɛlʹá i paḿerlʹá[10]) (pamórlʹa).

i̯on patxóďiť γrabú[11]), šépčiť: u̯stavái̯[8]), a tó pъstávuť ťibé u maγílʹu. aná-i̯mu atvičáiť: skažý šču γúši báťuškiny! i̯on-i atvičá[i̯]iť štu ńilʹźá, γúši ďikъi.

pъstávilʹi u maγílʹu i zarýlʹi. i-tstálʹaś tám.

nu — i u̯šá!

24. Темпъ рѣчи; долготныя и интонаціонныя отношенія. Темпъ рѣчи и долготныя отношенія представляютъ въ Студеновѣ картину, сильно напоминающую Коб. Говорятъ въ Студеновѣ и вообще въ Сильковической волости съ довольно скорымъ темпомъ; хотя неударяемые слоги чаще выговариваются ясно до сихъ поръ, но ускоренный темпъ иногда начинаетъ портить ихъ, «пожирая» гласные. По словамъ моего источника, можно заключить, что этотъ скорый темпъ не совсѣмъ новое явленіе; Хомкина вполнѣ сознавала различіе этого «рѣзкаго» образа рѣчи отъ медленнаго темпа другихъ областей[12]), но такъ ужъ мы учились, сказала она, «at stárъх sva[i̯]íх raďíťɛlʹéi̯». Слѣдуетъ, однако, добавить, что по мѣрѣ ознакомленія рѣзкая (нервная?) быстрота рѣчи у моего источника нѣсколько убавлялась; произношеніе отдѣльныхъ слоговъ становилось яснѣе; т. е., промелькала здѣсь, какъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, борьба двухъ принциповъ въ образѣ рѣчи; новый же, съ ускореннымъ темпомъ, по моимъ наблюденіямъ уже держитъ верхъ, какъ въ Коб.

Въ связи съ тѣмъ слогъ непосредственно передъ ударяемымъ — опять

---

7) Съ у склоннымъ къ ъ, «skážъš».

8) u̯- конечно редуцированное, иногда безъ голоса, ср. u̥-, [u̥]- въ прежнихъ моихъ работахъ.

9) Съ яснымъ a въ ska-; ср. выше skъzálʹ.

10) paḿɛrlʹá? Спачала я слышалъ такъ.

11) Т. е. k γ-, но γ- не удлинялось.

12) Не безъ интереса ея замѣчаніе, что быстро говорятъ «всѣ тѣ, которые работаютъ».

какъ въ Коб. — не растягивается замѣтно; онъ — кратокъ, приблизительно какъ прочіе неударяемые слоги, хотя бы и содержалъ гласный «полный». Какое то ṅíčaγб, въ противоположность къ Ив. (старомодному) ˘ ¯ ⏊, здѣсь получаетъ видъ ˘ ˘ ⏊. За то сохраняется то интонаціонное отношеніе, которое намъ столь знакомо изъ говоровъ, описанныхъ раньше: при удареніи не на первомъ слогѣ слова, предударный слогъ — а можетъ быть правильнѣе предударная часть слова — лежитъ выше (со склонностью къ восходящему движенію тона), между тѣмъ какъ слогъ ударяемый выговаривается въ тонѣ болѣе низкомъ. Не безъ интереса при томъ то наблюденіе, что это интонаціонное противоположеніе, развитое, можетъ быть, на основаніи отношеній долготныхъ (§ 17), иногда какъ будто поддерживаетъ извѣстную старшую разницу, которую упомянутое выше общее сокращеніе предударнаго слога стираетъ. Мы помнимъ изъ Ив. разницу, напр., saxú (¯ ⏊): sъxá (˘ ⏊). Въ Студеновѣ новый темпъ рѣчи приводитъ, по выше сказанному, къ одному и тому же типу ˘ ⏊. Однако, сравненіе, напр., ṅъγá (ṅaγá) съ ṅaγú нерѣдко показываетъ, что интервалъ между слогами въ ṅъγá меньше, чѣмъ въ ṅaγú. Это очевидный остатокъ старшихъ, исчезающихъ отношеній.

Извѣстнымъ намъ изъ говоровъ, описанныхъ раньше, отношеніямъ соотвѣтствуетъ далѣе склонность къ падающему тону (^) въ ударяемомъ первомъ слогѣ слова: ŝîľa, ƀâpka бабка. Но какъ въ Коб., такое ^ нерѣдко является также въ ударяемыхъ слогахъ неначальныхъ: «apsťrîx» обстригъ; «ƀorodâ-to kakâja ƀъľá!» Однако, слѣдовъ связи такого ^ съ извѣстными категоріями словъ или формъ я въ Студеновѣ не замѣчалъ.

Очевидное близкое родство съ развитіемъ этихъ сторонъ произношенія въ Коб. позволяетъ ограничиться данными подробностями, указывая въ остальномъ на замѣчанія § 12.

Склонность къ потерѣ голоса въ сонорныхъ звукахъ, столь сильная въ матеріалѣ изъ Коб., здѣсь гораздо слабѣе, хотя можно привести примѣры какъ maľótkḙi̯, «ƀýtto wuzdaráu̯ľivai̯ť» будто выздоравливаетъ, и др.

25. Замѣчанія къ вокализму. Общее сходство съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ Коб., дѣлаетъ замѣчанія о консонантизмѣ лишними, и позволяетъ довольствоваться слѣдующими подробностями изъ вокализма. «ê» нерѣдко встрѣчается и въ неударяемыхъ слогахъ; напр., въ ďêŕêu̯ńa гласный оттѣнокъ двухъ первыхъ слоговъ звучалъ для моего слуха одинаково. Впрочемъ, неударяемое ê повидимому рѣже, чѣмъ въ Коб., а особенно рѣдко въ положеніи послѣ ударенія; на мѣстѣ кобыльскихъ γŕêƀêń и др., я отмѣ-

тилъ въ Студеновѣ все γŕêbiń, káḿiń, kóŕiń, ďêvîŕ. Нерѣдко, къ тому, мой слухъ колебался, писать ли (неударяемое) «ê» или «ε» (или даже широкое i). Во всякомъ случаѣ, неударяемое ê соединяется съ ε, i въ одну звуковую группу, представляющую (исключая i отъ старшаго i) «передній ирраціональный гласный», переднюю параллель къ заднему ъ, какъ и въ Коб. Ударяемое же ê появилось подъ извѣстными намъ условіями, ср. напр. pĺêś плесть, ďêń день и т. д.

Развитіе a, u въ ȧ ä, ů происходитъ подъ условіями, извѣстными намъ изъ прежде описанныхъ говоровъ. Въ названіи śiĺkövîči o развилось въ ö, выговариваемое здѣсь, въ ударяемомъ слогѣ, съ напряженіемъ (ср. ниже), т. е. съ положеніемъ языка приблизительно какъ ê, соотвѣтствуя приблизительно франц. peu. Въ сравненіи съ тѣмъ поражаетъ произношеніе i̯oś, (есть) съ о, не съ ö [1]). — Движеніе a > ä и въ Студеновѣ въ неударяемомъ положеніи часто продолжается далѣе въ e; при «śäďêĺ u ḿińé», сидѣлъ у меня, имѣю напр. «śediť on, pĺeťêť», сидитъ онъ, плететъ; открытое e внѣ ударяемаго слога, какъ въ предшествующихъ говорахъ, нужно вообще считать потомкомъ 'a.

Вопросъ о «напряженности» борется при неударяемомъ ê съ извѣстными намъ изъ предшествующихъ описаній трудностями. Ударяемому ê, навѣрно, можно приписать качество относительной напряженности, присущее вообще и здѣсь гласнымъ ударяемымъ, въ различіе отъ неударяемыхъ; особенно замѣтно это при сравненіи сосѣднихъ гласныхъ въ случаяхъ какъ syný.

Отношеніе ъ къ прочимъ заднимъ гласнымъ заслуживаетъ вниманія. И въ Студеновѣ подъ «ъ» подходитъ довольно широкое гласное понятіе; есть оттѣнки по направленію къ у, а съ другой стороны, очень часто оттѣнки по направленію къ a («α»), нерѣдко даже, повидимому, съ полнымъ переходомъ въ a. Поэтому оказывается иногда невозможнымъ рѣшить, слѣдуетъ ли считать данный случай съ a на мѣстѣ ожидаемаго «ъ» звуковымъ развитіемъ или происшедшимъ подъ вліяніемъ аналогіи; такіе случаи имѣемъ, напр., въ naγá нога, далѣе въ рядѣ окончаній въ прилагательныхъ (§ 26). Склонность къ α, а на мѣстѣ ъ, по моимъ наблюденіямъ, особенно сильна послѣ k γ x, при томъ больше въ слогахъ послѣ ударяемаго, чѣмъ передъ нимъ (напр. i̯idaĺ идолъ). Развитіе же ъ въ полное o здѣсь вообще рѣдко; можно указать спорадическіе случаи, какъ borodá, γaspodá, woĺъsá, но не общую склонность, вродѣ «оканья» въ Коб.

---

1) Въ названіи Деминское, Деминщина я слышалъ здѣсь все é, не 'o или 'ö.

— Распредѣленіе гласныхъ соотвѣтствуетъ принципамъ, извѣстнымъ намъ изъ предшествующихъ описаній. Рядъ подробностей и неправильностей освѣщается, соотвѣтственно съ образомъ собиранія, по списку вопросовъ «Программы» въ § 27. Укажемъ здѣсь на слѣдующія общія черты, особенно для сопоставленія съ изложеніемъ въ § 17 (п 15) въ описаніи близко родственнаго говора Коб.

Ослабленіе у въ ъ, откуда далѣе иногда u, въ слогѣ передъ á встрѣчается и въ Студ.: zasъpáť, «iďéš ty bъľá» гдѣ же ты была, wъpáxъwať выпахивать; umuwátsъ умываться (buwáįiť возбуждаетъ сомнѣніе); имѣю даже примѣръ передъ ó: krъľó. Сопоставленіе съ примѣрами какъ synу́, гуса́х и др. показываетъ, что явленіе представляетъ, какъ въ Коб., спорадическое распространеніе и на гласный у общаго для всѣхъ этихъ говоровъ принципа «vъdá», т. е. привычки имѣть въ слогѣ передъ á гласный «ирраціональный». — Обратное движеніе, такъ сказать «усиленіе» ъ предударнаго слога въ у, я отмѣтилъ въ единичномъ примѣрѣ poľytńánaį полотняный.

Отклоненія отъ обыкновеннаго правила для употребленія ъ: а замѣчаются здѣсь, какъ въ Коб., въ началѣ слова. При ожидаемомъ aťés ср. неожидаемое adná, apľitáį оплетай. Вообще имѣю лишь одинъ примѣръ съ ъ- (и это въ слогѣ передъ á): ъkťábŕi, при ak-, октябрь; ср. § 27,131.

Мѣна i (ε, ê): ’a (’ä, ’e) въ предударномъ слогѣ выказываетъ такія отклоненія отъ принципіальнаго правила, которыя намъ опять извѣстны, особенно изъ Коб. Находимъ и въ Студеновѣ часто i (ε, ê) въ слогѣ передъ ударяемымъ слогомъ, содержающимъ е. Прежде всего въ наст. вр. глаголовъ какъ śńasú снесу: śńiśéš, pľatú: plêťéš и под.; однако, явленіе не представляетъ проведеннаго правила, ср. е въ pľeťéť плететъ, pľcťóm плетемъ, ä въ pońäśóm понесемъ. Приведемъ далѣе случаи какъ «biŕétsα ńadъ» беречься надо, bêŕóxśa берегся (гдѣ можно, конечно, думать объ аналогіи по формамъ какъ biŕäγúś берегусь, biŕäγíś берегись; ср. «ńi patsťeŕóxśa» не подстерегся, 3 ед. ч. sťiŕeγétsa стережется — съ е подъ тѣми же звуковыми условіями); bêśéda (но не bi-), ľεpéška (а иногда ľe-?), на sťińé, ďeŕeńа; эти случаи согласуются съ Коб. Зато не согласуются напр. ťeľéγα, ŕebónъk, beŕóza, źeľónaį; на то же направленіе указываютъ četvéŕx, įäšḿéń, ďäšeńä. А подъ глаголами на -ѣть видимъ не только «śeďiť on», но также «śäďéľ u ḿińé» сидѣлъ у меня. Результатомъ является, что i (ε, ê) въ слогѣ передъ ударяемымъ е (’о) здѣсь во всякомъ случаѣ не такъ обычно, какъ въ Коб. По поводу biŕétsa беречься мы намекнули на возможность вставки i подъ вліяніемъ аналогіи родственныхъ формъ; такое объясненіе можно приложить

и къ собир. ḃirv́éńńa брёвна, — ср. ед. ч. ḃirv́anó съ правильнымъ ḃi-. Обратно повел. sńêśi̇́ снеси, вѣроятно, обязано своимъ «ê» формамъ наст. времени (sńasú, но sńiśêš sńêśêť, ср. выше). Такія взаимныя вліянія еще больше путали и такъ уже неясное отношеніе гласныхъ въ указанномъ положеніи.

Для положенія послѣ шипящаго согласнаго въ предударномъ слогѣ могу привести слѣдующіе примѣры: žaĺêť, прош. žaĺêła, žaĺtúxa, šaśtój̣, žańíx, žanój̣u, žaný — но И. žъná, при žená; šaršávъj̣ шершавый и šasnádcęť (склонное къ šas-).

Въ неударяемыхъ слогахъ кромѣ предударнаго, переходъ у въ ъ свидѣтельствуется рядомъ примѣровъ: na wóddъx на отдыхъ, výmъť вымыть, tαwárъš (и -raš) товарищъ (т. е. «-рыщъ»), ḃárъšńa; послѣ х: wъpáxъwať выпахивать; ср. въ связи рѣчи даже примѣръ какъ «ták nám-ъ ḃýť» такъ намъ и (т. е. «ы») быть. Съ переходомъ ъ въ и видимъ напр. sółnuškъ, ṕóruškα, wuzdaráu̯ĺivaiť. Однако, есть случаи съ несомнѣннымъ у, не только въ флексiйныхъ окончаніяхъ (v́éššy вещи, ď́éržyť держить), но также, напр., въ paḿéššyk помѣщикъ.

Извѣстное «гармонирующее» вліяніе со стороны сосѣднихъ гласныхъ замѣтно и въ этомъ говорѣ. Къ случаямъ какъ duruká mužuká ср. § 27,59. Въ полногласныхъ словахъ, примѣры какъ ḃaradú бороду, γaĺawú голову — на мѣстѣ ожидаемыхъ ḃъ-, γъ- — въ Студ., повидимому, рѣдки; обыкновенно видимъ, по правилу, напр., mъłakó, mъłaďéc и под. Случаи какъ razaḃi̯ú объясняются, вѣроятно, инымъ путемъ: предлоги, вообще, легко отклоняются отъ принципіальныхъ правилъ. Произношеніе какъ ḃaradá (при ḃъrъdá, ḃorodá) надо, вѣроятно, считать заимствованнымъ. Въ этой связи приведемъ примѣры какъ γaĺъwá, γaspodá; они принципіально интересны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуя объ извѣстной общей склонность расширить ъ въ а (γaĺ-, γas-), рѣчь о чемъ была выше, они въ то же время показываютъ особую стойкость «ъ» (о) въ слогѣ непосредственно передъ á. На мелочи вродѣ послѣднихъ я, впрочемъ, не обратилъ бы вниманія, если бы не изъ-за того, что сосѣдніе говоры выказываютъ отчасти изумительное соотвѣтствіе какъ разъ въ такихъ мелкихъ «неправильныхъ» подробностяхъ; достаточно къ приведенному γaĺъwá указать на Коб. «γałownái̯ä ḃoĺ».

Въ открытомъ неударяемомъ конечномъ слогѣ находимъ и здѣсь извѣстное намъ развитіе гласнаго, ср. напр. pĺêt́ét́ä, trój̣a, kágža какъ же, šýŕä, skóĺkä, u-ḿéśťä вмѣстѣ, даже ďv́éśťä двѣсти, и под. (но na i̯ármonḱi, pa ṕŕivýčḱi, ср. § 27,47). Въ закрытомъ же слогѣ замѣчаемъ несомнѣн-

ный принципъ зависимости гласнаго элемента отъ твердости: мягкости конечнаго согласнаго; говорятъ kámiń wóćiń d́éviť páŕiń búdiť ľébiť лебедь и т. д.; но передъ твердымъ согласнымъ видимъ разные оттѣнки, колеблющіеся между (открытымъ) е и чистымъ а, т. е. приближающіеся болѣе или менѣе уже къ артикуляціямъ задняго ряда: xaróšъm čájɑm (ɑ — ослабленный оттѣнокъ а?) хорошимъ чаемъ, v́iďeľ или -ďaľ видѣлъ, páľäc палецъ, jástŕep ястребъ, v́éťár вѣтеръ и др., ср. § 27,44. Въ такомъ слогѣ и старое і идетъ въ то же направленіе: pŕiγatóv́aľ, v́ýpeľ выпилъ, výpemšy, (u̯ľaďíḿer). И въ неконечномъ слогѣ есть слѣды подобнаго развитія послѣ ударяемаго слога; ср. е, ä въ примѣрахъ wóźerà озеро, v́íďeľa, śéḿära семеро, v́éšäľà весело — по, съ другой стороны, jástŕεba ястреба, ńičáinnà печаяпно (§ 27,44).

26. Замѣчанія къ морфологіи. Изъ области существительныхъ укажу лишь на В. maju̯ máťεŕju мою мать, и на Р. къ v́ŕéḿa: skóľkä v́ŕéḿa. Совпаденіе Р. съ И. видимъ также въ собирательныхъ на -ье; ср., къ ḃirv́änó бревно, соб. (xaróšɑja) ḃirv́éńńa, Р. (mnóγɑ) ḃirv́éńńa.

Мѣстоименіе «я» различаетъ Р. (u) ḿińé отъ Д. (daľ) mńe; въ «ты» Р. и Д. совпадаютъ въ ťiḃé; Д. «себѣ»: saḃé (śiḃé я не слыхалъ). — «ея» звучитъ то jεjé, то ijé. — «Весь» имѣетъ въ Р. М. мн. ч. то -śex, то -śix («u wau̯śéx byľ» при «wau̯śíx»); въ Д., Т. я слышалъ лишь u̯śim, u̯śiḿi. — Приведу еще указательныя формы tája, Р. Д. М. tyj (у какъ будто на границѣ средняго и передняго рядовъ, потому близко къ ê), Т. tēju (ясное е); мн. ч. tý[j]i tyx tym týḿi.

Самая интересная часть морфологіи этого говора — прилагательныя. Ударяемыя окончанія муж. и сред. родовъ твердыхъ основъ не представляютъ особенностей: sľapój, druγój, takój и под., сред. р. -ója; Р. sľapóγa ḃaľnóγa; Т. sľapým, и т. д. Въ жен. родѣ находимъ Р. Д. напр. sľapýj, «u xramýj u žapý», Т. sľapýju. Въ послѣдней формѣ у, не смотря на ударяемое положеніе и слѣдующее j, какъ будто склонно переходить въ ъ: sľapъ́ju; подобное отмѣчено въ takъ́ju, и также въ Р. Д. М. «takъ́j» (но у напр. въ «u kakýj bápki» у какой бабки). Сомнѣваюсь, чтобы это ъ представляло ослабленный видъ у; скорѣе оно отражаетъ другой гласный (о?). Но кромѣ приведенныхъ имѣемъ такія формы жен. рода какъ Р. Д. М. ḃaľnéj, taľstéj, Тв. s-adnéju съ одною, въ которыхъ узнаемъ извѣстное намъ изъ Коб. явленіе. Во множ. числѣ я отмѣтилъ для И. druγýi, xramýi, xudýi, sľäpýi; остальные падежи не вызываютъ замѣчаній. — При неударяемомъ окончаніи отмѣтимъ для И. ед. ч. муж. рода рядъ формъ на -ъj, какъ мы и

ждемъ: ľúb́ímъį̑, dóbrъį̑, śérъį̑, skrómnъį̑, búį̑nъį̑, kakóį̑ ďêń žárkъį̑, wóľъs γústъį̑, čésnъį̑ честный, ťésnъį̑, ďérskъį̑, xaróšъį̑. Но чаще я слышалъ -aį̑: ďérskaį̑, ṕérvaį̑, xaróšaį̑, rúśkaį̑, v́étxaį̑, źémskaį̑, ťíxaį̑, céľaį̑, stáraį̑, dóbraį̑, ľóxkaį̑, číśtaį̑, čórnaį̑, cárskaį̑, diŕêv́énskaį̑, ḿéľkaį̑, żeľónaį̑, žóskaį̑ жесткій, kíśľaį̑. Часто отмѣчено при томъ -αį̑: dóbrαį̑, v́étxαį̑, ľóxkαį̑, céľαį̑, śérαį̑, ḿáxkαį̑, kŕépkαį̑, ṕéγαį̑, ṕį̑ánαį̑, xaľódnαi, poľytńánαį̑ полотняный; это α можно объяснить двоякимъ образомъ, или какъ переходную ступень отъ ъ въ а, или какъ ослабленное а. Границы между разными видами, очевидно, нѣтъ; я все больше получалъ впечатлѣніе, будто -aį̑ беретъ верхъ. Отдѣльно стоитъ въ моемъ матеріалѣ ťómneį̑ темный; въ buį̑nъį̑ я отмѣтилъ какъ будто переходное произношеніе, между -ъį̑ и -eį̑; замѣтимъ, что въ обоихъ случаяхъ передъ окончаніемъ стоитъ согласный зубной. — Что развитіе идетъ въ пользу вытѣсненія послѣударнаго ъ гласнымъ а, подтверждается прочими падежами. Имѣю не мало случаевъ съ яснымъ ъ («α» оставимъ въ сторонѣ, его можно объяснить, какъ уже сказано, двояко); ср. и. ед. ч. сред. рода (kíśľαį̑a mъľakó), «śéna u nas xaróšъį̑a», «ďeľαpásnъį̑a» дѣло опасное (при -naį̑a)[1]; и. мн. ч. dóbrъi, xaróšъi (или даже -šyi); р. мн. ч. «at stárъx radíťɛľêį̑». Но болѣе употребительно, повидимому, а; ср. напр. dóbraγa, dóbramu, т. и м. dóbram; жен. р. (р. д. м. dóbrαį̑) т. z-dóbraį̑u s-kabýľъį̑u»; мн. ч. (dóbrъi, ср. выше; за то напр, stárai старые, -я), dóbrax, dóbram, dóbraḿi. Добавимъ изъ мѣстоименій, при u į̑étъх у этихъ также u į̑étax; nášam dóbram družį̑ám нашимъ...

Происхожденіе е (ê) на мѣстѣ у въ извѣстныхъ Кобыльскихъ формахъ я считаю (§ 15) возможнымъ объяснить звуковымъ путемъ, считаясь съ разными оттѣнками гласнаго въ зависимости отъ различныхъ окружающихъ условій. Не вижу препятствія объяснить такимъ же путемъ и Студеновскія формы съ а. Я уже обратилъ вниманіе на дифференціацію широкаго понятія «ъ» въ зависимости отъ характера окружающихъ звуковъ. Можно предположить, что развитіе ъ въ а произошло (происходитъ) особенно легко, «законно», при извѣстныхъ сочетаніяхъ (въ описываемомъ говорѣ, напр., послѣ велярныхъ, ср. замѣтки о «ъ» въ § 25), и что полученная такимъ путемъ особая категорія формъ распространяется — тогда ужъ скорѣе аналогичнымъ путемъ — и на прочія сочетанія, вырабатывая такимъ образомъ полный новый комплектъ окончаній. Такое предположеніе, какъ будто, под-

---

1) Не изъ полнаго ли совпаденія неуд. окончаній -ое и -ая объяснить -óе для жен. рода въ выраженіи «ẃiraẃoį̑ä į̑äšḿêń» яровая ячмень? Или это описка?

тверждается сильнымъ колебаніемъ между разными видами окончаній. Разумѣется, нужно притомъ имѣть въ виду, что при такомъ развитіи, какъ описываемое, разные сосѣдніе говоры легко вліяютъ другъ на друга; но это не мѣшаетъ возможности того объясненія, которое выставляю на обсужденіе.

Для мягкихъ основъ довольствуюсь парой формъ — прочія даются сами собой: paróžńi[i̯], waśéńńi[i̯], жен. р. waśéńńi[i̯]a (paγóda); av́éči[i̯], жен. р. av́éčča (γaľъwá); ср. ťiľáčča телячья, barańńa баранья; въ послѣднемъ И. муж. р. baráńńii̯ имѣетъ ńń по аналогіи съ прочими формами. «Медвѣжій» я слышалъ какъ ḿɛdv́éžei̯, жен. р. ḿɛdv́éžža.

Наконецъ нѣсколько примѣровъ сравнительной степени; здѣсь, какъ въ Коб., они выказываютъ пеструю картину. ľúčči лучше («ľon u̯śíx ľúčči»); ḿéńšy, ráńšy, tóľššy, stáršy; xúžä, maľóžä, ľékšä легче, ḿákčä, ḿéľčä (NB ľ) мельче; žáľčä (NB ľ) жальче; šýŕä, ďašéu̯ľä.

27. Къ нѣкоторымъ вопросамъ «Программы».

Вопр. 24—25. vъdá sľъbъdá kъbák пъγá bъľъźá. Иногда съ «оканьемъ»: vodá pomoγľá γaspodá (-ръdá), «kak dóroγà ľýka», moľčáť; чаще со склонностью къ а («α»): barαná kαkái̯a (при kъkái̯e); или чистое а: trawá, u caŕá (при съŕá), naγáḿi, na bazár. Укажу на изложеніе въ § 25, освѣщающее этотъ вопросъ и рядъ слѣдующихъ.

36. mýi̯u rýi̯u krýi̯u (но «voľk γuďéť»).

38 слѣд. sťiná стѣна, na sťińé — В. sťanú. śvitái̯e vъdá — śvatúi̯u vadú. γńazdó. śistrá—śastrú. ṕiták, по i̯äzýk. Ср., напр., еще глаголъ плету: pľatú pľéťéš pľeťéť pľeťom pľeťéťä (pľê-?); неопр. pľéś; apľitái̯ оплетай. Укажу опять, для этого вопроса и слѣдующихъ, на § 25.

42. Примѣры: ḿisai̯ét мясоѣдъ, ľisav́ík лѣсовикъ, biŕv́anó бревно, śiŕabró, ďiŕäv́úška (ďéŕéu̯ńa), ṕitačók, čɛľav́ék, śiŕidá, ṕiŕid-dwaróm, ṕiŕanóśiť, ṕiŕiť-śiŕädói̯ передъ середой. — NB ẃirawói̯ä i̯äśḿéń яровой ячмень.

43. Можно привести žańíx, мн. žъńíxi (ср. žaľtúxa и под.); сьná (cαná) цѣпа; céľъi̯ цѣлый.

44 сл. v́éśäľà весело, wóźerà озеро, śéḿärà семеро, (tyśśa тысяча), v́íďeľa — но «pa wóśɛńi», «na káḿińu»; ɛ не смотря на слѣдующій твердый согласный отмѣчено въ i̯ástŕɛba ястреба; ср. i въ ńičáinnà нечаянно.

v́éťar páľäc i̯ástŕep (ср. выше i̯ástŕɛba), v́íďaľ (ср. выше v́íďeľa).

káḿiń kóŕiń wóśiń; búďiť xóčiť и под.; ďéviť páŕiń wóčiń ľébiť лебедь.

47. ńéśéťä (ńɛ-?), xóďiťe; trói̯ä nýńčä dúžä («izbiľ dúžä») kágža (NB g) какъ же, záu̯ťŕä, šýŕä (о сравн. степени ср. однако въ § 26). Неударяемыя

-ая и -ое совпадаютъ въ этомъ говорѣ, какъ и въ описанныхъ раньше: céľъịa śáľó цѣлое село; но подъ удареніемъ: «bъγástwa balšóịa» богатство большое.

u-méstä, u-póľä, na-sľúžbä, dvéstä двѣсти — по ср. na-ịármonki, pa-přivýčki.

Множ. число takýi xaróšyi sľäpýi mъľadýi dóbrъi — повидимому постоянно съ -i.

48. «Безъ» я постоянно слышалъ какъ bez, ни *biz ни *baz. — Ср. далѣе čiriz-dwór, piranóśit, pirid-dwaróm.

58. Отмѣчено «ịon dryžýt» онъ дрожитъ; krošýt указываетъ на krъ-; вм. склока говорятъ skľýka («брань»).

59. durák — duruká; mužýk — dva mužuká, мн. ч. mužuki; γusák — γusuká, γusaki. — kružъvá; но puzyŕók (склонное къ -zъ-).

62. ńóbα. xros, xróśtik, крестъ, -тикъ. ịoś есть. Къ мужскому имени ľeụ женское звучитъ ľówa. — Но ďérskъị, vétxъị (-aị, ср. § 26), atśéľ, sa-ụśéịu со всею, ịeị, ịéslі, veŕx, čéšytsa (-šъtsa?) чешется, učébńik.

63. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ я нашелъ е, не ё: ďéụka véška сер méľkaị и т. д.

64. Отмѣчено ľεpéška, въ остальныхъ словахъ ё: pos, ịólka и т. д., ср. литер. языкъ. — NB «едва» звучитъ dva («ịon dvá búdit»).

65. ịéslі и т. д., какъ въ лит. языкѣ. О «ịoś» см. выше 62, о «едва» 64. — ịétъt. — attýľ, atśiľ (отселѣ); ср. atkiľ (-ľä), pakiľä; s-téịu, s-adnéịu, и talstéị, ср. морф. (§ 26).

66. ịiwa, ịidal идолъ — но iwán, izbiľ: ср. въ Коб., § 19, вопр. 66.

68. Говорятъ подъ удареніемъ i, ср. лит. языкъ, напр. mitrịị, kar-wiγa (коврига); далѣе напр. biľét; за то напр. послѣ ударенія ụľadimer, vyреľ и др. (§ 25).

70. krik stŕiγú skŕipka γŕibý ŕiγa («avin s-ŕiγαịú») — tαwárъš (п -raš); ср. třišók (къ Трифонъ). Но krъľó крыло, brýkaịit брыкаетъ и др.

Графинъ: γraxýńa. Далѣе вообще какъ въ литер. языкѣ.

74. О -eị въ прилагательныхъ ср. § 26.

75. buwá[ị]it. umuwátsъ умываться (но «pa přivýčki»). wuzdaráụľivait. (kŕäžóụńik). sólnuškъ.

76. Я отмѣтилъ xrïpkъ хрупко; býtto «быдто»; γľýpъś глупость; къ γľubakó ср. «γľyb-bъľšáịä» глубь большая. Но напр. na sútki, púxńit пухнетъ, búịnъị (-neị), «i sľúxu ńétuti», butýľka и т. д. — Очень: wóčin.

78. Объ окончаніяхъ прилагательныхъ въ § 26. — Замѣтимъ panúkъ-wat pośťáγъwat wъpáxъwat. — (vaśili[ị], timaxvéị).

81. Приведу слово (adin): kъnakóɫ колоколъ, р. kъnъkɫá, р. мн. ч. mnбγα kъnakɫбų. — Сарафанъ: съrxwán, при съгъ-, съга-.

83. v́irt́anó веретено — но ṕiŕanóśit́, ṕiŕad-wúžъnαm передъ ужиномъ, d́iśet́ina; ṕiŕit-śiŕadój.

85. Я отмѣтилъ bъɫъźá. Бревно: b́irv́anó, мн. ч. (т. е. собир.) b́irv́éńńa. Столбъ: staɫóp. Въ остальномъ ср. лит. языкъ (срамъ: stram).

88. Бадья: abъd́d́á; дворникъ ud́wórńik («jon sɫúžyt́ udwórńikъm»).

89. ръšańíca пшеница, karavát́ кровать (съ ясными а), γaŕećíxa гречиха. Но krapíwa, twórъx творогъ, ckvaŕés.

100. Отмѣтимъ «лъ» въ ḿéɫča мельче, žáɫča жальче. Другихъ отклоненій отъ лъ: ль литер. языка я не замѣчалъ.

110. ćejḱú хъźájḱa tóĺḱa skóĺka ṕińḱá kaṕéjḱu pastrójḱa váńka (но sáška) ŕét́ká рѣдька — но rúśkaj русскій.

112. «jon pašóɫ kuzńacú» къ кузнецу; но ḿáxkaj, ĺóxkaj, d́óxtaŕ, traxt́ír. — Кстати о «k» добавимъ, что въ k jej къ ней, k jim къ нимъ k — твердо (т. е. задняго образованія).

114—115. Я отмѣтилъ družjá dražńít́ žabóta žabót́itsa.

116. šyt́ (3 ед. ч. šý[j]it́, 3 мн. ч. šýjut́), и под.

120. Я бы писалъ «kъbáččik», т. е. č съ удлиненной паузой, róččivαt́, buxv́éččik. Иногда произношеніе склоняется къ «твердому примыканію» такого čč, съ извѣстнымъ сокращеніемъ предшествующаго гласнаго, въ различіе, напр., отъ wóčiń очень; чаще же примыканіе и здѣсь — нетвердое, какъ и при недолгихъ согласныхъ. Не такъ ли понимать произношеніе ḿiɫъči, которое я слышалъ для поселенія Милотичи? Ср. еще ɫúčči лучше; но «mɫádšyj» (съ неяснымъ «у»).

121. «u nas ščókajut́» («a tam — т. е. къ югу — śćókajut́» — ?); ср. въ сказкѣ štu и šču.

122. kańéšnα, [j]ijéšńa яичница, maɫóšnaj sup, jášnaja muká. — pósta, но paśt́í почти.

123. šáv́iĺĺa щавель (т. е. собир. -лье; ср. р.: «ръɫažýɫa-na šáv́iĺĺa u kapústu»), šúka, šótka; pamésšyk, jaššó (еще; ср. другой видъ «še тъɫadój» еще молодой), muššýna, v́éššy вещи, róšša, ṕišša. Спила: šýɫa.

124. doš, р. doẑžá; по «sαbáka v́iśśít́» визжитъ. š и ž этого говора не особенно тверды; не удивительно поэтому, если наблюдатель иногда колеблется, говорятъ ли š ž или ś ź. Такъ, я не успѣлъ рѣшить, писать ли wu[j]ižžát́ или -źźát́ (выѣзжать), склоняясь, однако, къ послѣднему; подъ сомнѣніемъ оставлю ź въ vъźátsъ возжаться, а бывали и другіе случаи (напр.

žďêť ждетъ), въ которыхъ произношеніе возбуждало колебаніе. — Нагромождено: naγrъmaššóna; «щ» также въ ľaššýna.

126. suďďá bráťťa svińńá batvïńńa piťťó myťťó aъďďá (бадья) pľáťťä kryľľa šavïľľa (щавелье) nóčču pïŕińéžžä (назв. Перенѣжье); ср. жен. родъ прилагательныхъ какъ avéčča ťiľáčča mɛdvéžža bъráńńa (вѣроятно по аналогіи муж. р. baráńńi — ср. avéči[i], mɛdvéžei). — Замѣчаются исключенія: при výľľu выылью ср. vybju, vypju; при bráťťa družiá («nášam dóbram družiám», не -*žžám). На какомъ правилѣ основаны такія исключенія, мнѣ не видно.

131. Приведемъ «bъγástwa baľšója», mos мостъ, xwos хвостъ. — koś кость, pľéś плесть, какъ во всѣхъ этихъ говорахъ.

Вм. октябрь и под. я нашелъ формы akťábŕi (ъk-), nъiábŕi, ďikábŕi; напр. «tapéŕ u nas nastupiľ nъiábŕi»; р. «s-nъiábŕa prašló póľγъdä». — Петръ: pótra, в. -tru («zabiľ pótru nášaγa»).

137. γóľup, р. в. γóľuba. — krou кровь, но р. krówi; ср. ľubóu любовь. Говорятъ «adná brъwá» одна бровь; wóbi brówi обѣ брови; «u iaγó brawéi ńétu».

138 сл. Достаточно указать на изложеніе явленій палатализаціи для Коб.; существенныхъ отклоненій отъ него въ Студ. очевидно нѣтъ. Къ 141 отмѣтимъ śéŕp véŕx svéŕxu (vɛrxóm, заимствовано? Ждемъ var-) četvéŕx — pérvai cérkwa; зеркало: źéŕkľa и źérkľa.

28. Около границы Жиздринскаго уѣзда. Нѣсколько свѣдѣній, собранныхъ у крестьянина съ Закрутаго, Семиревской волости (śäľó zakrútyiä śimiŕówskъi wółośťi), къ югозападу отъ Сильковичъ, на самой границѣ Жиздринскаго уѣзда, позволяютъ заключить, что говоры съ тѣмъ же самымъ общимъ характеромъ и тѣми же подробными особенностями, какъ около Сильковичъ, продолжаются по данному направленію до южной границы Мосальскаго уѣзда, и еще дальше. Къ сѣверу отъ Закрутаго, вообще, имѣемъ тотъ же говоръ въ поселеніяхъ Крутая-Цвѣровка (krutáia-cvýrъuka), Зимцы (źámcy), Ближéвичи, Пéчки, Верхуличи (viŕxúľiči и ver-, я слышалъ и то и другое), Широкая, Лýбинка и (къ западу отсюда) Любýнь. Въ этихъ поселеніяхъ, по моему источнику, говорятъ «чисто», т. е., вообще какъ онъ самъ.

Не нужно пускаться въ подробности относительно чертъ, которыя намъ столь знакомы: sъxá — saxú, disná — ďäsnói, «ia dáľiiä spása ńä-býł», «ńidnéi (т. е. ни одной) žénšъny», «u pańóvi» въ поневѣ; udáŕaľśa ударился; uzrós возросъ; svińńá, myťťó — и др. Но изъ полученныхъ свѣдѣній иныя

не безъ интереса потому, что въ извѣстныхъ подробностяхъ иллюстрируютъ культурное и лингвистическое развитіе. Сохраняется еще не мало изъ старшей эпохи. Бывшее культурное единеніе съ мѣстностями къ западу видно, напр., изъ употребленія слова «pan», при γъspadiu. Связь съ мѣстностями къ сѣверо-западу замѣчается, впрочемъ, и остатками «тиканья» («ťi byľ ty» и под.): «ráńše ťikaľi», объяснилъ по этому поводу мой источникъ; но теперь-де всѣ отправляются на заработки, почему-де теперь сами смѣются надъ такими особенностями, и «ľi» все больше входитъ въ употребленіе. Начинается далѣе вытѣсненіе такой характерной черты, какъ долгіе согласные. Они до сихъ поръ обыкновенны: svińńá myťťó suďďá dъbraśéľľa vaľóššä súččä и т. д.; но напр. при старшемъ biľľó бѣлье можно уже слышать новѣйшее biľi̯ó, какъ кромѣ druži̯á друзья — ср. Студ. — слышится книжное druži̯á, а не напр. *druźźá.

Такимъ образомъ старѣютъ и вытѣсняются многія отдѣльныя слова. У старшихъ употребляются, напр., atkúľa, attúľa, atsúľa (откуда, -туда, -сюда); младшее поколѣніе предпочитаетъ atkéda, atśéda, или же переходитъ дальше къ attúda attúdъva, ср. столичныя выраженія; старшее zdvorá даетъ мѣсто младшему sъdvъrá; въ морфологіи, напр., na sváťéi̯ ńeďéľi вытѣсняется въ пользу na śvatói̯...[1]), biŕéť въ пользу béŕóť, kaγó въ пользу kawó, dóbraγà въ пользу dóbrava, и мн. др.

Но переходъ отъ старшаго къ новому выражается не только въ отмѣнѣ отдѣльныхъ словъ и формъ, но также въ чертахъ болѣе общаго характера. Такъ, въ темпѣ рѣчи борются и здѣсь тѣ же самыя теченія, которыя намъ извѣстны уже изъ Ив.: старшее поколѣніе (а съ нимъ большинство женщинъ) говоритъ еще медленно, «по слогамъ», вытягивая слово, особенно извѣстные слоги его; младшее поколѣніе, особенно кто бывалъ на заработкахъ, ускоряетъ темпъ, и выдвигаетъ ударяемый слогъ за счетъ неударяемыхъ относительно сильнѣе. Эта перемѣна нерѣдко ведетъ къ измѣненію качества неударяемыхъ гласныхъ. Между прочимъ, и особенно сильно, это замѣчается въ томъ о, которое замѣнило во многихъ случаяхъ «ъ». Такой переходъ, вторичное «оканье», намъ особенно извѣстно изъ Коб.; а оно развилось сильно въ той группѣ говоровъ, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Оно держится цѣпко, повидимому, у старшихъ: ср. при pawúk паукъ, фамилію powukóu̯; γowoŕáť, γoľowá (ср. т. «γoľowói̯u udáŕaľśa»), soxá, kobák, vodá, zdvorá (ср. выше), noγá, xromá[i̯]iť, borodá (в. boradú), boroná (в. boranú)

1) Кстати, на пасхѣ звучитъ na páski.

и т. д. Рѣчь не идетъ, какъ и въ Коб., о полномъ вытѣсненіи, но о болѣе или менѣе частомъ замѣщеніи; это замѣщеніе получило здѣсь обширный объемъ, и у старшихъ это «оканье» держится, какъ сказано, повидимому цѣпко. Но при новомъ, ускоренномъ темпѣ такое о опять уступаетъ мѣсто сильно сокращенному, редуцированному ъ (α): вмѣсто vodá является vъ̆dá, вм. noγá nъ̆γá; ср. trowá—trъwá, sъdvъrá (ср. выше), žoná—žəná, γoŀowá—γъ̆ŀъ̆wá, xoraníť—xъ̆răníť, moŀoďéc (NB о передъ é)—mαŀaďéc или даже maŀaďéc, и мн. др. Что масса такихъ случаевъ двойныхъ формъ представляетъ не сохраненіе старшаго ъ при младшемъ о, а обратно редукцію о въ ъ (α), очень краткое, согласно съ указаніемъ моего источника объ употребленіи у старшихъ или у младшихъ, это подтверждается еще другими парами словъ, гдѣ новомодное, быстрое произношеніе редуцируетъ въ такое же ъ также гласный а; при старшемъ žaĺéť, ŀъšaďéi̯, žaŀúdъk, šastói̯ä (шестое) появилось младшее žъ̆ĺéť, ŀъšъ̆ďéi̯, žъ̆ŀúdъk, šъ̆stói̯e. Можно предположить вліяніе того же принципа, когда при v́äsnói̯u, ńäsúť являются новѣйшія v́isnói̯u, ńisúť и другія подобныя; но здѣсь трудно высказаться опредѣленно, такъ какъ аналогія со стороны формъ какъ v́isna, ńišeš и др. лежитъ очень близко. — Рѣшить, откуда берется норма для каждаго отдѣльнаго случая этой новой редукціи — не такъ просто. Вліяетъ, повидимому, не только произношеніе столицы, но отчасти и болѣе близкія мѣстности; это показываютъ, м. пр., морфологическія измѣненія какъ b́iŕéť > b́iŕóť, а не *b́iŕóť, или замѣщеніе старшаго «u-wadnéi̯ žaný» младшимъ «u adnéi̯ žańé». Не сомнѣваюсь, однако, что теченіе указываетъ вообще — хотя иногда черезъ промежуточныя ступени — на подражаніе столичному выговору; не такъ ли объяснить нерѣдкое чистое а въ слогѣ передъ á, напр. saƀaká, kaƀák, xramá[i̯]iť вм. старшаго so-, ko-, xro-?

Разумѣется, такое столкновеніе разныхъ теченій еще больше путаетъ историческое отношеніе гласныхъ, и такъ уже нерѣдко затемненное вліяніями аналогій съ разныхъ сторонъ. Однако, принципіальное соотвѣтствіе съ описанными раньше говорами, и также соотвѣтствіе въ характерныхъ подробностяхъ, остается вполнѣ яснымъ. Эта группа говоровъ, какъ и вообще тождественный съ ней Сильковическій говоръ, считаютъ себя различными отъ говора около Спасъ-Деминскаго. Для моего источника изъ Закрутаго, мѣстности около С.-Деминскаго и подальше — «xъxŀáčina» (вѣроятно потому, что онъ бывалъ въ Малороссіи; ср. «pόľša» по выраженію Студеновской крестьянки). На вопросы же о различіи я не получалъ опредѣленныхъ указаній; упоминая подробности какъ i̯akói̯ä (вм. ka-), byu̯ (вм. ƀyŀ), употребленіе выраженій какъ «tútyčka», «támъčka», мой источникъ

самъ же добавилъ, что они, особенно прошедшее время на -ц — начинаются въ сущности только за Спасомъ, къ сѣверо-западу, по направленію къ Ельнѣ. Увидимъ, что это согласуется съ моимъ матеріаломъ, и что говоръ около самаго Спаса въ сущности, для наблюдателя-лингвиста, различается очень мало отъ только что описанныхъ, къ югу и юго-востоку отъ него.

V. Спасъ-Деминское.

29. Общія замѣтки. Матеріаломъ для описанія «Деминщины» (ďếmiñšъna») я обязанъ, главнымъ образомъ, волостному писарю подъ-деминской Морозовской волости, уроженцу Спасъ-Деминскаго, Михаилу Иванову. Онъ самъ уже давно интересовался и занимался лингвистическими особенностями окрестностей, собралъ слова и впечатлѣнія, поэтому и явился необычайно хорошимъ источникомъ, которому, такимъ образомъ, приношу искреннюю благодарность. Его помощь была мнѣ тѣмъ цѣннѣе, что я не могъ удѣлить Деминскому говору столько времени, сколько собственно хотѣлось; но благодаря Иванову удалось особенно морфологическую сторону говора пройти удовлетворительнымъ образомъ, сравнивая ее съ Ив.; такимъ путемъ получились также сами собою обзоръ главныхъ звуковыхъ особенностей и указаніе на такія явленія, которыя заслуживаютъ особаго вниманія.

Матеріалъ покажетъ то, чего я касался въ концѣ § 28: хотя «Деминщина» въ понятіяхъ восточныхъ и южныхъ сосѣдей стоитъ какъ что-то лингвистически довольно таки чужое, но не легко указать осязательныя звуковыя особенности, рѣшительнымъ образомъ отдѣляющія эту группу говоровъ отъ только что описанныхъ. О формѣ «i̯oś» и о «тиканьѣ» мы уже говорили, но вѣдь это особенности не звуковыя, а остатки послѣдняго мы уже встрѣтили раньше (§ 28). Полученныя указанія на разницы вообще касались скорѣе употребленія особыхъ формъ и словъ, нежели звуковыхъ чертъ. Указали, напр., на Деминское «śkólǩi» «tóľǩi» (вм. -ǩä); но по моимъ запискамъ такія формы встрѣчаются и къ юго-востоку отъ Деминщины. Что касается особыхъ словъ, то послѣднія дѣйствительно иногда поражали меня; такъ, напр., «satkúľ ty» откуда ты (поближе къ Смоленску по Иванову еще «śvitkuľá ty?»), ср. далѣе attúľ или sattýľ оттуда (по tudá или tudý, kudý; сюда: sudá, съ твердымъ s); едва: ľẹ́dva, но вм. «едва-ли» «nau̯-

dáku»; при ńétu также ńéťťi («ńi wónnъγa γuśónka ńéťťi» ни одного гусенка нѣту); «tъľъká» для большого собранія (работниковъ); «говорить» частью замѣщается γъmańiť, а ср. при томъ «i̯on káiť to, iná káiť druγóḙa», или сокращенія какъ «i̯ań́u» и «i̯akú» для «я говорю»; i̯on brú[i̯]iť онъ говоритъ вздоръ; γórnъi̯ въ значеніи хитрый; váľux (уменьш. váľušek) вм. здѣсь, пожалуй, непонятнаго «voľ» волъ; dwarú или dwóru для «домой». Но насколько такія слова или формы дѣйствительно характеризуютъ данную мѣстность, о томъ иностранецъ не въ состояніи судить безъ очень подробныхъ, въ данномъ случаѣ невозможныхъ изслѣдованій; въ иныхъ же случаяхъ и болѣе поверхностному наблюдателю сейчасъ видно, что указанія на такія слова, какъ неизвѣстныя сосѣдямъ къ востоку, прямо не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Иногда даже обратно: поражаетъ отсутствіе словъ, которыхъ можно было бы ждать, судя по названію «Польша», такъ часто усвоиваемое Деминщинѣ сосѣдями къ востоку; напр., въ С.-Деминскомъ, повидимому, не употребляютъ «панъ», какъ въ Закрутомъ и, по словамъ Иванова, западнѣе, къ Смоленску; въ Деминщинѣ употребляютъ «баринъ», — давно ли, не могу сказать. За то въ окрестностяхъ С.-Деминскаго могутъ, напр., сообщить, что «burḿiz-byľ u nas, býľi stъrostá, stárъsta sľužíľ burḿistu̯; a staršъná byľ u kážnъi̯ ďeŕeu̯ńi».

Фонетика Деминскаго говора выказываетъ, какъ сказано, вообще тоже самое, что намъ извѣстно изъ говоровъ къ востоку и юго-востоку. Находимъ тѣ же согласные и гласные; привлекаютъ вниманіе тѣже самыя особенности; приведу, напр., склонность къ потерѣ затворнаго элемента въ č, переходящемъ такимъ образомъ легко въ š — неразграниченность оттѣнковъ v: w: u̯ и связанныя съ этимъ особенности — šš какъ представитель щ, напр. wučíľišša училище, pаḿéššyk и др. (для «что» я слышалъ въ Морозовской волости то što, ударяемое, то štu, неударяемое) — довольно широкій и неопредѣленный характеръ гласнаго понятія «ъ», сильная его зависимость отъ окружающихъ звуковъ («dyčká» дочка, но въ другихъ случаяхъ скорѣе а, о) — у въ ḿýi̯u, krýi̯u и под., — и т. д. Находимъ, далѣе, въ общемъ то же самое распредѣленіе разныхъ гласныхъ, какъ у сосѣдей къ востоку.

Въ области согласныхъ отмѣтимъ довольно широко распространенную склонность С.-Деминскаго съ окрестностями, замѣнить ц звукомъ с (s): sonsa солнце, mъi̯á au̯sá моя овца, i̯ái̯só яйцо, sаŕ царь, sáplä цапля, mъľaďés молодецъ, kupés купецъ, sérkъu̯ или sérkwa[1]); употребленіе то ц, то с объяс-

1) Припомнимъ изъ Ив. уподобленія šérkowi̯u, šerkwáḿi вм. съ ц- (§ 3).

няетъ обратный переходъ, какъ «cábľä praźíľa (!) majú γrúďi» сабля пронзила мою грудь [1]). — Другую особенную черту въ той же области имѣемъ въ tv́et, мн. ч. tv́atý, для цвѣтъ; tv́et tv́iťéť цвѣтъ цвѣтетъ. Но притомъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, говорятъ sv́et. (zv́izdá звѣзда, какъ у сосѣдей къ востоку).

Однако, я не замѣчалъ, чтобы именно эти особенности считались характеристикой для «Деминщины» у сосѣдей съ восточной стороны. Исканіе же такихъ «западныхъ» особенностей, какъ напр. «дзеканіе» или развитіе ś ź въ š̓ ž̓, оказалось тщетнымъ. За то вопросы съ противоположной стороны, у Деминцевъ, дали относительно консонантизма одно положительное указаніе. При разныхъ случаяхъ я замѣчалъ, какъ они говорятъ о сосѣдяхъ къ востоку и югу («ръdmъsáľšyna» или «tróįčina»), что эти говорятъ «мягко»; они характеризуютъ ихъ м. пр. фразой «ďáďińka, naľéįka čášyčku čaįkú». Сами они, дѣйствительно, сохраняютъ k твердымъ въ такихъ сочетаніяхъ (Прогр. 110): čiįkú, čiįkóm (у старухъ čaį-; ср. им. čiįók чаекъ); хъźáįka, ṕińká (ṕįnóčka), pastróįka; «глянька»: γľáka или ľáka.

Въ области вокализма опять таки трудно найти положительные различающіе моменты. Въ иныхъ изъ описанныхъ говоровъ мы отмѣтили сильно развитое «оканье», на основаніи перехода ъ въ о (borona, trowá и под.). Эта черта не свойственна Деминщинѣ. За то о Деминскомъ говорѣ можно какъ характеристику слышать выраженіе «ёканье», относящееся, кромѣ формы įoś («ťi įoś? įoś, kak ńéťťi» и под.) [2]), также къ частому употребленію '-om, '-ox въ мягкихъ основахъ, см. въ Морф. Но кстати добавимъ, что Деминцы сами говорятъ «ďémińšъna» а не ďö-; послѣднее — произношеніе сосѣдей, особенно къ югу.

— По Иванову, подъ «Деминщиной», кромѣ С.-Деминскаго съ волостью Морозовской, понимается еще Лазинская волость (vóľš ľáźinskъįa), къ сѣверо-западу, и часть Пятницкой волости (ṕáťńickъįa voľ.), на западъ отъ Спаса, вдоль границы Ельнинскаго уѣзда; западная же часть этой волости для Деминцевъ уже — «Польша». Какіе признаки обусловливаютъ такое чувство разницы, мнѣ установить не удалось. Вѣроятно и здѣсь нѣтъ опредѣленной границы въ какомъ-то одномъ или въ нѣсколькихъ характерныхъ звуковыхъ чертахъ. Съ самаго дѣтства обитателей нигдѣ нѣтъ пере-

---

1) γrúďi употребляется только въ формѣ множ. числа, но, какъ видно, я слышалъ эту форму съ прилагательнымъ въ ед. числѣ.

2) Кстати: įoś имѣетъ скорѣе «о» чѣмъ «ö», какъ въ раньше описанныхъ говорахъ.

рыва въ постоянныхъ сношеніяхъ между разными поселеніями, всюду люди встрѣчаются въ поляхъ и связаны узами родства. Притомъ границы такихъ явленій, которыя дѣйствительно выступаютъ какъ поражающія, болѣе «западныя» особенности, не говоря объ извѣстной неопредѣленности, находятся очевидно въ движеніи. Говорю прежде всего о переходѣ -ł въ -u̯ (ḃyu̯, ḃiu̯, naṕiu̯śa и под.). Эти формы прош. времени не употребляются въ нынѣшнемъ говорѣ С.-Деминскаго; не могу также сказать, существовали ли онѣ тамъ раньше. Но не надо отправляться далеко на западъ, чтобы ихъ найти: уже въ Морозовской волости, верстъ пять отъ Спаса, въ поселеніи Сельцо (śiľcó, у старшихъ śäľcó), ḃyu̯ и подобныя формы старымъ людямъ еще извѣстны, хотя — это стоитъ подчеркнуть — только какъ вымирающіе остатки; въ сосѣднемъ поселеніи Дарна (dъrná, прилаг. daŕénskъi̯) онѣ еще слышны; а въ поселеніяхъ дальше на западъ и сѣверо-западъ, т. е. уже пограничныхъ съ Смоленщиной, онѣ уже обыкновеннѣе, по крайней мѣрѣ у старшаго поколѣнія. Тутъ уже соображенія являются сами собою.

30. Изъ фонетики говора. Замѣтки предшествующаго § -а и указаніе на матеріалъ, слѣдующій ниже въ морфологіи, позволяютъ ограничиться здѣсь немногими вопросами. Первый изъ нихъ — интонаціонныя и долготныя отношенія. Въ довольно бойкомъ торговомъ мѣстѣ, какъ Спасъ-Деминское, въ этихъ отношеніяхъ нужно ждать сильнаго стушеванія старшихъ особенностей. По моимъ наблюденіямъ, говорятъ уже съ довольно сокращенными слогами, распредѣляя долготы приблизительно какъ въ Московскомъ произношеніи; слогъ непосредственно передъ ударяемымъ — не изъ самыхъ краткихъ, онъ нѣсколько приближается къ вѣсу ударяемаго. Вообще же неударяемые слоги сильно сокращаются. Интонаціонныя отношенія, вмѣстѣ съ долготными, повидимому, также замѣтно сближаются съ столичнымъ произношеніемъ (ср. подъ Ив., § 2). Сохраняется, однако, сильная, очевидно старая склонность къ низкотонности ударяемаго слога, столь извѣстная намъ изъ всѣхъ этихъ говоровъ. Изъ самаго Спасъ-Деминскаго я отмѣтилъ не столько падающую внутри самаго слога интонацію (^), сколько низкій уровень для всего слога (ср. въ Ив.). Но въ произношеніи окружающихъ поселеній можно наблюдать широкое примѣненіе ^ [1]). Конечно, не говорю о случаяхъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, гдѣ ждемъ ^ согласно

---

1) По моимъ запискамъ, особенно ярко въ произношеніи дер. Семёнкова Морозовской волости, верстъ 7 къ сѣверу отъ С.-Деминскаго.

съ предшествующими говорами (pôšta — или лучше pᵘôšta, съ сильной лабіализаціей, ср. §§ 8 и 16 — čîstъх чистыхъ, dôma, pômńu, mnôγъ, skŕîpka, tôže и под.), но о произношеніи напр. burḿîs (ср. § 29), pŕiznâĺśa (-znâu̯śa), kiṕîť кипитъ, kiṕitôk кипятокъ, γóda dvá nъzât, zakûska. Вообще типъ ˉ ˊ, столь извѣстный намъ изъ говоровъ около Мосальска, въ западной части уѣзда — особенно къ западу отъ Кирсановой Пятницы? — замѣщается по моимъ наблюденіямъ болѣе или менѣе часто типомъ ˉ ˆ (˘ ˆ), хотя и такъ, что я не могъ бы указать правила для появленія того или другого — на это мои изслѣдованія не достаточно подробны. Нисходящее интонаціонное движеніе ясно выступаетъ лишь тамъ, гдѣ данное слово стоитъ отдѣльно или имѣетъ болѣе ударяемое положеніе. А при усиленіи нисходящаго движенія — особенно въ утвержденіи — замѣчается часто извѣстное намъ изъ Коб. (§ 12) явленіе: смыканіе голосовой щели («nъzâ'ť» и под.).

Нѣсколько словъ заслуживаетъ потомъ распредѣленіе гласныхъ оттѣнковъ въ неударяемыхъ слогахъ. Принципіальныя правила — тѣ же самыя, какъ въ описанныхъ говорахъ, и не нуждаются въ примѣрахъ. Второстепенныя правила, вообще, также согласуются съ тѣмъ, что замѣчено нами раньше; упомяну колебаніе y: ъ (ḃyĺá: bъĺá); а вмѣсто ожидаемаго ъ въ началѣ слова (nъḃáu̯ набавь, но astáu̯ оставь, adnaγó — однако, въ тѣсномъ сочетаніи съ предлогомъ, at-ъdnaγó). И въ этомъ говорѣ вниманія заслуживаетъ гласный послѣ мягкаго согласнаго въ слогѣ передъ ударяемымъ, содержащемъ гласный е. Въ глаголахъ на -ѣть видимъ правильно і (γĺiďéť глядѣть, v́iĺéť велѣть и т. д.); объ исключеніяхъ я не слыхалъ, ср. Морф. За то въ спряженіи наст. времени глаголовъ I А замѣчается сильное колебаніе; напр. γŕaḃú γŕiḃéš гребу, но ṕäkú ṕäḱéš пеку; колеблются даже формы одного и того же глагола, напр. при ṕäkú ṕäḱéš и 1. мн. ч. ṕeḱém я слышалъ 3. ед. ṕiḱéť, 2. мн. ч. ṕiḱéťä. У меня осталось впечатлѣніе, что, вообще, 'а передъ é въ данной грамматической категоріи представляетъ старшую ступень, отступающую въ пользу і. Въ иныхъ случаяхъ это высказано прямо; напр., при ḃiŕažéš ḃiŕažéť указали мнѣ, какъ новѣйшія формы, ḃiŕiγ́éš ḃiŕiγ́éť (бережешь бережетъ); въ этомъ глаголѣ даже повел. накл. ḃiŕažý имѣетъ при себѣ, противъ обыкновеннаго правила, новѣйшее ḃiŕiγ́í (ср. напр. zъṕŕaγí, ṕeḱí — однако, съ другой стороны, γŕiḃí греби). Подобное колебаніе выступаетъ при тѣхъ же звуковыхъ условіяхъ и въ другихъ случаяхъ: ďäŕéu̯i̯a (старше) и ďiŕéu̯i̯a деревья (ед. ч. ďéŕiwa), ŕäḃónъk и ŕiḃónъk, ďiŕéu̯ńa деревня — но въ Дубровской вол. ďäŕéu̯ńa. Поэтому, отмѣтивъ только, напр., śidói̯ сѣдой (ср. pъśiďéĺ посѣдѣлъ), žaŕiḃéc жеребецъ, žyŕiḃónъk жеребенокъ, ďiťéi̯ дѣтей, ŕiméńńa ременья (по ср. а, не ъ, въ kaŕéńńa коренья), umiŕéť, ḃiśéda,

ľipéška, biľéja бѣлѣе — я не могу утверждать, чтобы притомъ не существовало и формъ съ 'a ('ä, 'e), какъ мы имѣемъ, напр., въ na śadľé на сѣдлѣ.

Но i — т. е. замѣститель «передняго ирраціональнаго гласнаго» — въ описываемомъ говорѣ является въ предударномъ слогѣ также передъ другими гласными, въ положеніи, гдѣ принципіально ждемъ непремѣнно 'a ('ä, 'e). Ср. напр. передъ o, при sv́äkrów̦a также sv́ikróu̯ свекровь; въ «ѣсть» мн. число наст. времени звучитъ iďím iďiťä (и, конечно, iďäť); ср. далѣе мн. ч. слова zv́éŕ, формы словъ kńäś, źäť въ Морф.; м. «na ćipí» на цѣпи. Для объясненія этого мы вправѣ указать на дѣйствіе аналогіи; iďäť легко могло вызвать iďím, iďiťä вм. i̯ä-, źiťťá зятья — р. źiťťóu̯, kipíť кипитъ можетъ объяснить kipitók вм. kipatók. Но остаются случаи, какъ напр. sv́ikróu̯, гдѣ такое объясненіе трудно; и нѣтъ сомнѣнія, что частое появленіе i въ данномъ положеніи отражаетъ общую склонность редуцировать 'a предударнаго слога въ i; а эта новая качественная редукція, выступающая пока лишь въ неопредѣленныхъ и колеблющихся рамкахъ «склонности», несомнѣнно имѣетъ связь съ упомянутыми выше количественными отношеніями неударяемыхъ слоговъ, при которыхъ слогъ непосредственно передъ ударяемымъ сокращается, теряя извѣстное намъ изъ старомоднаго произношенія подмосальныхъ говоровъ удлиненіе (Ив.). Разумѣется, и другіе моменты могутъ тутъ содѣйствовать: очевидно, что вліяетъ мягкость слѣдующаго согласнаго — не даромъ на мѣстѣ ожидаемаго 'a громадное большинство этихъ предударныхъ i наблюдается передъ мягкими согласными, ср. данные выше примѣры и указанія; далѣе, вѣроятно, кромѣ аналогій внутри самаго говора, часто содѣйствуетъ сильное вліяніе также извнѣ, особенно, пожалуй, со стороны столичнаго произношенія, отъ котораго, напр., какое-нибудь медленно, по-сложно выговариваемое «ďaŕéu̯ńa» отстоитъ очень таки далеко; а наконецъ надо здѣсь, какъ въ предшествующихъ говорахъ, считаться со старыми случаями i въ предударномъ слогѣ передъ é (глаголы на -ѣть и др., ср. выше). Но столь сильное и, очевидно, все расширяющееся употребленіе i въ данномъ слогѣ, какое наблюдается нынѣ въ этомъ говорѣ, по моему, трудно объяснить иначе, какъ звуковымъ развитіемъ и внутри самаго говора, т. е. — хоть отчасти — какъ редукціей подъ вліяніемъ новаго образа рѣчи. Недаромъ узнаёмъ, напр., что ča̯kú, ča̯kóm — старше, а či̯kú, či̯kóm — новѣе. Упоминаемое развитіе въ сущности согласуется съ развитіемъ (уже старшимъ?) такого дублета какъ i̯aššó: i̯ššy (i̯šše) для «еще»; въ вѣскомъ положеніи говорятъ, напр., «i̯aššó búďiťa i̯iś, to bábъ pъdaśí» (т. е. подастъ); но въ легкомъ положеніи, напр., «a i̯étъ býlъ i̯ššy u tóm ľéťa».

31. Къ морфологіи.

Существительныя.

1. *Основы на* -a, -ja совпадаютъ вполнѣ съ Ив.: sъwá sawý и т. д., nъγá naγi̇ naγú — nóγi nóx и пр. р. д. м., напр. отъ sъxá, колеблется между saxé и [saxí]. — sv́iṅṅá в. sv́iṅṅú и пр.; мн. ч. sv́iṅṅi р. sv́iṅéį или -ṅṅéį, д. -ṅṅám и пр.

2. *Основы на* -o, -jo *и* -u.

a) *Мужской родъ.* Имѣемъ, какъ въ Ив., въ сущности одно общее склоненіе, раздѣляющееся на основы «твердыя» и «мягкія»; отъ положенія ударенія зависятъ извѣстныя намъ разновидности въ гласныхъ флексійныхъ окончаній, насколько онѣ не устраняются аналогіей. Примѣры: dom dóma и пр., м. u d́óm̓ä; мн. ч. dъmá damów и пр. syn sýna и пр., ср. Ив.; м. sýṅi или sýnu; мн. ч. synóu̯ -nám -nám̓i -náx; какъ и. мн. ч. употребляется обыкновенно synawį́ó, при томъ -wį́i; къ этимъ примыкаютъ д. synawį́óm, м. -wį́óx, т. -wį́ám̓i. — Развитіе двойной формы для м. ед. на -ѣ (d́óm̓ä, róγṙib̓ä, но sýṅi) основывается вѣроятно на sanddhi. — koṅ kъṅá kaṅú kaṅóm, м. kaṅi (-ṅú); мн. ч. kóṅi kóṅъu̯ kóṅim kóṅim̓į kóṅix или -ṅax. р. kóṅъu̯ заимствовано, конечно, съ твердыхъ основъ; м. -ṅax — аналогія по окончаніямъ ударяемымъ. — muš múža múžu múžъm, м. múžъ, отъ -y, т. е. -i послѣ ž; (мн. ч. mužžá -žžéį[1]) -žžám и пр.). — Добавимъ kraį kráįa и пр. (м. nъ-kraįú): т. мн. ч. «ръt kraįm̓i», м. «nъ kraįóx»; отъ «гость» мн. ч. γósťi γasťéį γasťóm γъsťám̓i γasťóx. — Ко мн. числу мягкихъ основъ ср. еще (suśét suśéda и пр.): suśéďi или -ďa[2]) р. -ďii̯ d. -dim т. -ďim̓i м. -ďix; но (kám̓in kámṅa, мн. kaṁéṅṅa р. -ṅṅa) тв. kaṁéṅṅäm̓i, м. -ṅṅax при kamṅóx. [и. мн. ч. kámṅi заимствованъ?].

М. ед. ч. sýnu выказываетъ, какъ въ Ив., неударяемое -u. Иначе kaṅú, kraįú, na b́iŕäγú, na v́iŕxú (v́éŕx); другіе говорятъ v́erx, тогда м. звучитъ «na tym (tom) v́ärxú».

И. мн. ч. на -á (dъmá) далѣе напр. въ v́ičirá (ед. ч. v́éčir и v́éčar); но напр. pъγŕäbý, не -bá (róγŕip).

Д. и м. мн. ч. на -'om -'ox, кромѣ приведенныхъ выше примѣровъ, будутъ встрѣчаться часто ниже.

---

1) Ждемъ -éį.

2) А не -ďď-!

Мн. ч. въ формѣ собирательнаго часто встрѣчается и въ этомъ говорѣ. Къ приведеннымъ выше примѣрамъ ср. еще (źäť źäťä и пр.) źiťťá źiťťóu̯ źiťťám или -óm źiťťáḿi źiťťóx; (zv́éŕ zv́éŕa и пр.) zv́iŕŕó zv́iŕóu̯ -ŕóm -ŕáḿi -ŕóx; stúľľa, súčča, ľistťa, wałóšša. [Къ ḱńäś мн. ч. звучитъ или ḱńäźï или ḱńiźźó; впрочемъ, оно, какъ и ḱńiγíńä (!), рѣдко и скорѣе слово поэтическое]. Съ kaḿéńńä ср. ŕiḿéńńa (ŕêḿiń), kaŕéńńa (kóŕiń), [sťupéńńa; вм. stupéń обыкн. ṕristúpak].

Слова на -тель здѣсь имѣютъ ľ: sv́iďéťiľ, wučïťiľ, мн. ч. wučiťiľï или -ľá (къ послѣднему ср. впрочемъ жен. р. wučïťiľka или -łka).

Слова на -инъ: ḿiššańín -ńína и пр.; мн. ч. miššány или -áńa р. -an д. -anъm и пр. Отъ ḃáŕin мн. ч. звучитъ ḃáŕa; я нашелъ только им. пад.; дальше γaspót γъspъdám и пр.

žyŕiḃónъk -nka и пр.; мн. ч. žyŕiḃáty и пр. (Въ тв. отмѣчено, кромѣ -taḿi, также -tyḿi, у котораго вѣроятно изъ ъ).

б) *Средній родъ.* Въ сущности опять одно склоненіе, раздѣляющееся на твердыя и мягкія основы. Примѣры: waknó wъkná и пр., ср. Ив.; ľéta, м. ľéťä, мн. ч. ľitá ľet и пр., какъ въ Ив. — póľä поле: т. póľem м. póľï; мн. ч. pъľá paľéi̯ и пр., но м. и póľex (не -'ox); это -'ex можно объяснить изъ -'ax, но т. ед. -em надо объяснить иначе; собственно то и другое не представляетъ ли окончанія твердыхъ основъ, на мѣстѣ ожидаемаго -'im, -'ix? — Къ разнымъ видамъ м. ед. ч. въ мужскихъ основахъ ср., напр., здѣсь, къ skło (окно) на skľe, къ ńóḃa (небо, «ńóḃa i̯ásnъi̯a») на ńóḃä, на ńóḃu и на ńéḃi (чужое?); къ wučïľïšša училище при -iššu также wučïľaššy, указывающее на -i.

wúxa (úxa) ухо, мн. ч. wúšy р. wuš или wux, т. wuxáḿi и пр.

Приведемъ здѣсь еще ďiťó (moi̯ или mai̯ó), р. (и mъi̯aγó) ďiťó, д. ďiťú, т. ďiťóm м. ďiťú; мн. ч. ďéťi, р. ďiťéi̯, д. ďiťóm [-ťám], т. ďiťáḿi и ďiťḿí, м. (a svai̯ïx, svai̯óx) ďiťóx.

3. *Основы на* -i *и на согласномъ.*

Вмѣсто -sť имѣемъ -ś, straś страсть, koś кость и под.; внутри слова ť звучитъ ясно: д. р. м. kósťi; мн. ч. (н. kósťťa) р. kasťéi̯ и пр. Къ т. ед. ч. ср. напр. ńóčču ночью; къ ударенію м. напр. и ńačï въ ночи.

«Мать» и «дочь» здѣсь обыкновенно имѣютъ видъ mátka, ďъčká (иногда прибл. «ďy̌šká»), ср. основы на -а.

krou̯ krówi krówi̯u («kъšľäi̯iť s-krówi̯u» кашляетъ кровью; wi̯ не даетъ ẃẃ, ср. выше synawi̯ó). «Свекровь» найдено какъ sv́ikróu̯ и sv́akrówi̯a; съ послѣднимъ ср. р. д. м. sv́akrówi̯i (-u̯i), съ первымъ т. -wi̯u; мн.

ч. sv́akrówi̯i, Р. -ówi̯i, Т. -ói̯i̯äḿi; притомъ sv́ikrá Р. sv́akrý, мн. ч. sv́akrý (ср. sv́ókry къ sv́ókъr). Церковь: cérkwa (sérkwa) В. -kwu Т. -kvъi̯u; И.-В. притомъ звучитъ sérkъu̯ (c-); мн. ч. cérkwy cyrkwéi̯ (s-)[1].

— puť (dóbrъi̯) Р. puťá («ńä žďí at-i̯aγó puťá»; ср. прилаг. ńipuťáššъi̯ = нехорошій), и пр.; мн. ч. я не слыхалъ. Въ выраженіи «puťí skóľki» имѣемъ, вѣроятно, старшій Р. ед. ч., какъ въ «mnóγo puťí». — «Голубь» въ ед. ч. отвердѣло: γóľup γóľuba и пр.; во мн. ч. оно мягко: γóľuбi γъľubéi̯ и т. д., конечно какъ основа на -jo.

ďéń dńa и пр.; во мн. ч. отмѣченъ Р. ďon (śem ďon) при чужомъ dńéi̯; Д. dńom [ďńam], М. dńox, dńáx; добавимъ кстати śáńńä (при śäwódńä).

— Слова на -мя. Имя: i̯íḿa или iḿanó, Р. i̯íḿa, Т. iḿanóm, М. íḿi; мн. ч. iḿaný или i̯iḿóna, Р. iḿanóu̯ или i̯iḿón, Т. iḿónami или iḿináḿi. Слово vŕéḿa, Р. vŕéḿa, очевидно рѣдко. «Бремя»: ƀiŕéḿä или (старше) ƀäŕéḿä, но притомъ также ƀêŕéḿä; Р. какъ И.; Т. -ḿäm, М. (u tom) ƀeŕéḿi; мн. ч. ƀiŕómy, Р. ƀiŕóm [рѣже и старше ƀeŕóm]. «Вымя»: výḿä и i̯íḿä(?), Р. iz-ýḿä или iz-výḿa (ср. dva výḿi), Д. výḿu; мн. ч. (pľaxýi) výḿi, Р. vyḿón, Т. výḿiḿi. Вотъ тѣ формы, которыя мнѣ удалось отыскать.

Къ мѣстоименіямъ.

Вообще, указывая на Ив., отмѣтимъ изъ формъ личныхъ мѣстоименій, что употребляются ťiƀé и taƀé, śiƀé и saƀé. i̯on въ Р. В. имѣетъ старшее i̯aγó, младшее i̯awó. Къ [i̯]iná Р. звучитъ (at) i̯i̯é, новѣе (at) i̯êi̯ и даже at ńêi̯; В. [i̯]i̯é — i̯ei̯é (i̯äi̯é) употребляется къ востоку, въ «троицкихъ» поселеніяхъ; Д. k i̯oi̯ встрѣчается въ окрестностяхъ, но, повидимому, рѣдко (чаще въ Артинской вол.); Т. ś-i̯êi̯ (i̯éi̯u повидимому не употребляется). Мн. ч. iný (i̯ny) и aný (i̯aný не употребляется здѣсь), Р. i̯ix и пр.

moi̯ mai̯ó, Р. mъi̯aγó maiγó (новѣе mai̯wó), Д. mъi̯amú mai̯mú, и т. д., ср. Ив.; mъi̯á (я слышалъ притомъ прибл. «maá»), Р. Д. М. mai̯éi̯ и mai̯ói̯, В. maiú, Т. mai̯éi̯(u) и mai̯ói̯(u); во множ. числѣ отмѣчена двойная форма для М.: a svai̯íx или svai̯óx ďiťóx. — naš, сред. р. náša, nášъγa и т. д.; къ жен. р. náša, В. nášu, Р. Д. М. отмѣченъ въ видѣ nášui̯, но Т. какъ

1) Къ потерѣ мягкости въ конечномъ губномъ согласномъ ср., кромѣ krou̯ и пр., еще ƀrou̯ бровь, ľuƀóu̯; къ упомянутому ниже γóľup дальше rup рубль, žuráu̯ или žóγъu̯ журавль, мн. ч. žurawý -wóu̯ и пр.; наконецъ повел. astáu̯ оставь, nъƀáu̯ набавь, pŕiγatóu̯ (и -γъtav́í). Отдѣльно стоитъ čer цѣпь (М. «sъƀáka na čiŕí»; ср. «čipľái̯» зацѣпи); моложе čer, čérka.

nášъи̯ӥ — хотя и съ ъ переднимъ, близкимъ къ у; подобный переходный оттѣнокъ я слышалъ въ И. мн. ч. našъ. Стóитъ сравнить Ивонинскіе оттѣнки.

tot (ср. tóttα: «tóttα sámyi̯ i̯oś a katórъm — a kom — ká[i̯]i̯ť i̯on»); какъ сред. р. употребляется tói̯ä; Р. taγó и пр.; М. tym; жен. р. tái̯a (старше) и ta, Р. Д. М. tei̯ (или tyi̯? Мой слухъ колебался). Кромѣ приведеннаго tói̯ä я слышалъ И. В. сред. рода также въ формѣ tai̯é, въ выраженіи «ťi daśí tai̯é» дашь ли то. Какъ видимъ, этотъ комплектъ представляетъ сильную смѣсь. — i̯étъt i̯étъγa Т. и М. i̯étъm (или скорѣе -tym?); i̯éta Р. Д. М. i̯étъi̯.

xto kaγó kamú (s)kym (a)kom. — što или šĉo čaγó čamú čim čom. — ĉêi̯ ĉi̯ó, ĉi̯aγó и пр.; ĉi̯á ĉi̯êi̯ и пр.; мн. ч. ĉi[i̯]í.

Ср. еще uwéś u̯śo u̯śaγó u̯śamú u̯śim u̯śom; u̯śa u̯śêi̯ и пр.; мн. ч. u̯śi и u̯śe Р. u̯śix Д. u̯śim, но Т. u̯śémi. — sam sъmaγó и пр.; sъmá Р. Д. М. samýi или saméi̯ (мой слухъ колебался, склоняюсь къ -ýi̯); Т. samýi̯u (опять колебаніе относительно y : e), В. śъmai̯é.

Къ прилагательнымъ.

Ударяемыя окончанія твердыхъ основъ записаны въ слѣдующемъ видѣ xudói̯, сред. р. xudói̯ä, Р. xudóγa, Д. xudówomu (xudómu — форма совсѣмъ новая), Т. xudým, М. xudóm; xudái̯a Р. Д. М. xudéi̯ Т. xudéi̯u; мн. ч. xudýi -dýx -dým -dými. Ср. złoi̯ złói̯a złóγa и пр., złái̯a złei̯ и пр., złýi и т. д. — Къ Дат. xudówomu ср. (у «сѣрѣйшихъ») даже xudówъmъγù; подобное расширеніе я слышалъ еще лишь въ «богатый»: (bъγátъmu и) bъγátъmъγù; то и другое образованіе выражаетъ увеличеніе понятія. — Послѣ велярнаго согласнаго ср. И. муж. рода takýi̯ («у приближается къ ъ») и takéi̯; Р. Д. М. ж. рода takéi̯; но объ -éi̯ нужно сказать то же самое, что выше сказано о saméi̯: въ сущности выговаривается не обыкновенное е, но какой-то особый гласный, начало котораго скорѣе «у» (средняго ряда), но склоняющійся къ концу болѣе къ «е» (передняго ряда). То же самое отмѣчено напр. также въ Р. Д. М. жен. рода kŕiwéi̯, xraméi̯. Указываю на соображенія въ § 15.

Окончанія неударяемыя отмѣчены въ слѣдующемъ видѣ: bъγátъi̯ (-tαi̯; иногда чистое -ai̯, напр. ṕérvai̯) и -tyi; послѣднее, повидимому, у младшаго поколѣнія; сред. р. bъγátъi̯a; Р. -tъγa, Д. -tъmu (-tъmъγu ср. выше), Т. и М. -tъm (иногда въ Т. отмѣчено -tym; ср. къ ṕérvъi̯ Т. -vъm, колеблющееся съ -vym, а М. -vam; въ этомъ случаѣ, по моимъ запискамъ, разница данныхъ двухъ падежей наблюдается правильно). Жен. родъ: bъγátъi̯a,

В. -tъi̯u (я не слыхалъ -tui̯u), Р. Д. М. и Т. -tei̯ (а въ другихъ случаяхъ -tъi̯, напр. t́ésnъi̯ ṕérvъi̯). Множ. число b́ъγátъ[i̯]i (а повидимому также -ty[i̯]i; иногда просто -yi: krúpnyi, búi̯nyi), Р. М. -tъх [-tyx], Д. -tъm [-tym], Т. -tъḿi [-tyḿi]; окончанія -tъх и т. д. напоминаютъ Сильк.; о -tyx и т. д. я не знаю, считать ли ихъ старшими или младшими. — Послѣ велярныхъ согласныхъ имѣемъ тѣ же самыя окончанія: ḱérpkъi̯, Р. жен. рода -kъi̯, мн. число -kъi и пр.

Къ мягкимъ основамъ ср. напр. paróžńei̯, жен. р. -ńi̯a, мн. ч. -ńii. Род. ед. ч. paróžńъγȧ указываетъ на введеніе окончаній твердыхъ основъ.

— Къ сравнительной степени: b́iĺéi̯a бѣлѣе, при b́iĺéi̯šy; bóĺšy и b́oĺša, stáršy и stárša, xúžy и xúža (-а во всѣхъ «высокое», «ȧ»), šýŕä шире, при šýrša; ĺúččä и ĺúčči (больше у молодого поколѣнія). — При xúžy (-ža) говорятъ еще «mnóγъ xúžyi̯šy taγó». — Ср. наконецъ «i̯on stražéi̯šy t́ib́é» (строже).

Къ числительнымъ.

ad́in, сред. р. idnó или dno; Р. adnaγó (ср. at-ъdnaγó), и пр.; жен. р. idná или dna, В. idnú, dnu, Р. (u w)adnéi̯ (т. е. у одной) или -ói̯, Т. idnéi̯ (ср. sydnéi̯ съ одною); множ. ч. adný или idný, Р. adnýx, и т. д. Въ окрестностяхъ сочетаніе dn часто переходитъ въ nn, особенно, повидимому, по направленію къ Смоленской губ.; напр. «ńi annawó γósťa» при обыкновенномъ (старшемъ?) ńidnaγó. Странную форму для того же падежа я отмѣтилъ въ выраженіи «ńi wónnъγa γuśónka ńêtťi, uśíx varóna pozъdráĺα» ни одного гусенка.

dva, ср. Ив.; Т. dvuḿá и dvuḿí.

t́ŕi, Т. t́ŕiḿá или t́ŕóḿi.

čatýŕi (śa-), Р. śityŕóx или śa-, Т. śityŕḿá.

ṕäť Р. М. ṕiťóx Д. -tóm И. ṕiťḿí. — šeś (не ê!) šysťóx šyśḿí. — śem śimóx śemḿí. — vóśim, d́éviť, d́éśiť; ad́innatsýť или `-tsàt[1]) и т. д. 50: ṕid́-d́iśát, 60: šyzd́iśát, и т. д. 90: d́iv́inósta; 100 sto, 1000 týśśa.

Къ собирательнымъ ср. Ив.

— ṕérvъi (-ai̯, повидимому обыкновеннѣе); притомъ ṕervói̯, -ói̯ä, -ái̯a. drnγói̯ или drúγъi̯ drúγъi̯a и т. д.; u̯tarói̯ (ср. формы какъ «wuu̯taréi̯ b́áb́e» у второй бабы; см. § 4). t́ŕéťii̯, сред. и жен. р. t́ŕéťťa, Р. t́ŕéťťaγȧ и т. д.; ср. выраженіе «i̯a byĺ ṕŕízvan u t́ŕiťťóx», т. е. третьимъ по очереди. «Четвертый» я не записалъ случайно. ṕátъi̯ (-yi̯?). šastói̯ или šóstъi̯. śómъi̯ или śiĺmói̯. vó-

---

1) Скорѣе, можетъ быть, -tc вм. -ts?

śimmъį (а также съ однимъ m?), новѣе vaśmój. Къ дальнѣйшимъ формамъ ср. Ив.

Къ глаголамъ.

Относительно спряженія упомянемъ лишь то, что при 1 л. множ. ч. 'ém, напр. γńiťém гнетемъ, стоитъ 'óm, напр. s'om сосемъ. Отдѣльные же глаголы представляютъ подробности не безъ интереса; перейдемъ къ нимъ, указывая, главнымъ образомъ, на отклоненія отъ приведеннаго въ § 10 матеріала.

I. A. Къ общей съ Ив. параллели въ вокализмѣ корня ср. напр. γńatú γńiťéš... γńatúť; γńäťi; γńoł γńiłá γńałó γńaľi; γńêś. — pľatú pľiťéš; прич. ras-pľéťina (ср. сущ. pľätúxa, родъ плетеной сумки). — γŕabú γŕiběéš; γŕibi(!), но прош. мн. ч. γŕäbľi; pod-gŕébina (ср. кратное ръdγŕibáť). Вполнѣ такъ же ръt-skŕabú. — biŕaγú biŕažéš (новѣе biŕiγéš) biŕažéť (biŕiγéť) и т. д.; повел. biŕažý (новѣе biŕiγi); biŕóx biŕiγłá biŕaγľi; beŕéč или biŕéč; biŕéžъna. — sťiŕaγú sťiŕaγéš и т. д.; другого вида для наст. времени я не нашелъ; неопр. sťiŕéč. — pakú päkéš pikéť pekém pikéťä pakúť; peki; pok pikłá pakľi; pêč; (xľep) s-päčón. — (ŕiká) ťikéť, 3. мн. ťakúť; ťikłá ťakľi. — žγu žγeš и т. д., ср. Ив.

zъŕaγú zъŕiγéš; zъŕaγi zaŕóx zъŕiγłá; zaŕéč (ср. кратное zъŕiγáť). — ľažu какъ въ Ив.; однако нѣтъ повел., вмѣсто него «ńi łažýś» не ложись. — žmu, ср. Ив., но прош. žmał zmáłа, неопр. žmať. — waźmú какъ въ Ив.; ḿäť, žať žnu тоже. — kľanú kľińéš; kľäńi; kľał kľiłá. — način; načńi; nъčáł nъčъłá nъčaľi; nъčáť; ďéła nъčáta дѣло начато.

umrú; umór umórła umórľi; umiŕéť. — tru какъ въ Ив.; однако неопр. ťiŕéť. — zaprú какъ въ Ив.; прич. zapórta.

tałkú ср. Ив.; прич. istałčón. — vъłakú ср. Ив.; прич. izvałóčin. — maγú maγéš maγéť maγém maγéťa maγúť (однако «ńä móžyd-býť»); ръmaγi; mox mъγłá maγľi; (pa)móč.

búdu ср. Ив.; повел. buť búťťä; (był byłá и bъłá).

śakú śikéš; śiki; въ остальномъ ср. Ив. Приведемъ здѣсь еще baγú (теперь чаще biγú), baγúť; повел. biγi (повидимому новая форма); неопр. bêč. Остальныя лица наст. времени ввели γ: biγiš biγiť (и bäγiť) bäγim (рѣже biγim) beγiťä (новѣе bi-); но повел. zbažý-ka.

žyvú ср. Ив. — idú iďéš ср. Ив.; неопр. однако iťiť. При прош. išłá отмѣчено также jišłá. Въ pŕidú формы какъ pŕiďiš pŕiďiť кажутся новѣйшими. — stryγú и т. д., стригу; stryγi; strуx или stŕix, stryγłá [stŕiγłá]; stryč или stŕič.

Ср. еще pł'yt́, 1 л. pł'ъwú, 3. мн. скорѣе pł'ywúť; къ колебанію ъ: у ср. Ив.

I. B. ƀarú ƀiŕéš; ƀeŕi; bral' brál'a; u-ƀrána. — ďarú ďiŕéš; прич. atъ-drána. γnať, tku, l'γu ср. Ив.; въ послѣднемъ замѣтимъ мѣну l-: al-, напр. ty l'γeš, ńá l'γi, но ion al'γét.

aba-ssú -śśéš -śśét -śśóm -śśétä -ssúť; неопр. aba-ssáť обсосать.

II согласуется съ Ив.; вм. повел. ńá-tóń отмѣчено здѣсь ńi-tańí (тонуть) Къ краткимъ формамъ прош. вр. ср. напр. ръźáр ръźábl'a (źábnuť), zaḿérs (zaḿérznuť, при новомъ zaḿórznuť). Къ pramóknuť употребляется прош. вр. другого корня prъḿák prъḿákl'a.

III. 1. A. γŕêť, sḿêť ср. Ив. Пеструю картину выказываетъ «пѣть»: наст. вр. у старшаго поколѣнія звучитъ paịú ṕiịéš ṕiịét ṕiịém ṕiịétä ṕiịúť, т. е. 1. ед. ч. сохранило старшій вокализмъ, прочія лица или подпали аналогіи случаевъ какъ pl'atú pl'ité́š, или — скорѣе — принадлежатъ къ другому глаголу, см. ниже; повел. s-poį или ṕiịáį; въ прош. вр. я не слыхалъ ожидаемаго *ṕeł, но только ṕiịál' -l'a -l'i; неопр. ṕiịáť («ḱil'i piịáť tak ṕiịáť»); очевидно стоимъ передъ «пѣять», со спряженіемъ какъ напр. смѣяться; ср. бѣлор. (Носовичъ) пѣяць, впрочемъ съ другимъ образованіемъ наст. времени. Кобыльскія формы указываютъ, конечно, на то же происхожденіе.

Любопытны также формы глагола брить: ƀŕu ƀŕiš ƀŕiť ƀŕim ƀŕitä ƀŕuť; ƀŕi; ƀŕil' ƀŕil'a; ƀŕiť; pa-ƀŕit. — duť, myť, kryť, ryť, vyť (volk vý[į]iť) ср. Ив. — γńiịét γńiịúť; z-γńil'a; γńiť.

ṗịu и т. д.: p твердо, послѣ него, передъ тѣмъ какъ начинается į, какъ будто звучитъ минимальное «ъ», повел. pêį; ṗil' ṗil'á; ṗiť — bịu; bêį; ƀil' ƀil'a; ƀiť — vịu («vъịu»); veį (vêį?); víl' víl'a; viť; s-víťa. Къ b, v двухъ послѣднихъ ср. замѣтки о p въ pịu.

l'u al'l'éš (новѣе il'l'éš) al'l'éť al'l'óm (повидимому только -óm, какъ въ pịom bịom vịom), и пр.; повел. l'eį или al'l'i.

— us-paŕú uspóŕiš, ср. Ив. — kal'ú kól'iš... kól'uť; ńi kal'í; пъ-kal'ól'; kal'óť. O žnu ср. I. A.

III. I. B.

а) śé[į]iť сѣять ср. Ив. Къ bl'iịáť (ср. Ив.) подчеркнемъ i въ корнѣ въ наст. вр. (wówcy, т. е. овцы) bl'iịúť; это i, повидимому, соотвѣтствуетъ i въ ṗiịéš поешь и т. д., ср. «пѣть» подъ III. 1. A.

— kuịú kuịéš; kuį; kuwál'; kuwáť; pъt-kuwán. — Ср. далѣе, напр., taŕγúịu, tъrγuwál', tъrγuwáť. — kl'úịú; kl'uwál'; kl'uwáť; такъ же žuwáť, pl'uwáť (наст. вр. даже съ ü: pl'üịú). Но: nač́úịu: пъčiváť.

б) tŕepl'ú tŕépiš; tŕipí (tŕä- я не слыхалъ; ср. Ив.); tŕipáť. — dŕimú

dŕémiš, dŕimáť. — sýṕu sýṕiš, sýṕъť. — taššú táššyš, tъskáť. — ṽažú ṽážyš, ṽizáť. И т. д., вообще какъ въ Ив. — xгъmáť я слышалъ лишь съ наст. вр. xгъmai̯u. Хохотать, какъ въ Ив. звучитъ γъγъtáť, γъγačú[1]). Къ iskáť, iššú i̯iššyš (-ššъš?), повел., какъ и ждемъ, звучитъ здѣсь iššý; ср. къ poľъskáť (poľaššú paľóššyš) повел. poľaššý.

III. 2. A. ďéľъť, vъľáť, ľъskáť, ťiŕáť терять, гъвътать и т. д. не представляютъ различій отъ Ив.[2]).

Вполнѣ соглашается съ Ив. также типъ uḿéť, žaľťéť и под. «Имѣть»: ḿêť, прош. ḿeľ, наст. вр. ḿéi̯u ḿéiš и т. д.

B. Къ типу tъгγъváť см. подъ III. 1. B.

IV. A. Примѣръ уже приведенъ въ зам. къ III. 2. A (vańiť). Спряженіе, видъ и удареніе отдѣльныхъ глаголовъ соотвѣтствуютъ Ив.; отмѣтимъ лишь удареніе въ bŕańiť, bŕańú bŕáńiš... bŕáńuť и γraźiť, γraźú γróźiš и пр. Формы, какъ γraźú vaźú (vaźiť) zъγъraďú (-ďiť) и др., въ конечномъ согласномъ корня соотвѣтствуютъ тому, что мы знаемъ изъ Ив. Приведемъ еще mъľaťiť, mъľaćú съ ожидаемымъ въ первомъ слогѣ ъ (Ив. ma-).

IV. B. ṽiďu... ṽiďuť; ṽiďiľ; ṽiďiť; ср. «ṽiš ai̯ ńét!» видишь или нѣтъ, «ṽiš kakói̯». — Съ Ив. ср. ṽirťéť γľiďéť (не γľä-) ťiŕpéť zṽińéť ṽiľéť γŕiḿéť (γrom γŕiḿiť, γŕiḿéľ); γaŕéť. «Сидѣть»: śižú или śiďú śiďiš... śiďáť; неопр. śiďéť — не śä-, это послѣднее принадлежитъ мѣстностямъ по направленію къ Мосальску (Троицкимъ поселеніямъ, Дубровской вол.); но ср. кратное paśéžъvai̯u, извѣстное и въ Коб.

kŕičáť ср. Ив. — maľčú... mъľčáť, неопр. mъľčáť. — Держать: ďaržáť (склоняясь къ ďъ-); ďaržú ďaržýš... ďaržáť. — stъi̯áť и bъi̯átsa (-ca?) ср. Ив.

V. dam daśi (новѣе daš) daś daďim daďiťä dadúť; dai̯; daľ dъľá dáľi; dať. Синтаксическое употребленіе формы daśi такъ широко, что можно бы понимать ее какъ общую для всѣхъ лицъ. Напр., на вопросъ «ťi daśi tai̯é» дашь ли то?, отвѣчаютъ «daśi, čaγó ńi daśi» въ значеніи «дамъ»; ср. ниже «iśi».

i̯em i̯éš i̯éś или i̯iś iďim iďiťä iďáť; повел. ieš i̯éšťä; i̯eľ i̯éľa; неопр. i̯iś. И здѣсь при приведенныхъ формахъ наст. времени употребляется какъ общая для всѣхъ лицъ iśi: «a ty po[i̯]iśi?» «a i̯a i̯šše i̯śi».

32. Приложеніе: къ нѣкоторымъ вопросамъ «Программы».

---

1) Расхохотаться: zъгzáť.

2) Вм. *vъńáť вонять въ Спасѣ употребляютъ vańiť, 3. ед. ч. vańiť, 3. мн. ч. vъńáť, прош. vańiľ.

Послѣ даннаго изложенія можно ограничиться слѣдующими немногочисленными отвѣтами.

62. ďorskъį — но v́étxъį zaďérška ľeu̯. ńóbα xŕos (отсель: atśiľä). k i̯oį слышится вм. i̯êį изрѣдка въ окрестностяхъ; чаще же tvai̯óį svai̯óį (ср. Морф.). i̯oś. Но v́ěŕx или v́erx, učébńik и пр.

paďóńšyk. vaľóžńik.

63. kaľóčiť калѣчить, v́óška вѣшка, (tv́iŕózъį трезвый), v́ódry (ед. ч. v́adró); въ остальныхъ примѣрахъ звукъ e.

64. aďéža ľipéška u-dałbéšku; въ остальномъ ср. лит. языкъ. Съ этимъ согласуются также γńózdy (γńazdó), zv́ózdy (zv́izdá), śódły (śadłó).

70. «Стричь» выказываетъ и stry- и stŕi-, см. Морф. Ср. далѣе γrур γrybý, tъwárъš (отъ -рыщъ); но kŕik, kŕičäť, ŕiγa; коврига: kaŕ-v́iγa.

76. wóčiń или wóčinna, очень.

141. śérkъu̯, ср. Морф.; ṕérvъį (ṕervóį), v́érba, v́erx (na v́arxú) — но также v́ěŕx (na v́iŕxú); źéŕkαła — т. е. такая же смѣсь, какъ въ раньше описанныхъ говорахъ.

Къ вопросамъ о *палатализаціи*, кромѣ упомянутаго въ § 30 xъźái̯ka, ṕińká и под., отмѣтимъ явно твердые губные въ pi̯u bi̯u vi̯u («pъi̯u» и под.), см. Морф.

Къ вопросамъ Прогр. объ *удареніи* (стр. 1 сл.) сообщаю изъ произношенія Морозовской волости слѣдующее:

ŕúčii̯ xóľъť («xałódnъ dúžä!») twórъx (rъzγavór) wóśiń addýx kъnakóľ Р. мн. ч. kъłkałóu̯) pastúx karšún nóžъk (-žyk) vaľéžńik pъtałók zъkłátkα padrúγa uśṕéx zъstáva zakúska próśťiń (NB i) śérca znakómstva wópšъstwa b́óľiś (болѣзнь).—žyťtó śṕína pъraďďä źimá źimľä (В. źämľú) śiŕäbró [«чаша»: ṕitúxa, обыкн. деревянная] skъu̯rъdá, мн. ч. skъwradý Р. skъwarót; kъłakóľńe (ďéńγi) sážyń kazná dyčká sъsná ďévъčka (я слышалъ притомъ ďévъška) ałxá sałónka róďina śéra vói̯ska śiťα žórau̯ aľéń kryľcó v́érba túča páśńa kipitók ṕétľä (е поражаетъ) γarłó vólna (kuľ) (ľédńik, повидимому, чужое слово) žńíwa tŕъwá šъłuxá šáv́iľľa (средн. родъ) sъłavéį ḿiľъś słúčii̯ (-śii̯) ab́yčii̯ mъłъdńá (молнія) svátъńńä (сватанье).

słóv́ička ḿéstičkα. — vъłká (dva vъłká), но zv́éŕa и т. д., ср. лит. языкъ; съ этимъ согласуется далѣе, напр., vółkъm... pad-ńizъm, pad-b́ókъm, ab́úxъm — но pъd-mastóm.

k-śťéńä, g-źiḿe (stúďinъ stáńiť); но k-stъrańé и пр.

doš̱ (въ моихъ запискахъ количество š̱: š колеблется) имѣетъ въ Р., напр., «dóžžu ńi-bъło dau̯nó».

Я слышалъ только удареніе вродѣ na-zlб, pa-lbú, pa-póľu, za-móre, na-ľétα, na-wúxъ, za-śénъm.

Къ прилагательнымъ въ краткой формѣ ср. γóľъďin ƙíśiľ (и ƙiśóľ) žýrin (вм. «смиренъ» я слышалъ выраженіе «ịon rъxmán» *)) ťópiľ (и-póľ, ср. ƙiśóľ) ƀúịεn (ƀuịón считается чужой формой) móľъt lóγъƙ máƙъƙ. — šyróka sľépa žýva móľъda stára vεľíka (ve-?) dórъγa sľabódna zdaróẃa bъγáta. — Средній родъ: apáśnъ vyśóka daľóka (у молодыхъ daľéča) γlubóka móžna (и mažnó, которое теперь исчезаетъ) ťómna (γódnα) dúžä ládnα trúdnα šäróka mnóγъ (и mnaγó, старшее) ťópľъ lóxka ƀéľα.

33. Изъ села Теплова: сказка. О говорѣ села Теплова, Парфеновской волости, въ полуторѣ верстѣ къ востоку отъ Спасъ-Деминскаго, я собралъ рядъ свѣдѣній у крестьянина Минаева («iľịá—aľúxa—lóγinow, xwaḿiľịa ḿinájew (также ḿinájъw), śiľá ťäpľóvα, wóľъsťi parxẃónъwskъị»). Записки показываютъ самое близкое родство, большею частью тождественность съ говоромъ Дем. Упомянемъ пока лишь то, что отмѣчено не рѣдкое приближеніе ъ къ о (напр. «vodá»), початки такого же «оканія», какое намъ извѣстно изъ § 15; но, повидимому, развитіе этой особенности довольно индивидуально, а у Минаева ъ большею частью еще сохранялось ясно различнымъ отъ о. О немногихъ другихъ особенностяхъ скажу въ § 34. Здѣсь же приведу сказку, записанную по Минаеву; она послужитъ прежде всего дополненіемъ къ описанію говора Дем., показывая, въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ, дѣйствіе разныхъ звуковыхъ правилъ въ связи рѣчи. Что нужно, впрочемъ, критически относиться къ формамъ и стилю въ сказкахъ, такъ часто отражающихъ какъ разъ чужое, заимствованное, — и что нужно снисходительно относиться къ передачѣ, поврежденной, конечно, частыми паузами при распрашиваніи о звуковыхъ подробностяхъ, — это врядъ-ли надо подчеркивать; общій звуковой составъ даннаго и окружающихъ говоровъ всетаки не дурно проявляется изъ сказки.

žyľ mužýk [1]) i ƀáƀä [2]). bъľá [3]) и ịix ŕáƀyịä stárъịä sαbákα. mužýk: ťi

*) Ср. «a ťót pъƀaịśéị», т. е. -čéị «побойчѣе».

1) ý приближающееся къ i.

2) Послѣднее, сокращенное а или «α» склоняется здѣсь нерѣдко къ «высокому а», ср. въ франц. madame.

3) ъ приближается иногда къ а («α»), иногда къ о. При томъ также муж. полъ, byľ; ср. ниже «ịétъt sъƀáka».

šúi̯ɛš tý, naš sobáka (скоро: nassobáka) ńišóγα nóčču ńɛ bŕéššyt? aná i̯imú (i̯ämú) i γъvaŕíť: sviźí ty sъbáku-u̯-ľés!

dúro baba, kak i̯à i̯àγó (i̯iγó) poväzú (-vezú)?

a tý ńi znái̯ɛš kàk, vaźḿi atŕéš skrýľu xľéba i rъskrъšý i̯àmú kak cъpľátъm. pъkámes i̯on pai̯éś, a tý ui̯éďɛš (-ďiš).

sъbákъ i̯ét-atstáłśä.

pašóľ i̯etъt sъbáka pó-lisu i zαpľákał. stŕiwáitsa sńim (śi̯im) wołk: štó ty sъbáka płášiš?

kak mńe ńi-płákαt- ńi-γъŕuváť! [4])

ńi płáš ty, ńi γaŕúi̯! i̯éžiľ ty xóšiš ty i̯éś to viďí ty ḿińé u swoi̯ tabún. patóm — nu-i̯ďí ty, vyberái̯ xaróšyi̯u [5]) kabýłu...

nú, i̯á výbrał kabýłu.

nu iďí śudá kóški [6]) (другой разъ: k-i̯étъi̯ kóški).

nαšáľ vołk kъpáť [7]): nu štó, sъbáka, pokraśńéľi ma[i̯]í γłozá?

pokraśńéli.

kъpáľ, kъpáľ: nu štó, sъbáka, stαi̯áť ma[i̯]í vúšy dýbъrъm?

stαi̯áť [8]).

kαpáľ kαpáľ: nuštó, sъbákà — stai̯íť mai̯á (moi̯á) šeŕś [9]) dýbъrъm?

stai̯íť [10]).

kъpáľ kъpáľ: nu-štó, sъbáka, staïť moi̯-xwós dudói̯?

sta[i̯]íť.

nu paďóm.

kakúi̯u ty vubɛráľ kabýłu?

i̯étu kabýľu wołk zai̯éł. nai̯éłśi sъbákα, pъvišiľéľ:

nu štó, wołk — tak i̯a maγú kak ty.

iγďé ťibé tag zďéłαť?

---

4) Слово плакать теряетъ взрывъ -ť передъ n-; остается впечатлѣніе твердаго -αt-.

5) Сначала я слышалъ -šъi̯u, потомъ скорѣе -šyi̯u.

6) Т. е. къ кочкѣ; ср. ниже kaбýľe къ кобылѣ.

7) Новѣе и (пріучено) kapáť.

8) Я слышалъ также «stäi̯áť» — м. б. подъ вліяніемъ извѣстной гармонизаціи между гласными?

9) Шерсть, поражаетъ e вм. ожидаемаго ê; тутъ, вѣроятно, вліяетъ предшествующее š; ср. прим. 17.

10) Даже -jiť; но ср. ниже staïť, совсѣмъ безъ i̯.

iγdĭ[11]) ty vyb̓εráį[12]) kabýłu xaróšъįu.
id̓é ťib̓é xaróšъįu povaľĭť! įa ťib̓é v́ýb̓εru sámъįŭ płaxúįu!
nu vółk idĭ śudá, ap̓áť (ip̓áť) idĭ kóśki[6]).
nъšáł kαpáť: nu štó vółk, pokraśńéli ma[į]ĭ γłαzá?
kakóį[13]) pъkraśńéli! ty zαmaŕĭłśi (-śę) i tva[į]i γłázy upáli.
brât, skažý požáłъsta[14]) što pъkraśńéľi!
kαpał kαpáł: nu štó vołk, stъįáť ma[į]i vúšy dýb̓ъrъm?
ty zъmaŕĭłśi — vúšy[15]) pav́éśił.
brât, skažý požáłěsta što ma[į]i vúšy stъįáddýb̓ъrъm![16])
kъpáł kъpáł: štó brat vółk, staĭť mъįa šeŕś[17]) dýb̓ъrъm?
ty zъpaťéł, tvъįá šeŕś[17]) pŕiliγłá.
brât, skažý štu sta[į]ĭť!
ap̓áť (ip̓áť) kъpáł kъpáł: ťi staĭť moį xwos dudóį?
ty zъmaŕįłśi i xwos pav́éśαł[18]).
brât skažý štu staįĭť!
nu — staįĭť[10]).
nu pad̓óm vaľĭť kabýłu.
kakúįŭ tý vyb̓iráł[19])?
wot įétu!
cáp za xwós — udáŕiła sъb̓áku kabýła zád̓ńiįu naγóį[20]), įétъt sъb̓áka

---

11) Т. е. иди, обыкн. idĭ; форма странная.

12) При томъ, въ скорой рѣчи, wub̓iráį (vyb̓iráį). Ср. прим. 19.

13) o здѣсь закрыто, ср. нѣм. «gross». Вообще o звучало у этого лица болѣе закрыто, чѣмъ въ лит. языкѣ — исключая иныя o на мѣстѣ ъ; эти послѣднія имѣли болѣе или менѣе открытый оттѣнокъ.

14) po- склонно къ pa-; вѣроятно оно выражаетъ собственно pъ-, ср. прим. 13.

15) y склонное къ i, ср. прим. 1.

16) Первое d не взрывается, соединяется со слѣдующимъ въ двойное твердое d.

17) Ср. прим. 9; e здѣсь лежало близко къ ê.

18) Слышалъ также -śił.

19) И vъb-; ср. прим. 12.

20) По сообщенію лица, отъ котораго я заимствовалъ свои свѣдѣнія, въ обыденной рѣчи naγóįu; -γóį принадлежитъ-де сказкамъ.

bryk[21]) i ľažyť. volk: i̯á ťiḃé γъvaŕiľ (γa-) štu tý ták ńi-móžyš[22]), stupái̯, i̯eš xuď- γatóvъi̯u!

patóm i̯etъt sъbáka nai̯éłši i pašół... stŕiwáitsα (stŕišáitsъ) śi̯im[23]) liśíca: štó ty płášiś — γaŕú[i̯]iš? ńi płaš-kα, ńi-γaŕúi̯, but-tý[24]) moi̯ múš, a i̯á tvъi̯á žaná. paďóm ty sa-mnói̯ u-dvór, u-ḿińé tam što xóš, to i̯éś, i γuśáťiná -i̯ kuŕáťiná.

pŕišół volk k[i̯]ixńii̯ xáty (-ťi), próśitsα uwaknó: kъťiná ivánoviš[25]), pusťí ḿińé łápku paγŕéť!

kak ḿáu̯kńiť i̯étъt, tak vółk ръḃežáł[26]). stŕiváitsα s-vałkóm ḿêdvéď: nu ḿíša — ťεpéŕ (tapéŕ) ńi-xaďí!

kamú[27])?

k-líśy ivánъwny. kakói̯ u ńéi̯ i̯êś kъťiná ivánoviš!

ō, i̯á -ńi -bai̯úś. i̯a pai̯dú wóḃiγ -zъďaŕú[28])...

kъťiná ivánovič i líś- γvánъwnà — pusťíťe ḿińe łápku paγŕéť!

i̯étъt kъťiná ivánovič kъk-ḿáu̯kńiť, kъk pašół i̯étъt ḿεdvéď[29]) sъ-u̯púγu.

patóm ańé sъbraľíś na-lúx, wołk i ḿêdvéď[29]) i záiic: nu kák nam i̯ix zαzváť u-γósťi?

ty wółk-yďí[30]), zъi̯idái̯ kabýłu, i taššï[31]) na i̯etъ ḿéstъ, a i̯á pai̯dú zъďärú karóu̯u, pŕitaššú na i̯étъi̯ ḿéstъ[32]).

pŕiwałók wołk kabýłu a ḿêdvéď karówu, — a zái̯ca pašľóm zъzъwáť[33]) u γósťi kъťiná ivánъviša i líśu ivánou̯nu.

---

21) Ср. łóšъť ubryknúła, наст. вр. ubrykńéť.

22) Старше ńä-móžyš.

23) śjim.

24) -ť t- > tt; ср. dd въ прим. 16.

25) Или -ič, со слабымъ элементомъ t въ č.

26) Старше ръḃižáł.

27) Т. е. къ кому; см. прим. 6.

28) Также zъďíŕú, пріученное въ сказкахъ?

29) Очень трудно опредѣлить гласный перваго слога; то онъ звучалъ скорѣе какъ ê (ср. выше), то какъ ε — i.

30) Въ скорой рѣчи почти «wołk - ъďí», съ y разслабленнымъ въ ъ.

31) i послѣ š — аналогія, ср. что это повел. накл.

32) Притомъ i̯étъ ḿéstъ? Разъ, кажется, я такъ слышалъ.

33) Вполнѣ тождественныя «ъ» въ двухъ первыхъ слогахъ. Ср. ниже nazъvái̯iť.

příxóďiť ǩixńij xáťi zá[j]ic, uľáźiť uśéncy[34]), attvaŕá[j]iď -ďvéŕ, uľáźiť zá[j]ic uxátu[34]), nazъvá[j]iť[33]) ľísu-ivánъwnu — i vý kъťiná ivánovìśa (-ča), vas žaľá[j]iť ḿêdvéď i wolk u γósťi[34]).

skažý -jim, pos kosój, štu my śas[35]) příďóm.

pъbežáľ zá[j]ic nazát (nъzát, старше): volk i ḿédvéď! janý skъzáľi što śas přidúť.

nu ḿiša, kág-bum xaraníitsa?

a ḿidvéď atvišá[j]iť jimú (jämú): ty volk ľêś kabýľä v-śeŕêďinu (старше: uśiŕótku[36]), a já paľézu na ďéŕiwà, a ty, zá[j]ic, iďí-u-bók.

iďóť (iďéť) kъťiná ivánovìč s-ľísu ivánъwnъj[37]). stáľi jéś karówu, atyjšľí at karówy (-ve), přišľí kabýľe[6]), stáľi jéś. jétъt kъťiná ivánovìś ľúbiľ ḿákkъju γъváďinu, zγŕóp jon volká zaxwós, stáľ ḿáť, jeť vólk[38]) kъkŕivńóť, spuγáľiś ańé, prýγnuľi na jólku. spuγáľi ḿêďvéďä — kъk udáŕiľsa jétъt ḿêďvéď ab źémľu.

jétъ skáskъ uśá.

34. Теплово: нѣсколько подробностей. Пополнимъ матеріалъ предшествующаго параграфа нѣсколькими замѣтками. ś — на мѣстѣ č, а также изъ sč, напр. «śas» сейчасъ — отмѣчено здѣсь, какъ ясно дорсальное образованіе, т. е. ş (ср. § 3). Иногда у молодыхъ въ такое долгое ş переходитъ то śś, которое во всѣхъ этихъ говорахъ соотвѣтствуетъ лит. щ; при старшемъ kľádbiśśa записано младшее -şşe. Это очевидное вліяніе со стороны столицы.

У Минаева я замѣтилъ склонность къ «дзеканью»; иногда мягкія t d во всѣхъ положеніяхъ звучали почти tś dź (но не tş dẓ); но, повидимому, это чисто индивидуальная черта, не согласующаяся съ обыкновеннымъ произношеніемъ этихъ говоровъ. У старухъ, по его словамъ, мягкое ś иногда выговариваются ś (т. е. ş, ср. выше), напр. слѣдъ какъ «śľet»; это напоминаетъ произношеніе дальше на западъ, но не могу высказаться подробнѣе о явленіи, слѣды котораго я самъ не замѣчалъ нигдѣ въ этихъ говорахъ.

---

34) Неслоговое и шепотное u- (u̯-) на мѣстѣ лит. въ; иногда же полное u, ср. ниже u γósťi. Потеря голосности связана, вѣроятно, съ характеромъ слѣдующаго согласнаго.

35) Медленнѣе śas.

36) И u̯ śeŕótku, śêr- я отмѣтилъ при томъ.

37) При s·ľísy-ivánъwnъj (или -ŷj).

38) Т. е. конечно, jétъt v-; ср. выше jétъt.

Объ о на мѣстѣ ъ, напр. во второмъ слогѣ kórotkà, я говорилъ въ § 33; тамъ же объ открытости этого о, сравнительно съ обыкновеннымъ выговоромъ старшаго (ударяемаго) о. Часто же совпаденіе бываетъ полное, напр. въ приведенномъ kórotkà. Въ этомъ отношеніи произношеніе часто ставитъ наблюдателя въ колебаніе, тѣмъ болѣе, что то же «ъ», которое съ одной стороны приближается къ о, а въ другихъ случаяхъ къ а, иногда развивается по направленію къ у («styŕiki» старики, «nyśakú» насѣку — но nъrubiť нарубить); поэтому является немало переходныхъ, трудно опредѣлимыхъ оттѣнковъ.

Типично и многосторонне рисуется въ этомъ говорѣ отношеніе v: w: u̯. u̯- на мѣстѣ лит. в, въ примѣрахъ какъ время, все, весьма часто теряетъ голосъ (ср. въ сказкѣ) и тогда склонно къ полному исчезновенію; можно, напр., иногда въ [u̯]śa źimĺá, вся земля, [w]śεrás вчера говорить о w, u̯ «виднымъ, да не слышномъ».

Относительно р b въ pi̯u bi̯u я остался въ этомъ говорѣ въ сомнѣніи, считать ли ихъ твердыми или мягкими.

— Распредѣленіе разныхъ гласныхъ не отступаетъ отъ того, что уже знаемъ, ни въ принципіальныхъ правилахъ, ни въ отклоненіяхъ отъ нихъ. Можно привести тѣ же самыя характерныя слова, какъ въ прежде описанныхъ говорахъ; ср. переходъ u въ ъ въ ďъruká (И. durák), mъxamóry мухоморы; или случаи перехода у въ ъ передъ á въ stъršъná, vъłáźiť, а правильно въ другихъ, слабовѣсныхъ слогахъ, напр. въ wúmnъx умныхъ, paśósъvàť подчёсывать; случаи «гармонизаціи» гласныхъ оттѣнковъ, особенно въ извѣстныхъ полногласныхъ слогахъ, напр. małatcóm молодцомъ вм. mъ-, и подобно atkarawúĺiĺ откараулилъ (но напр. połatnó); а- на мѣстѣ ожидаемаго ъ-; полное выпаденіе, при разныхъ условіяхъ, маловѣсныхъ гласныхъ: «ṕrixóⁱddamói̯» приходитъ домой, «vъłáźiť i̯aγoťéc (i̯iwoťéc) iz maγ́ĺä» вылазитъ его отецъ изъ могилы, «śeĺ natcówu maγ́ĺu» сѣлъ на отцову могилу. Вниманіе привлекаетъ не совсѣмъ рѣдкое ê въ слогѣ предударномъ (все передъ é?), напр. śťéŕéś стеречь, ḿêďvéď (при ḿε-, ḿi-) и др.; см. замѣтки въ § 14, 17. Вмѣсто ожидаемаго ʼа (ʼä ʼе) въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ видимъ часто — особенно въ сказкахъ? — і, напр. śislĭu̯ счастливъ, ďvinácť śisóu̯ двѣнадцать часовъ; ср. замѣтки по поводу этого явленія къ Дем. въ § 30. На сильное вліяніе извнѣ то и дѣло указываютъ встрѣчаемые дублеты, одно произношеніе старшее, другое младшее: старшее ki̯ämú — младшее kńimú, kńemú кнему, старшее i̯anó, i̯anу́ — младшее anó, ańé, и под.; замѣна старшаго i̯oś младшимъ i̯êś, старшаго pamór, umór младшимъ pómir померъ и под. дѣлаетъ несомнѣннымъ то, откуда идетъ

вліяніе; ср. ŝŝ (ṣ̌ṣ̌) на мѣстѣ старшаго šš (= щ). Поэтому переходы вродѣ kaḃák вм. старшаго kъḃák указываютъ, вѣроятно, на то же направленіе.

— Изъ морфологіи уже приведено характерное i̯oś. Далѣе, упоминанія стóятъ сокращенныя и искалѣченныя формы, какъ «štó-ḃum d́éľъť» что будемъ дѣлать, «ô — ľákka skóľka sóu̯ ľiťáť» (при «γľáńťi-ka štó-tud́-d́éitsa»), «śáńń-id́éť dóš», т. е. śáńńä сегодня (ср. «śáńńä ńä-ḃúd́id-dъžžá»[1])), «won mož i za miné atkarawúľiť» (т. е. онъ можетъ).

Вмѣсто «какой» я слышалъ и i̯akói̯ и ľakói̯ («smatŕí ľakói̯ won śεľavék!»). — Вмѣсто формъ то, ту отмѣчены «tou̯tó d́éŕiwa», «tou̯tú i̯óľku̯».

Въ прилагательныхъ отмѣтимъ формы жен. рода ед. числа -êi̯: kaśêi̯, «at i̯akêi̯ ḃáḃä», «s-kaśêi̯u žanói̯u». Въ sľapói̯ — послѣ губного — я отмѣтилъ извѣстное намъ м. пр. изъ § 15 (Коб.) колебаніе: Т. s-sľäpу́i̯u и s-sľäpêi̯u žanói̯u, въ Р. же «sľäpу́i̯» съ какимъ то y, переходнымъ къ e, такъ что я не зналъ, что̀ правильнѣе писать; впрочемъ, у младшаго поколѣнія эти формы вытѣсняются формами лит. языка, напр. Р. Д. М. sľipói̯. — Въ И. В. ед. ч. сред. рода говорятъ и kasói̯(e) aknó и kasái̯e aknó. — Р. ед. ч. муж. и сред. родовъ все еще сохраняетъ -γa (sľäpóγα и под.), но извѣстны также формы съ w.

35. Шелохи; Сельцо. Общее направленіе лингвистическаго развитія. Матеріалъ, собранный о говорѣ поселенія Шелохи Артинской волости (šъľaxí, vóľъś aŕťínskъi̯a), къ сѣверо-востоку отъ Теплова, на Воронѣ, притокѣ Угры, опять не представляетъ особенностей, вызывающихъ къ подробному изложенію. Звуковой строй говора вполнѣ согласуется съ описанными раньше говорами. Двойные согласные (ḃεľľó žyťťó źéľľä kaľóśśä vaľóśśä) соединяютъ его съ западнымъ типомъ, Сильк. и Дем.; для «есть» я слышалъ только i̯êś, но не смѣю утверждать, чтобы притомъ не существовало i̯oś; къ Р. ед. ч. мѣстоименій ср. i̯ävó (i̯evó), но также «i̯aγó dóma ńéťuťi» «u̯-ńaγó skъtá mnaγó», ńidnaγó ни одного, и под.; -γo по крайней мѣрѣ еще преобладаетъ у старшихъ, но -vo вторгается. Въ этомъ говорѣ я не замѣчалъ «оканія», за то — ясную склонность (индивидуальную?) превратить предударное «ъ» въ чистое a въ случаяхъ, какъ ḃaľá была, sľaxáľ слыхалъ. — Съ произношеніемъ, описаннымъ для Ив., согласуется удлиненіе не только ударяемаго, но также предударнаго слога, въ извѣстную «полудолготу». Параллельно съ Ив. типомъ идетъ, по моимъ запискамъ, вообще также интонація: въ сообщающемъ стилѣ ударяе-

---

1) При другомъ случаѣ я слышалъ dъžžá.

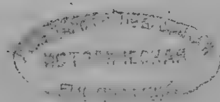
мый слогъ имѣетъ низкій, предударные вообще высшій (и повышающійся) тонъ, такъ что слогъ непосредственно передъ ударяемымъ представляетъ высшую тонную часть слова: on-pгъm̓ák ad-dъžžá (промокъ отъ дождя) даетъ фигуру · ˙ ¦ · ˙ ¦ . Въ иныхъ случаяхъ пониженіе тона происходитъ внутри ударяемаго слога: «on bαγât». Мое вниманіе привлекъ переходъ, въ связи съ удлиненіемъ предударнаго слога, ожидаемаго ъ передъ á въ а; при вопросительномъ pгъd̓ъł̓á? съ интонаціей ˬ ˘ ˊ, я отмѣтилъ подтверждающее pгъdał̓á въ видѣ ˘ ˊ; очевидно, желаемое выдвиженіе распадается на два слога, ударяемый и предударный, принципъ, извѣстный намъ изъ Ив. и другихъ говоровъ; но такъ какъ ъ неспособно удлиняться, то въ данномъ случаѣ, съ извѣстнымъ эмфазисомъ, оно замѣняется гласнымъ, способнымъ къ удлиненію. Это какъ бы живая иллюстрація къ предполагаемому мною въ § 17 образу распаденія первоначальныхъ «ирраціональныхъ» въ ъ и а, і и ’а. — Однако, нужно добавить, что въ этомъ говорѣ и ъ слабѣйшихъ слоговъ часто замѣняется яснымъ а, и не только въ случаяхъ, какъ xaгaši̓, γał̓asá, которые могутъ представлять «гармонизацію», но также при другихъ условіяхъ. — Въ связи съ указанной перемѣной гласнаго (ъ > а) при удлиненіи предударнаго слога, я упомяну другое явленіе, которое я затрогивалъ уже въ выше описанныхъ говорахъ, и которое я случайно и особенно ясно наблюдалъ въ этомъ говорѣ. Говорю опять о растяженіи слоговъ съ ъ, но не передъ á. Такое растяженіе случается, напр., при размышленіи. Въ такомъ случаѣ ъ опять оставляетъ свой собственный видъ, и переходитъ не въ а, но въ у, представляющее какъ бы «Dehnstufe» ъ въ такихъ случаяхъ. Такъ, напр., медленное sъ šv̓icám̓i со швецами развивается въ sÿš-, съ яснымъ, довольно напряженнымъ ы; такое у не надо путать съ развитіемъ «у» въ случаяхъ какъ «ná-пуč», «d̓ycká», о которыхъ въ § 7, хотя и то и другое у показываютъ артикуляторное родство этого гласнаго съ ъ.

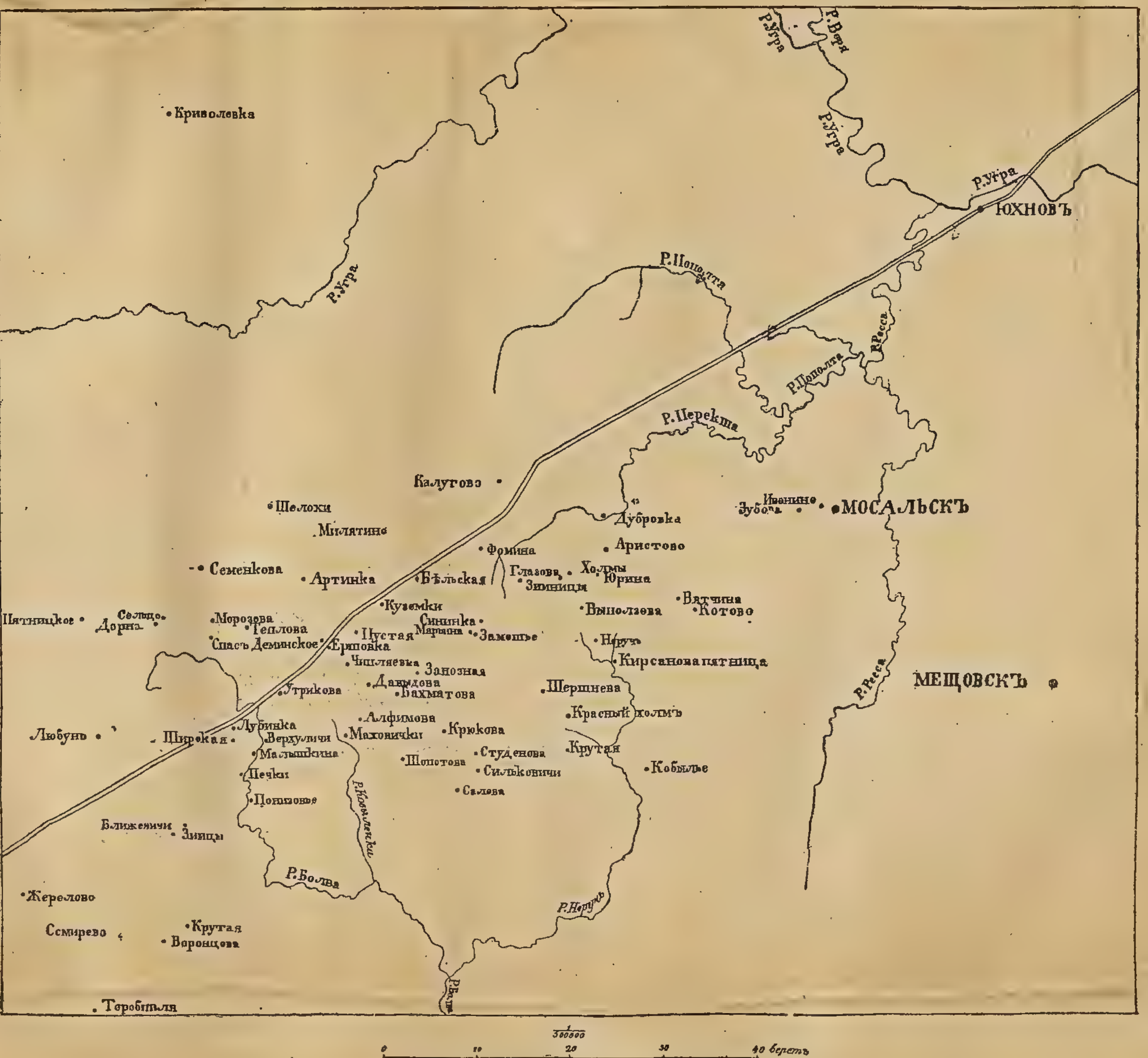
— Переходя въ другую сторону отъ Спасъ-Деминскаго, въ село Сельцо (šił̓có), верстахъ въ четырехъ къ западу, уже не далеко отъ границы Ельнинскаго уѣзда, мы опять не находимъ принципіальныхъ отступленій отъ извѣстныхъ намъ звуковыхъ особенностей: тѣ же самые согласные и гласные оттѣнки, тѣ же самыя условія ихъ распредѣленія и подобныя отклоненія отъ главныхъ правилъ. Приведемъ, для оріентировки, рядъ освѣщающихъ примѣровъ: sł̓ъmáł̓ сломалъ, ...dъ ták... да такъ, гъzγavóг, rádъsná радостно, «on rad̓íł̓śa dъ-m̓ił̓axv̓éstu» т. е. до манифеста 61 года; sł̓izá слеза, śŕitká изрѣдко, ńasú несу но ńεśéš несешь, ṕešój но ṕišakóm пѣшкомъ; tipł̓avúxi (назв. гриба), sł̓ab̓éit̓ слабѣетъ, tгóiä трое; при d̓isná Десна также

ďesná, извнѣ (или по аналогіи); ƀъravík во множ. числѣ ƀorvíkí; ruƀuwáť xáty — теперь больше говорятъ ruƀíť—; ńé-ƀъľъ или ńé-ƀъľò, mъxamőry, мухоморы, xľéƀα dъƀuwáť (добывать), mužukí — и т. д. Для особой характеристики говора приведемъ слѣдующія черты: ťi въ вопросахъ, i̯oś («ťi-i̯óś u ťiƀé karówa?»; однако i̯ȇś-ľi, есть ли, уже вполнѣ извѣстно, даже у старыхъ); вопросительное i̯ak- вм. kak-; удлиненные (двойные) согласные, напр. svińńá suďďá druži̯á (мн. ч. къ drux другъ) vyľľiš выльешь praľľoš (старше -ľľéš прольешь), но напр. rъzaƀi̯éš, не -ƀƀ-; спорадическое, впрочемъ не частое «оканіе», напр. vodá, ƀoravík (мн. ч. ƀorvíkí), ťri γodá, noγá (nъγá), ƀoroná — ср. 1. л. ед. ч. ƀaranú, съ «гармонизаціей» гласныхъ; это все черты, извѣстныя намъ изъ С.-Деминскаго. Какъ важную особенность, добавимъ къ этому нынѣ исчезающія формы прош. времени на -u̯, ńi-znáu̯, ƀiu̯, ťi-víďiu̯ («a tapéŕ víďeł»); я слышалъ ихъ только у старика 78-и лѣтъ, онѣ представляютъ, очевидно, лишь остатокъ особенности, нынѣ отступающей все дальше на западъ подъ натискомъ съ востока ł — какъ, напр., отступаетъ здѣсь еще обыкновенное слово «рап». И, вообще, даже у сѣраго старика, я могъ замѣчать многое, которое, очевидно, заимствовано извнѣ. Мы указали выше на i̯ȇś вм. i̯oś, на ľi вм. ťi, на praľľóš вм. praľľéš (ср. ńε-śóš вм. ńεśéš), на ďesná, вѣроятно также чужую форму, при ожидаемомъ ďisná; вмѣсто u̯, w все больше употребляютъ и здѣсь v; и даже у старыхъ произношеніе «по слогамъ» уже сильно борется со скорѣйшимъ темпомъ, сокращающимъ слоги, т. е. съ болѣе «московскимъ» образомъ рѣчи. То есть, все лингвистическое развитіе подлежитъ очевидно и въ этихъ мѣстностяхъ тѣмъ же самымъ моментамъ, тому же самому общему вліянію извнѣ, которое намъ извѣстно, въ болѣе или менѣе яркихъ чертахъ, изъ всѣхъ выше описанныхъ говоровъ Мосальскаго уѣзда.

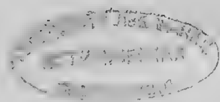
Христіанія, іюнь 1914 г.

Олафъ Брокъ.

ЮХНОВЪ
МОСАЛЬСКЪ
МЕЩОВСКЪ
Р.Угра
Р.Вря
Р.Пополта
Р.Перекша
Р.Ресса
Р.Болва
Р.Кобыленка
Р.Неручъ
Криволевка
Калугово
Шелохи
Милятино
Семенкова
Артинка
Бѣльская
Фомина
Дубровка
Аристово
Глазова
Холмы
Юрина
Зиминця
Кувемки
Выползова
Вятчина
Котово
Пятницкое
Сельцо
Дорна
Морозова
Теплова
Спасъ Деминское
Ерповка
Пустая
Сининка
Марьина
Замошье
Кирсанова пятница
Чипляевка
Занозная
Давыдова
Бахматова
Утрикова
Шершнева
Красный холмъ
Любунь
Широкая
Лубинка
Верхуличи
Махонички
Алфимова
Крюкова
Масльшкина
Печки
Шопотова
Студенова
Силъковичи
Крутая
Кобылье
Селова
Понизовье
Ближеничи
Зиницы
Жерелово
Семирево
Крутая
Воронцова
Торобилля
0
10
20
30
40 верстъ

Цѣна 1 руб. 20 коп.; Prix 1 rbl. 20 cop.

Продается въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ и у ея комиссіонеровъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Петроградѣ, **Н. П. Карбасникова** въ Петроградѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, **Н. Я. Оглоблина** въ Петроградѣ и Кіевѣ, **Н. Киммеля** въ Ригѣ, **Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glazunov et C. Ricker à Petrograd, **N. Karbasnikov** à Petrograd, Moscou, Varsovie et Vilna, **N. Ogloblin** à Petrograd et Kiev, **N. Kymmel** à Riga, **Luzac & Cie** à Londres.

